ISSN 0131-6117

Русская речь

RUSSIAN SPEECH

МОСКВА, 2020

4 ИЮЛЬ–АВГУСТ

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Русская речь
Russian Speech

№ 04 | 2020

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., Московский педагогический государственный университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАО, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет

А. А. Гиппиус д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН

М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США

В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания

М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США

Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия

Х. Пфандль Dr. phiL., проф., Грацский университет, Австрия

Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

А. А. Соколянский д. ф. н., проф., Северо-Восточный государственный университет

Зав. редакцией: **О. В. Антонова**

Зав. отделами: **А. В. Занадворова, М. А. Пузина**

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Сайт: http://russkayarech.ru/

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

© Российская академия наук

© Составление. Редколлегия журнала «Русская речь», 2020

ISSN 0131-6117

ISSN 0131-6117

Russian Speech

RUSSKAYA RECH'

MOSCOW, 2020

4 JULY–AUGUST

Founded in January 1967

6 issues per year

Russian Speech

No. 04 | 2020

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Elena Ya. Shmeleva Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Editorial board:

Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Dementyev Saratov State University, Saratov, Russia

Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA

Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Mikhail A. Osadchiy Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl University of Graz, Austria

Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova University of Helsinki, Finland

Larissa Ryazanova-Clarke University of Edinburgh, UK

Alexander A. Sokolyansky North-Eastern State University, Magadan, Russia

Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: **Olga V. Antonova**

Editorial staff: **Anna V. Zanadvorova, Maria A. Puzina**

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: http://russkayarech.ru/

ISSN 0131-6117

Содержание

Проблемы современного русского языка

7..... *И. А. Букринская, О. Е. Кармакова.* Региональные разновидности русской речи

19..... *В. Е. Замальдинов.* «Вирусные» новообразования в современной медиакоммуникации

28..... *Л. А. Сомова.* Трансформации речевого акта оскорбления в рэп-батлах

42..... *А. Д. Шмелев.* Кодификация русской орфографии и написание собственных имен людей с прописной буквы — есть ли проблема?

Из истории русского языка

54..... *И. Е. Кузнецова.* *Я мол кагве не буду пить, у нас мол на Руси нѣт этаго питья* (о роде слова *кофе* в истории русского языка)

65..... *В. И. Максимов.* О «кроватях» в «Слове о полку Игореве» («на кроваты тисовѣ» и «схоти ю на кровать»)

80..... *М. А. Пузина.* Еще раз о словах *правовѣрьныи/православьныи* и их синонимах в древнерусском языке

Язык художественной литературы

93..... *Н. А. Николина, З. Ю. Петрова.* Метафоры повседневной речи в зеркале современной русской художественной прозы

Книжные новинки

105..... *Н. В. Патроева.* Рецензия на «Словарь языка русской поэзии XX века». Том VIII: Смола — Толщь

Наука в лицах

111..... *А. А. Соколянский.* Мой Панов: к 100-летию со дня рождения

124..... Памяти Галины Александровны Золотовой (1924–2020)

Contents

Issues of Modern Russian Language

7..... *Irina A. Bukrinskaya, Olga E. Karmakova.* Regional Varieties of the Russian Speech

19..... *Vladislav E. Zamaldinov.* "Viral" Innovations in Modern Media Communication

28..... *Liudmila A. Somova.* Transformation of the Speech Act of Insult in the Rap Battles

42..... *Alexei D. Shmelev.* Codification of the Russian Orthography and Capitalization of Personal Proper Names: Is There Any Problem?

From the History of the Russian Language

54..... *Irina E. Kuznetsova.* On the Gender of the Word *Coffee* in the History of the Russian Language

65..... *Vladimir I. Maximov.* On the "beds" in "The Tale of Igor's Campaign" ("na krovaty tisove" and "skhoty yu na krovat'")

80..... *Maria A. Puzina.* On the Words *pravověrьny/pravoslavьny* and Their Synonyms in the Old Russian Language

The Language of Fiction

93..... *Natalia A. Nikolina, Zoya Yu. Petrova.* Metaphors of Everyday Speech in Modern Russian Prose

Book News

105..... *Natalya V. Patroeva.* Review: "Dictionary of the Language of the Twentieth Century Russian Poetry". Volume VIII: Smola — Tolsch

Science and Persons

111..... *Alexander A. Sokolyansky.* My Panov: on the Occasion of the 100th Birthday

124..... In Memory of Galina A. Zolotova (1924–2020)

Русская речь
Russian Speech

№ 04 | 2020
С. / Pp. 07–18

Проблемы современного русского языка

Региональные разновидности русской речи

Букринская Ирина Анатольевна, Кармакова Ольга Евгеньевна,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва),
irbukr@gmail.com, okarmakova@list.ru

DOI: 10.31857/S013161170010731-3

АННОТАЦИЯ: Основными типами речи жителей современной деревни и небольших городов являются, по мнению авторов, регионолекты и локально окрашенные варианты литературного языка. В регионально окрашенных вариантах отсутствуют грамматические диалектизмы, но могут быть отдельные фонетические черты, которые не мешают коммуникации, и местная лексика. В регионолекте, в свою очередь, отмечаются диалектные особенности всех языковых уровней. В статье обосновывается необходимость различать эти разновидности речи, а также рассматриваются регионализмы — слова и выражения, которые употребляются на определенной территории большинством жителей вне зависимости от их социального статуса (например, на юго-западе России: *аγ**р**ест* ‘крыжовник’ (также в блр., укр., литв., польск.), *пор**е**чка* ‘красная смородина’ (также в укр., *пар**е**чка* — в блр.), *бур**а**к* ‘печка-голландка, круглая печь’, ‘дымоход’, *холодн**и**к* ‘холодный суп из свеклы’, ‘свекольник’, *халадн**и**к* — в блр. и др.).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: регионолект, регионально окрашенный вариант литературного языка, диалектные черты, регионализм

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Букринская И. А., Кармакова О. Е. Региональные разновидности устной речи // Русская речь. 2020. № 4. С. 7–18. DOI: 10.31857/S013161170010731-3.

Issues of Modern Russian Language

Regional Varieties of the Russian Speech

Irina A. Bukrinskaya, Olga E. Karmakova, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences) (Russia, Moscow), irbukr@gmail.com, okarmakova@list.ru

ABSTRACT: The main types of speech of modern village residents and small towns dwellers, according to the authors, are regiolects and locally colored versions of the literary language. Regionally colored versions lack grammatical dialect phenomena, but there may be some phonetic features that do not interfere with communication as well as regional words. Regiolect, in turn, includes dialectal features of all language levels. The article substantiates the need to distinguish between these types of speech, and also considers regionalisms — words and expressions that are used in a certain territory by the majority of residents regardless of their social status (for example, in the South-West of Russia: *aγrest* 'gooseberry' (also in the Belorussian, Ukrainian, Lithuanian and Polish), *porečka* 'red currant' (also in Ukrainian, *parečka* — in Belorussian), *burak* 'dutch oven, round oven' 'chimney', *holodnik* 'cold beet soup', 'beetroot soup', *haladnik* — in Belorussian).

KEYWORDS: regiolects, locally colored versions of the literary language dialectal features, regionalism

FOR CITATION: Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. Regional Varieties of the Russian Speech. Russian Speech = Russkaya Rech. 2020. No. 4. Pp. 7–18. DOI: 10.31857/S013161170010731-3.

Исследование идиомов, функционирующих на определенном, достаточно обширном пространстве и не совпадающих с литературным языком, становится в последнее десятилетие все более актуальным. Это

связано со стремлением лингвистов понять современную языковую ситуацию, связанную с утратой или трансформацией говоров, миграцией населения, демократизацией языка, в том числе увеличением спонтанной публичной речи, включающей просторечные, жаргонные, сленговые слова, их постоянный рост в СМИ. Полевые исследования, ежегодно проводимые диалектологами Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в течение последнего времени (2002–2019 гг.), дали надежный материал для изучения не только традиционных говоров, но и тех идиомов, которые пришли им на смену. Некоторые результаты исследований были опубликованы: [Букринская, Кармакова 2012; Букринская, Кармакова 2013].

Как показал материал, на территории, обследованной для Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ), в настоящее время бытуют говоры, которые утратили отдельные архаические черты, зафиксированные в 50–70-х гг. прошлого века. В указанный период еще были живы люди, родившиеся в начале XX в. По мнению американского ученого А. Нахимовского, который исследовал письма русских крестьян периода советско-финляндской войны (1939–1940), это поколение «было последним, получившим свой язык в крестьянской семье и сохранившим его до конца жизни. <…> Когда же это поколение в начале нового века сошло на нет, то с ним ушел и язык крестьян, который мы слышим в письмах 1939 г. и в записях конца века» [Нахимовский 2019: 190].

На изменения в языке крестьян, связанные с социальными потрясениями начала XX в., безусловно, обращали внимание многие лингвисты. В работах В. М. Жирмунского еще в 30-е гг. появляется заимствованный из немецкой диалектологии термин *полудиалект* [Жирмунский 1936]; он до сих пор фигурирует в некоторых диалектологических и социолингвистических исследованиях. Однако диалектологи московской лингвогеографической школы им не пользуются, так как термин полудиалект, понимаемый в первую очередь как сплав литературных и диалектных единиц, упрощает характеристику современного состояния местных языков.

В 90-е гг. XX в. появляется термин *регионолект,* который был введен в научный оборот петербуржским диалектологом В. И. Трубинским [Трубинский 1991]. Ученый пишет, что диалекты не исчезают, а видоизменяются в «новые территориально-системные образования — регионолекты» [Трубинский 2004: 93], являющиеся достаточно стабильными и сохраняющими комплекс языковых черт всех уровней, о чем свидетельствуют материалы полевых исследований последнего времени.

С тех пор о понятии *регионолект* было написано много работ, но единого представления не существует до сих пор, поэтому остановимся подробнее на этом термине, весьма по-разному понимаемом лингвистами. В ра-

ботах А. С. Герда этот термин трактуется более широко [Герд 1998; 2000; 2005]: «*регионолект* — особый тип языкового состояния, который является сегодня основной формой устно-речевого общения больших групп русских как на селе, так и в городах и поселках городского типа. В отличие от просторечия регионолект — ареально ограничен» [Герд 2000: 48]. В качестве примера Герд описывает северо-западный регионолект, который распространен в Псковской, Новгородской, Ленинградской, Мурманской областях и Карелии.

Взгляды А. С. Герда разделяют многие современные лингвисты. Так, например, Е. А. Оглезнева выделяет Дальневосточный регионолект [Оглезнева 2013], С. А. Кошарная — регионолект Белгородчины [Кошарная 2017], В. И. Теркулов — Донецкий регионолект [Донецкий регионолект 2018] и др.

Дальнейшее развитие понятия *регионолект* получило в работах Е. В. Ерофеевой, которая изучала языковую ситуацию Пермского края вероятностно-статистическим методом и определила регионолект как «промежуточный идиом… который рождается на пересечении местных говоров, литературного языка и просторечия (и естественным образом взаимодействует с различного рода жаргонами) и является основной формой местной речи в провинции» [Ерофеева 2005: 292]. Как справедливо замечает Л. А. Грузберг, «признание регионолекта реальной устно-речевой сущностью выявило совершенно новый и, как показали дальнейшие события, весьма научно плодотворный объект социолингвистики» [Грузберг 2010].

Углубление социолингвистических исследований, а также изменения в языковой ситуации ряда регионов все более отдаляют лингвистов от исходного, предложенного Трубинским определения термина «регионолект». Например, в одном из словарей лингвистических терминов дается следующее определение: «Регионолект — термин, обозначающий речь жителей средних и малых городов, в которых ощущается влияние местных говоров и просторечия. От территориальных диалектов регионолект отличается тем, что распространен на более обширной территории, в крупных и некрупных городах, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга. От речи больших городов регионолект отличается единообразием, так как его основные носители — *местная городская интеллигенция, служащие административных учреждений*» (выделено нами — *Б. К.*) [Жеребило 2010: 300–301]. При такой расширенной трактовке исследователи не делают различий между регионально окрашенным литературным языком и регионолектом, который противопоставлен, с одной стороны, нормированному литературному языку, а с другой — традиционному диалекту (см., например, [Черемисина 2015: 47–48]). Эта позиция понятна, так как всякое проявление региональной специфики, даже только

на уровне лексики, рассматривается как нарушение литературной нормы. Однако с каждым годом среди лингвистов растет число сторонников более гибкого подхода к понятию литературного языка, поскольку для исследователей живой разговорной речи становится очевидным «варьирование литературного языка в зависимости от территориального фактора и формирование промежуточных языковых форм, в которых литературная речь оказывается в большей или меньшей степени диалектно окрашенной» [Крысин 2013: 69–70].

Термин *регионолект* употребляется и в работах, исследующих памятники письменности разных жанров. Так, А. П. Майоров, анализируя языковую ситуацию в Сибири XVIII в., определяет регионолект как территориальный вариант литературного языка, «представлявшего собой синтез книжных средств с элементами народных говоров и социальных диалектов, с заимствованиями из автохтонных языков» [Майоров 2018: 154]. Как видно из приведенной цитаты, автор имеет в виду лексический уровень языка, при этом различает регионализмы и диалектные слова. Под регионализмом понимается «языковая единица (большей частью — лексическое средство), которая находится в повседневном речевом обиходе всех носителей языка в том или ином регионе полиэтнического языкового сообщества независимо от их социального положения, возраста, пола и может обозначать реалию, имеющую в литературном языке иное наименование» [Майоров 2018: 155]. В качестве примера приведено слово *море* в значении ‘озеро’ — постоянное наименование озера Байкал в исследованных документах. В том случае, когда в памятниках этого региона употребляется диалектное слово, оно сопровождается различного рода пояснениями.

Диалектологи (вслед за Трубинским) придерживаются более узкого понимания рассматриваемого термина, различая регионолект и локально (регионально) окрашенный литературный язык — ЛЯ [Нефедова 2009; Букринская, Кармакова 2013]. Нам представляется важным разграничивать эти два типа речи, различаются они в первую очередь тем, что в регионально окрашенном ЛЯ нет грамматических диалектных черт. Так, в эксперименте студентам-филологам предлагалось оценить аудиозаписи разных информантов, тексты с грамматическими особенностями говоров ими не воспринимались как литературные. О значении аудирования при определении типа речи писала М. Краузе [Краузе 2008].

Таким образом, в регионально окрашенном ЛЯ сохраняются отдельные фонетические черты, не мешающие коммуникации, присутствуют регионализмы в небольшом количестве, но не должно быть грамматических диалектизмов. Для диалектологов точкой отсчета выступает традиционный говор, и по мере утраты нескольких или многих диалектных черт

всех языковых ярусов происходит его трансформация, получается, что граница между диалектом и региолектом размыта. Однако мы полагаем, что есть критерий, из которого можно исходить: диалектный тип речи характеризуется системностью и последовательностью в проявлении диалектных признаков, а региолект — меньшим количеством диалектных черт и непоследовательностью их употребления. Носителями региолекта являются в первую очередь деревенские жители и жители малых городов, не имеющие высшего образования, а местная интеллигенция говорит на регионально окрашенном варианте литературного языка. В ее речи отмечается определенное количество фонетических диалектизмов (например, на севере сохраняется *оканье*, наличие дифтонга или дифтонгоида на месте *ě (ять), на юго-западе — *диссимилятивное аканье*, *альвеолярное* («шепелявое») произношение *з*, *с*; на юге — фрикативный [γ]), представлена и региональная лексика. Именно использование региональной и диалектной лексики сближает региолект и регионально окрашенный вариант ЛЯ. Более подробно диалектные черты всех уровней, характеризующие региолекты и регионально окрашенные варианты ЛЯ разных территорий, приведены в [Букринская, Кармакова 2012; Букринская, Кармакова 2016].

Изучение речи больших и малых городов, функционирование русского языка на постсоветском пространстве спровоцировало волну интереса к лексическим особенностям в языке различных регионов. В связи с этим в научном сообществе активно обсуждается объем понятия *регионализм*, источники региональной лексики и возможности ее лексикографического описания.

Надо отметить, что одной из первых начала изучать особенности региональной речи Т. И. Ерофеева — основатель Пермской школы социолингвистики [Ерофеева, Скитова 1992]. Аналитический обзор разных точек зрения на эту тему содержится в [Резвухина 2015]. Большой вклад в изучение названной проблематики внес В. И. Беликов, который отмечает, что «городская регионально маркированная лексика, фразеология и коллокации характерны для всех языковых регистров: официального стиля, повседневно-разговорного словоупотребления, профессиональной речи, общего, молодежного и специализированных жаргонов» [Беликов 2013: 7]. Автор считает возможным и в академической лексикографии учитывать «региональную норму» [Беликов 2004].

Рассмотрим некоторые примеры регионализмов, которые были записаны нами в экспедициях последних лет, эти лексические единицы используются людьми вне зависимости от их социального статуса. Так, например, юго-западную диалектную зону характеризует употребление слов *а*γ*рест* (‘крыжовник’, также в блр., укр., литв., польск.), *пор**е**чка* (‘красная

смородина’, также в укр., *пар**е**чка* — в блр.,), *бур**а**к* (‘печка-голландка, круглая печь’, ‘дымоход’), *холодн**и**к* (‘холодный суп из свеклы’, ‘свекольник’, *халадн**и**к* — в блр.), *п**я**стка*, *п**я**сточка* (‘горсть чего-либо’, псковское слово, которое характеризует речь старшего поколения), *глум**и**ть г**о**лову* ‘морочить голову, надоедать с ерундой, путать’ (псков.). Регионализмы, широко употребимые на южных территориях: *тормоз**о**к* (‘еда, которую берут с собой, обычно на работу’), чаще в речи шахтеров, *ч**а**пельник* (‘съемная ручка для сковороды’, ‘сковородник’), *потол**о**к* (‘чердак’), на севере: *баск**о**й* ‘красивый, хороший’, *в**ы**шка* ‘чердак’, *год**и**на* ‘годовщина смерти’, *уг**о**р* ‘небольшая гора, возвышенность’. В наших материалах были отмечены и семантические регионализмы, например: *м**а**лец* ‘мужик, парень, мужчина’ (псков.), ср. с ЛЯ, где *мал**е**ц* ‘мальчик, подросток’, *пог**о**да* ‘ненастье’ (тульск.), *пал**а**тка* ‘небольшой каменный домик, предназначенный для хранения ценных вещей на случай пожара и стоящий на расстоянии от жилого строения’ (владимир.).

К регионализмам примыкают этнографизмы, которые называют предметы, понятия, характерные для быта, хозяйства только какой-то части национальной культуры, территориально ограниченной. К подобным примерам относятся названия разновидностей *понёвы*: *бр**а**ная по полотну понёва* — отражает технику тканья (белг., воронеж., ряз.), *голокл**е**тка г**у**стыми*, *голокл**е**тка р**е**дкими*, *краснопол**о**ска* (белг., воронеж.). Достаточно много этнографизмов связано с именованиями еды: *к**а**танка* ‘вид лапши’ (в виде шариков, ее долго приготовляют, обкатывая крупинку пшена в муке; белг., воронеж.), *с**у**щик* ‘сушеная рыба’ (ерш, чаще снеток, сушеные в печи, арх., вологод.), *кал**и**тки* ‘различные по форме пироги или лепешки с начинкой, как правило открытые’ (арх., вологод.), *ш**а**ньги* ‘различные по форме пироги или лепешки с начинкой, чаще с творогом’ (сев.), *ком**ы*** ‘вареные шарики из картофельного теста’ (псков.), *п**о**левка* ‘мясной или грибной бульон с поджаренным луком, заправленный подкисшей (заквасившейся) болтушкой из ржаной муки’ (псков., в некоторых местах подавался на поминках, слово сохраняется преимущественно в речи старшего поколения). Некоторые регионализмы широко используются в языке художественной литературы и, таким образом, фиксируются в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), например: *ш**а**ньги, уг**о**р*. Наименование *карбас* ‘парусно-гребное промысловое и транспортное судно среднего размера’ — северный регионализм, известный и в Сибири, отмечен не только в НКРЯ, но и в [Шведова 2008].

Кроме регионализмов *исконных*, пришедших *из диалектов*, есть так называемые *новые регионализмы*, возникшие в современных языковых условиях для обозначения вновь появившихся реалий или для экспрессивности, например арх.: *пат**е**нт* ‘молния’, *п**а**стик* ‘стержень шариковой

ручки'; уральск.: *квадр**а**т* 'квартира', *п**у**хич* 'пуховик'. Подобные слова привлекают внимание пользователей Интернета и широко обсуждаются в соцсетях, часто они заимствуются из молодежного сленга.

Итак, на наш взгляд, необходимо различать такие типы речи, как регионально окрашенный вариант ЛЯ и региолект. В регионально окрашенном варианте ЛЯ отсутствуют грамматические диалектизмы, но представлены отдельные фонетические черты и локальная лексика. А в региолекте отмечены диалектные особенности всех языковых уровней. По нашим наблюдениям, существуют разные формы региолектов, связанные с разными социальными стратами: так, в речи старшего поколения больше диалектных особенностей, а в речи молодых людей диалектные черты убывают, но употребляется больше всякого рода жаргонно-сленговой лексики.

Литература

Беликов В. И. Сравнение Петербурга с Москвой и другие соображения по социальной лексикографии // Русский язык сегодня. Вып. 3. Проблемы русской лексикографии. М.: Ин-т рус. яз. РАН, ПИК ВИНИТИ, 2004. С. 23–34.

Беликов В. И. Региональные варианты русского языка и традиционные сельские диалекты // Региональные варианты национального языка: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции / Науч. ред. А. П. Майоров. Улан-Удэ, 2013. С. 7–9.

Букринская И. А., *Кармакова О. Е.* Речевое многоголосие «уездного» города // Вопросы культуры речи. Вып. XI / Отв. ред. А. Д. Шмелев. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 313–319.

Букринская И. А., *Кармакова О. Е.* Провинциальная речь: от диалекта к литературному языку // Региональные варианты национального языка: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции / Науч. ред. А. П. Майоров. Улан-Удэ, 2013. С. 12–16.

Букринская И. А., *Кармакова О. Е.* Еще раз о понятии «региолект» // Verba magistro. Сб. научных статей памяти профессора А. С. Герда / Отв. ред. А. Х. Гирфанова, С. А. Мызников. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 124–134.

Герд А. С. Диалект — региолект — просторечие // Русский язык в его функционировании. Третьи Шмелевские чтения. М., 1998. С. 20–21.

Герд А. С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня. Вып. 1. М. 2000. С. 45–52.

Герд А. С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 457 с.

Грузберг Л. А. Региолект // Филолог. 2010. № 11 [Электронный ресурс]. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_11_208 (дата обращения: 20.07.2019).

Донецкий региолект: монография / Под ред. В. И. Теркулова. Донецк: Издательство ООО НПП «Фолиант», 2018. 265 с.

Ерофеева Е. В. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 2005. 308 с.

Ерофеева Т. И., Скитова Ф. Л. Локализмы в литературной речи горожан. Пермь, 1992. 92 с.

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.

Жирмунский В. Д. Национальный язык и социальные диалекты. М.–Л., 1936. 280 с.

Кошарная С. А. Региолект Белгородчины как лингвокультурное образование // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. Белгород, 2017. № 14 (263). Вып. 34. С. 14–25.

Краузе М. Язык города в свете концепции региолекта // Язык современного города. Тезисы докладов международной конференции Восьмые Шмелевские чтения. М., 2008. С. 86–90.

Крысин Л. П. О параметрах регионального варьирования современного русского языка // Региональные варианты национального языка: Материалы Всероссийской научной конференции / Науч. ред. А. П. Майоров. Улан-Удэ, 2013. С. 66–71.

Майоров А. П. Регионализмы и диалектные слова в русском языке XVIII в. // Актуальные проблемы русской диалектологии: Материалы международной конференции, 26–28 октября 2018 г. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2018. С. 154–156.

Нахимовский А. Письма крестьянских женщин на Финский фронт (1939–1940 гг.) // Актуальные проблемы русской диалектологии: Материалы международной конференции, 26–28 октября 2018 г. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2018. С. 182–190.

Нефедова Е. А. О диалектном варьировании // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества. Тезисы докладов международной конференции 19–21 октября 2009 г. М., 2009. С. 161–163.

Оглезнева Е. А. Дальневосточный региолект русского национального языка: к вопросу о его формировании и специфике // Региональные варианты национального языка. Улан-Удэ, 2013. С. 38–42.

Резвухина Ю. А. Регионализм: к определению понятия // Интерэкспо. Гео-Сибирь. Языкознание. 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/regionalizm-k-opredeleniyu-ponyatiya (дата обращения: 29.07.2019).

Трубинский В. И. Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение. Псков, 1991. С. 156–162.

Трубинский В. И. О новых территориально-системных образованиях в русской разговорной стихии // Русский язык: Исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М.: МГУ, 2004. С. 93–94.

Черемисина Е. В. О региолекте в современном языкознании // Перспективы развития современных гуманитарных наук: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Воронеж, 2015. Вып. 2. С. 45–49.

Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

References

Belikov V. I. [Comparison of St. Petersburg with Moscow and other considerations on social lexicography]. *Russkii yazyk segodnya. Problemy russkoi leksikografii* [Russian language today. Problems of Russian lexicography]. Moscow, In-t Rus. Yaz. Publ., PIK VINITI, 2004, no. 3, pp. 23–34. (In Russ.)

Belikov V. I. [Regional variants of the Russian language and traditional rural dialects]. *Regional'nye varianty nacional'nogo yazyka: materialy vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferencii* [Regional versions of the national language: materials of the all-Russian (with international participation) scientific conference]. Ed. Mayorov A. P. Ulan-Ude, 2013, pp. 7–9. (In Russ.)

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. [Speech polyphony of the "County" city]. *Voprosy kul'tury rechi* [Questions of speech culture]. Ed. A. D. Shmelev. Moscow, Languages of Slavic culture, 2012, no. XI, pp. 313–319. (In Russ.)

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. [Provincial speech: from dialect to literary language]. *Regional'nye varianty nacional'nogo yazyka* [Regional variants of the national language: Materials of the all-Russian scientific conference]. Ulan-Ude, 2013, pp. 12–16. (In Russ.)

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. [Once again about the concept of "regiolect"]. Verba magistro. Collection of scientific articles in memory of Professor A. S. Gerd. Eds. A. H. Girfanova, S. A. Myznikov. SPb., Nestor-History, 2016, pp. 124–134. (In Russ.)

Cheremisina E. V. [On regiolect in modern linguistics]. *Perspektivy razvitiya sovremennykh gumanitarnykh nauk: sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Prospects for the development of modern Humanities: a collection of scientific papers based on the results of the scientific and practical international conference]. Voronezh, 2015, 2, pp. 45–49. (In Russ.)

Donetskii regiolekt: monografiya [Donetsk regiolect: monograph. Under the editorship of V. I. Terkulov]. Donetsk, Publishing House "Foliant", 2018, 265 p.

Erofeeva E. V. *Veroyatnostnaya struktura idiomov: sociolingvisticheskii aspekt* [Probabilistic structure of idioms: sociolinguistic aspect]. Perm, Perm Univ. Publ., 2005. 308 p.

Erofeeva T. I., Skitova F. L. *Lokalizmy v literaturnoi rechi gorozhan.* [Localisms in the literary speech of citizens]. Perm. 1992, 92 p.

Gerd A. S. [Dialect-regiolect-vernacular]. *Russkii yazyk v ego funkcionirovanii. Tret'i Shmelevskie chteniya* [Russian language in its functioning. III Shmelev readings]. Moscow, 1998, pp. 20–21. (In Russ.)

Gerd A. S. [Some remarks about the concept of "dialect"]. *Russian language today*. Vol. 1. Moscow, 2000, pp. 45–52. (In Russ.)

Gerd A. S. *Vvedenie v etnolingvistiku: kurs lekcii i hrestomatiya* [Introduction to ethnolinguistics: a course of lectures and a textbook]. St. Petersburg, St. Petersb. Univ. Publ., 2005, 457 p.

Gruzberg L. A. *Regiolect. Filolog* [Regiolekt. Philologist]. 2010, no. 11. Available at: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_11_208 (accessed: 20.07.2019).

Kosharnaya S. A. [Regiolect of Belgorod region as a linguistic and cultural education]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Filologiya. Zhurnalistika. Pedagogika. Psihologiya.* [Scientific reports. Belgorod State University. Humanities. Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology]. Belgorod, 2017, no. 14 (263), vol. 34, pp. 14–25. (In Russ.)

Krause M. [The Language of the city in the light of the concept of regiolect]. *Yazyk sovremennogo goroda. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferencii. 8th Shmelevskie chteniya* [The Language of the modern city. Abstracts of the international conference. Eighth Shmelev readings]. Moscow, 2008, pp. 86–90. (In Russ.)

Krysin L. P. [On the parameters of regional variation of the modern Russian language]. *Regional'nye varianty nacional'nogo yazyka. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferencii* [Regional variants of the national language: Materials of the all-Russian scientific conference]. Ed. Mayorov A. P. Ulan-Ude, 2013, pp. 66–71. (In Russ.)

Mayorov A. P. [Regionalisms and dialect words in the Russian language of the XVII century]. *Aktual'nye problemy russkoi dialektologii: Materialy mezhdunarodnoi konferencii* [Actual problems of Russian dialectology: Proceedings of the international conference Institute of Russian Language.V. V. Vinogradov Russian Academy of Sciences]. Moscow, 2018, pp. 154–156. (In Russ.)

Nahimovskii A. [Russian women's letters to the Finnish front (1939–1940)]. *Aktual'nye problemy russkoi dialektologii: Materialy mezhdunarodnoi konferencii* [Actual problems of Russian dialectology: Proceedings of the international conference. Institute of Russian language.V. V. Vinogradov Russian Academy of Sciences]. Moscow, 2018, pp. 182–190. (In Russ.)

Nefedova E. A. [On dialect variation]. *Aktual'nye problemy russkoi dialektologii i issledovaniya staroobryadchestva. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferencii* [Actual problems of Russian dialectology and research of old believers. Abstracts of the international conference]. Moscow, 2009, pp. 161–163. (In Russ.)

Oglezneva E. A. [Far Eastern regionolect of the Russian national language: on the question of its formation and specificity]. *Regional'nye varianty nacional'nogo yazyka* [Regional variants of the national language: Materials of the all-Russian scientific conference]. Ulan-Ude, 2013, pp. 38–42 (In Russ.)

Rezvuhina Y. A. [Regionalism: defining concepts]. *Interekspo. Geo-Sibir'. Yazykoznanie*. 2015. (In Russ.) Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/regionalizm-k-opredeleniyu-ponyatiya (accessed 29.07.2019).

Shvedova N. Yu. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007, 1175 p.

Trubinskii V. I. [Modern Russian regiolects: signs of formation]. *Pskovskie govory i ih okruzhenie* [Pskov dialects and their environment]. Pskov, 1991, pp. 156–162. (In Russ.)

Trubinskii V. I. [On a new territorial and systemic formations in the Russian speaking elements]. *Russkii yazyk: Istoricheskie sud'by i sovremennost'. II Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei russkogo yazyka. Trudy i materialy* [II international Congress of Russian language researchers. Works and materials]. Moscow, Moscow State University, 2004, pp. 93–94. (In Russ.)

Zherebilo T. V. *Slovar' lingvisticheskih terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Nazran, Piligrim Publ., 2010. 486 p.

Zhirmunskij V. D. *Nacional'nyi yazyk i social'nye dialekty* [National language and social dialects]. Moscow-Leningrad, 1936, 280 p.

Русская речь
Russian Speech

№ 04 | 2020
С. / Pp. 19–27

Проблемы современного русского языка

«Вирусные» новообразования в современной медиакоммуникации

Владислав Евгеньевич Замальдинов, Нижегородская академия МВД России (Россия, Нижний Новгород), zvlad-nn@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170010732-4

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются словообразовательные неологизмы, которые появились в связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19). На основе материала, собранного в медиакоммуникации, анализируются инновации, созданные на базе ключевых лексем социокультурного пространства *вирус*, *карантин*, *корона*, *коронавирус*, *пандемия*, *эпидемия, COVID*. Подобные слова отражают болезнь и страх перед смертью. Выделяются дериваты, образованные с помощью узуальных (префиксация, сложение) способов словообразования. Описываются и неузуальные (междусловное наложение, заменительная деривация, графическая гибридизация) способы словопроизводства. Окказиональные номинации обладают большей выразительностью, оригинальностью и оценочностью. Кроме того, инновации являются средством словообразовательной игры, акцентируют внимание читателя на актуальных социополитических проблемах и оказывают зрительное воздействие на адресата. Результаты исследования могут представлять интерес для журналистов, а также для специалистов в области словообразовательной неологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: новообразования, ключевые элементы социокультурного пространства, междусловное наложение, заменительная деривация, графическая гибридизация, язык СМИ

для цитирования: Замальдинов В. Е. «Вирусные» новообразования в современной медиакоммуникации // Русская речь. 2020. № 4. С. 19–27. DOI: 10.31857/S013161170010732-4.

Issues of Modern Russian Language

"Viral" Innovations in Modern Media Communication

Vladislav E. Zamaldinov, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia, Nizhny Novgorod), zvlad-nn@yandex.ru

abstract: The article deals with word-forming neologisms that have appeared in connection with the spread of coronavirus infection (COVID-19). The research is based on the material collected from the media communication. The paper analyses innovations created on the basis of the key lexemes of the socio-cultural space *virus, quarantine, corona, coronavirus, pandemic, epidemic, COVID*. Such words reflect illness and fear of death. There are derivatives formed with the help of usual methods of word formation such as prefixation and addition. However, the paper describes non-formal methods of word production (inter-word overlap, substitution derivation, graphic hybridization) as well. Occasional nominations are more expressive, original and evaluative. In addition, innovations are means of word-formation games, focusing readers' attention on current sociopolitical issues and have a visual impact on the recipient. The results of the study may be of interest to journalists, as well as to specialists in the field of word-formation neology.

keywords: innovation, key elements of the socio-cultural space, inter-word overlap, substitution derivation, graphic hybridization, media language

for citation: Zamaldinov V. E. "Viral" Innovations in Modern Media Communication. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 4. Pp. 19–27. DOI: 10.31857/S013161170010732-4.

Одной из форм современного бытования языка является медиакоммуникация. СМИ формируют сознание аудитории, несут определенную оценку, создают мифологическую реальность, воздействуют на адресата. «Информируя человека о состоянии мира и заполняя его досуг, массмедиа оказывают влияние на весь строй его мышления, его поведение, на стиль мировосприятия и тип культуры сегодняшнего дня» [Володина 2018: 10].

Язык медиакоммуникации характеризуется активным производством словообразовательных неологизмов (новообразований). Инновации привлекают внимание аудитории, появляются из-за необходимости обозначения новых понятий и явлений. С помощью новообразований журналисты выражают собственное отношение к описываемой ситуации. По словам Н. В. Баско, «именно в материалах СМИ получают первую фиксацию новообразования, возникающие в речи носителей языка и являющиеся результатом творческого поиска, оригинального подхода, изобретательности» [Баско 2018: 22].

В медийных текстах все большую частотность приобретают новообразования, появление которых связано с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19). Новые номинации создаются на базе ключевых лексем социокультурного пространства: *вирус*, *карантин*, *корона*, *коронавирус*, *пандемия*, *эпидемия, COVID* и др. С нашей точки зрения, вышеназванные лексемы отражают болезнь и опасность для человека, страх перед смертью и неизвестностью.

В медийной коммуникации распространены новообразования, созданные узуальными способами деривации. Подобные номинации не нарушают словообразовательного стандарта. Так, широко представлены в языке СМИ префиксальные новообразования, возникшие как реакция на ситуацию с коронавирусной инфекцией. Как отмечает Е. А. Земская, «префиксальный способ словообразования (префиксация) — выражение деривационного значения производного слова с помощью префиксов» [Земская 2011: 182]. К наиболее активным морфемам можно отнести иноязычную приставку ***анти-*** с семантикой ‘что-либо противоположное, противопоставленное тому или направленное против того, что названо мотивирующим существительным’ [Лопатин, Улуханов 2016: 44]: *Apple потребовался* ***антикоронавирус*** (заголовок). *IPhone, как известно, разработан в Калифорнии и изготовлен в Китае, что означает, что и компания Apple страдает от вспышки коронавируса на стороне как спроса, так и предложения* (Seldon.News. 28.01.20) ← *анти-* + *коронавирус*; *Дешевый*

антивирус *привлек полицию* (заголовок). *Выявлены махинации с поставками препарата от коронавируса* (Коммерсантъ. 28.03.20) ← *анти-* + *вирус*. Слова *коронавирус* и *вирус* обладают негативными семантическими ассоциациями, а производные от них приобретают положительную оценочность. Отметим, что префикс ***анти-*** используется и при образовании имен прилагательных: *Юморист Максим Галкин продолжает выкладывать в своем Instagram шуточные ролики о борьбе семьи с коронавирусом.* <…> *«**Антипандемический** тандем "ГАРРИАЛЛА". Ударим децибелами по бациллам!»* (Московский комсомолец. 27.03.20); ***«Антикарантинную»*** *вечеринку устроили в одном из клубов Уфы в субботу, 28 марта, несмотря на введенный властями Башкирии режим повышенной готовности из-за распространения коронавируса* (Известия.Ru. 29.03.20). Кроме того, приставка ***анти-*** может сочетаться с аббревиатурами: ***Анти-COVID*** (заголовок). *В области приняты беспрецедентные меры по защите населения от угрозы распространения нового коронавируса* (НГ-регион. 19.03.20). Таким образом, расширение синтагматических возможностей и особая словообразовательная семантика проявляется у префикса ***анти-*** в сочетаемости с аббревиатурами [Замальдинов 2016: 23].

Для негативной оценки социальных реалий журналисты используют заимствованный префикс ***псевдо-*** с семантикой неистинности: *Я считаю, что коронавирус в Китае — это пробный удар по населению этой страны. Китай ведет войну на всех континентах.* <…> *Январская **псевдоэпидемия** может быть предупредительным ударом* (Президент. 07.02.20); ***Псевдокарантин****: днепровских железнодорожников возят на работу в переполненных вагонах* (заголовок) (Днепр вечерний. 30.03.20). «В русском языке интернациональные и исконные (*лже-*, *недо-*) аффиксы выступают как типовые маркеры распознанного несоответствия реальности или представлениям говорящего о норме по отношению не только к речевым произведениям, информационным сообщениям и артефактам, но и к другим областям человеческой деятельности, ее результатам и качеству» [Петрухина 2019: 217–218].

Специфику национальной реакции на эпидемиологическую ситуацию в мире отражают новообразования, созданные путем чистого сложения. Под чистым сложением мы будем понимать «способ образования слов, при котором опорный (последний) компонент равен целому слову, а предшествующий ему компонент (или компоненты) представляет собой чистую основу» [Шведова (гл. ред.) 1980: 137]: ***Иконовирус*** (заголовок). *Защититься от мировой пандемии Петербург готов, массово целуя святые мощи. Тряпочка и спирт прилагаются* (Новая газета. 13.03.20) ← *икон(а)* + *вирус*; ***Пугаловирус*** (заголовок). *Коронавирус поможет одним заработать,*

другим — набрать политические очки (Наша версия. 23.03.20) ← *пугал(о)* + *вирус*. Как видно из примеров, подобные дериваты обладают иронической оценкой.

Активность проявляют номинации, созданные неузуальными способами словообразования. Подобные окказионализмы нарушают деривационную норму. «Значительную часть всех новых слов современного русского языка составляют окказионализмы. Наши современники свободнее стали обращаться со словом, сознательно нарушать литературные нормы. Появились совершенно новые, необычные даже для окказионального словообразования модели» [Юдина 2016: 602]. Необходимо отметить, что в связи с широким пониманием сущности окказионализмов мы будем рассматривать потенциальные лексемы как разновидность окказиональных слов.

В современной медиакоммуникации зафиксированы новообразования, созданные с помощью междусловного наложения. Подобные номинации характеризуются тем, что при их образовании на финаль основы одной лексемы накладывается омонимичное ей начало другой лексемы: ***Вирусь**, куда ж несешься ты* (заголовок). *Россия дождалась своего коронавируса* (Коммерсантъ. 01.02.20) ← *вирус* + *Русь*. В результате гибридизации аббревиатуры *КОВИД (COVID)* и существительного *идиот* возникла номинация *ковидиот*: ***Ковидиот** происходит от двух отдельных слов: «COVID-19» и «идиот». Этим словом называют тех, кто чрезмерно паникует из-за пандемии коронавируса и игнорирует правила защиты от инфекции. Также им называют тех, кто скупает товары в магазинах и аптеках* (ТСН.ua. 23.03.20) ← *ковид* + *идиот*. Для новообразований, созданных междусловным наложением, характерна эффектность, семантическая емкость, ироническая оценка. Новизна и оригинальность подобных номинаций вовлекают читателей в интеллектуальную игру.

Вспышки новых вирусных инфекций отражают новообразования, созданные с помощью заменительной деривации. При данном способе словообразования происходит замена корневой или другой неформантной части в узуальной сложной лексеме: ***Вирус-мажорные** обстоятельства* (заголовок). *Власти РФ готовы учесть фактор эпидемии при исполнении госконтрактов* (Коммерсантъ. 10.03.20) — ср. исходное *форс-мажорные (обстоятельства)*. Данная номинация возникла в результате трансрадиксации, т. е. замены одного из корней исходной лексемы. Осмелимся предположить, что способом заменительной деривации образованы новообразования *«корона-пицца»*, *«корона-паника»*, *корона-кризис*: *Глава итальянского МИДа выразил возмущение из-за ролика французского телевидения про пиццу с коронавирусом* (заголовок). *Французский «Канал+»*

показал ролик, в котором кашляющий пиццайоло превращает традиционное итальянское блюдо в ***«корона-пиццу»*** (радио «Эхо Москвы». 03.03.20); ***«Корона-паника»*** *на рынках. Удастся ли США поддержать свою экономику* (заголовок)*?* (Baltnews. 17.03.20); *Есть сомнение, что героям довирусной политики удастся уговорить итальянцев заплатить повышением налогов и затягиванием поясов за экономический* ***корона-кризис****…* (радио «Эхо Москвы». 25.03.20). Как видно из примеров, в текстах современных СМИ продуктивен начальный элемент *корона*, который свободно сочетается со словами разных классов. Подобные номинации употребляются с отрицательной коннотацией, которая подкрепляется семантикой мотивирующих лексем и контекстуальным окружением. Отметим, что читатель легко может восстановить производящее слово, так как инновации соотносятся в сознании аудитории с лексемой *коронавирус*. Кроме того, активизировавшиеся в последнее время номинации со словом *корона* могут писаться и слитно: ***Коронасмерть****: что защитит Ростовскую область от нового вируса* (заголовок). *В Китае вспыхнул новый коронавирус: от него погибли 170 человек, по всему миру заражены больше семи тысяч человек* (RostovGazeta. 30.01.20); *Хайп на смертельном вирусе. На Украине появилась* ***«коронапицца»*** (заголовок) (т/к «360». 04.02.20); *Вирусная* ***коронапаника*** (заголовок). *Коронавирус COVID-19 перестал быть внутренним делом Китая, стремительно расползаясь по странам и континентам. Эффективного лекарства нет, и когда оно появится — неизвестно. Заразиться можно через воду, нечаянно прикоснувшись к больному и даже через слизистую глаз* (т/к «Звезда». 02.03.20); *В интернете появились* ***корона-мошенники****, которые рассылают письма якобы от Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), а при переходе по ссылке воруют данные пользователей. Еще один способ «развода» — организация пожертвований на борьбу с коронавирусом или для помощи уже переболевшим* (1rnd.ru. 17.03.20); ***Коронакризис*** *сдувает пузыри. И накачивает новые* (заголовок)*? Мир столкнулся с очередным финансовым и экономическим кризисом. Коронавирус нового типа стал классическим «черным лебедем», предсказать который не мог никто* (Эксперт. 28.03.20). Отметим, что слово *корона* может сочетаться не только с именами нарицательными, но и с именами собственными: ***Коронапутин****. Запертые с царем* (заголовок). *По всей планете шагает новый вирус, а по территории Российской Федерации шагают новые поправки к Конституции* (радио «Свобода». 12.03.20). Как видно из примеров, новообразования со словом *корона* пишутся как слитно, что соответствует действующим правилам орфографии, так и через дефис.

В современной медиакоммуникации встречаются и случаи мены префиксоида в узуальном слове: ***Коронавидение*** (заголовок). *Коронавирус придумали специально, чтобы наши не выиграли. Так пишут в интернете,*

а интернет врать не будет. Впервые за много лет Россия посылает на престижный конкурс группу с реальными шансами на победу — и вот на тебе: в Нидерландах запрещают собираться более 100 человек, а «Евровидение» — это значительно больше ста (Новая газета. 13.03.20) — ср. исходное *«Евровидение» (конкурс)*. Таким образом, новообразования, созданные с помощью заменительной деривации, имеют ясную семантику, обладают иронической экспрессией, испытывают колебания в написании.

Среди неузуальных способов словообразования активность проявляет графическая гибридизация. Подобные номинации характеризуются тем, что в них используется графическое выделение какой-либо части узуальной лексемы: ***COVIDное*** *постоянство: коронавирус станет сезонной болезнью, как грипп* (заголовок) (Известия.Ru. 28.02.20) ← *COVID + солидное/завидное*; ***COVIDная*** *перспектива: шипы коронавируса помогли найти эффективное лекарство от него* (заголовок). *Найден быстрый способ переориентировать уже одобренное для применения в Японии лекарство от хронического панкреатита для подавления инфекции COVID-19* (Известия. Ru. 17.03.20) ← *COVID + солидная*; ***COVIDарность*** (заголовок). *В условиях самоизоляции петербуржцы читают детям сказки по телефону, общаются в онлайн-барах и развозят старикам бесплатную еду* (Новая газета. 25.03.20) ← *COVID + солидарность*; ***COVIDный*** *союз: какую помощь Китай окажет США в борьбе с коронавирусом* (заголовок) (Baltnews. 27.03.20) ← *COVID + солидный*. Можно говорить о том, что авторы статей используют латинографиксацию, под которой мы понимаем «оформление новообразований с помощью графических средств, основанных на кириллице и латинице» [Попова 2013: 167]. Новообразования с иноязычными элементами воздействуют на зрительное восприятие, влекут за собой удвоение смысла. По словам Е. Н. Ремчуковой, «высокая степень распространенности самого приема, его неоправданно широкая эксплуатация… характеризуют это явление именно как массовый лингвокреатив» [Ремчукова 2013: 85].

В заключение следует отметить, что в медийной речи появляется большое количество словообразовательных неологизмов на базе ключевых элементов социокультурного пространства. Дериваты от таких лексем могут создаваться с помощью узуальных (префиксация, сложение) и неузуальных (междусловное наложение, заменительная деривация, графическая гибридизация) способов словопроизводства. Новообразования на базе ключевых лексем социокультурного пространства отражают основные тенденции современного общения, являются ярким экспрессивно-оценочным средством. Необходимо отметить, что состав ключевых слов может меняться, так как он зависит от внеязыковых, экстралингвистических факторов.

Литература

Баско Н. В. Креативность в медийной номинации: средства и способы реализации // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2018. № 2. С. 21–29.

Володина М. Н. «Медийная культура»: pro et contra (с позиции отечественных и зарубежных исследователей) // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 10–18.

Замальдинов В. Е. Структурные особенности типовых новообразований в медийном словотворчестве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 4. С. 23–25.

Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Флинта: Наука, 2011. 328 с.

Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. 812 с.

Петрухина Е. В. Ключевые для современной эпохи словообразовательные модели в русском языке // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей III Международного симпозиума (8–12 июня 2019 г.) / отв. ред. Е. Я. Титаренко. В 2 т. Т. 1. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. С. 216–223.

Попова Т. В. Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX–XXI вв. // Лингвистика креатива-1 / под ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013. С. 147–176.

Ремчукова Е. Н. Массовый лингвокреатив: преодоление стандарта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 2. С. 83–89.

Шведова Н. Ю. (гл. ред.). Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1980. 789 с.

Юдина А. Д. Современные тенденции окказионального словообразования // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. № 5. С. 602–607.

References

Basko N. V. [Creativity in the media nomination: means and methods of implementation]. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa*, 2018, no. 2, pp. 21–29. (In Russ.)

Lopatin V. V., Ulukhanov I. S. *Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of word-forming affixes of modern Russian]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016. 812 p.

Petrukhina E. V. [Key word-formation models in the Russian language for the modern era]. *Russkii yazyk v polikul'turnom mire: sbornik nauchnykh statei III Mezhdunarodnogo*

simpoziuma (8–12 iyunya 2019 g.) [Russian in a multicultural world: collection of scientific articles of the III International Symposium (June 8–12, 2019)]. Simferopol, 2019, pp. 216–223. (In Russ.)

Popova T. V. [Creolized derivatives as an element of Russian written communication at the turn of the 20th century]. *Lingvistika kreativa-1* [Linguistics of the creative approach — 1] / Ed. T. A. Gridina. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical Univ. Publ., 2013, pp. 147–176. (In Russ.)

Remchukova E. N. [Mass linguality: bridging standard]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, 2013, no. 2, pp. 83–89. (In Russ.)

Shvedova N. Yu. (ch. ed.). *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian grammar: in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 1980. 789 p.

Volodina M. N. ["Media culture": pro et contra (from the position of domestic and foreign researchers)]. *Politicheskaya lingvistika*, 2018, no. 1 (67), pp. 10–18. (In Russ.)

Yudina A. D. [Modern trends of occasional word-formation]. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii*, 2016, no. 5, pp. 602–607. (In Russ.)

Zamaldinov V. E. [Structural features of typical innovations in media word creation]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2016, no. 4, pp. 23–25. (In Russ.)

Zemskaya E. A. *Sovremennyi russkii yazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian language. Word-formation]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2011. 328 p.

Русская речь
Russian Speech

№ 04 | 2020
С. / Pp. 28–41

Проблемы современного русского языка

Трансформации речевого акта оскорбления в рэп-батлах

Людмила Александровна Сомова, Тольяттинский государственный университет (Россия, Тольятти), makso@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170010733-5

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена исследованию конфликтного потенциала речевого акта оскорбления в рэп-батлах. Цель — показать особенности достижения перлокутивного эффекта оскорбления в рэп-батлах через анализ речевых стратегий адресанта. Метод прагматического анализа речевых актов и сопоставление инвективных высказываний рэперов с моделями речевого акта оскорбления, предложенными учеными Сибирской ассоциации лингвистов, позволили выявить особенности употребления речевого акта оскорбления в рэп-батлах.

Показано, что в рэп-батлах происходит трансформация речевого акта оскорбления: помещенный в игровую речевую среду он становится сетевым социальным явлением, предполагающим «квазитворчество» постмодернистского характера. Оскорбление используется как катализатор дискуссии. Инвективная лексика служит для выражения эмоционального состояния автора, для обозначения и обострения конфронтации с собеседником. Оскорбление в рэп-батлах подразумевает использование таких речевых стратегий, как дискриминация, дискредитация, инсинуация. Это и стремление опорочить, и выражение в речи превосходства, и подрыв авторитета.

Выявлены наиболее частотные речевые средства, провоцирующие речевой конфликт в рэп-батлах, — ненормативная лексика, националистические выпады, зоосемантические метафоры, обвинения в личной несостоятельности и другие. В статье ставится вопрос о тенденциях

развития виртуальных языковых сред, в основе которых лежит речевая агрессия. В среде рэперов оскорбление как речевой акт трансформируется и воспринимается коммуникантами неформально. Оскорбление, которое вышло за пределы коммуникации в определенном сообществе, меняет свой интенциональный вектор.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: речевая агрессия, оскорбление как речевой акт, русский рэп, речевая ситуация, инвектива

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сомова Л. А. Трансформации речевого акта оскорбления в рэп-батлах // Русская речь. 2020. № 4. С. 28–41. DOI: 10.31857/S013161170010733-5.

Issues of Modern Russian Language

Transformation of the Speech Act of Insult in the Rap Battles

Liudmila A. Somova, Togliatti State University (Russia, Togliatti), makso@yandex.ru

ABSTRACT: The article explores the conflict potential of a speech act of insult in rap battles. The goal is to show the features of achieving the perlocutionary effect of insult in rap battles, using the analysis of addressers' speech strategies.

The scientists of the Siberian Association of linguists offer the method of the pragmatic analysis of speech acts and comparing rappers' invective statements with the models of the speech act of insult. This method allows to reveal the transformation of the speech act of insult in rap battles.

It has been revealed that when a speech act of insult is placed in the game speech environment, such as a rap battle, the act becomes a social, network phenomenon, suggesting the "quasi-creativity" of the postmodern nature. An insult is used as a catalyser for discussion.

Invective vocabulary is used for expressing the emotional state of the author, for stating that the rapper has an opposing view and escalating a conflict

with an opponent. Insults in rap-battles imply using such speech strategies as discrimination, discreditation and insinuation in order to besmirch and undermine the opponent's reputation and to demonstrate predominance.
The article reveals the most frequent speech means, which provoke a conflict in rap battles. They include obscene words, antisemitic and nationalist insults, zoosemantic metaphors and personal affronts.
The article discusses other tendencies of virtual speech environment development, the basis of which is verbal assault. In the rap community the invective speech act is transformed and is perceived by the interlocutors casually. The insult, which has overstepped the boundaries of a particular community, changes its intention.
KEYWORDS: hostile rhetoric, an insult as a speech act, Russian rap, a speech situation
FOR CITATION: Somova L. A. Transformation of the Speech Act of Insult in the Rap Battles. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 4. Pp. 28–41. DOI: 10.31857/S013161170010733-5.

1. Введение

Интерес ученых к понятию «оскорбление» обусловлен многими факторами. Это и нарастание речевой агрессии в сетевом социуме [Славин 2014], в связи с чем встает вопрос об обеспечении «лингвистической безопасности» [Баженова 2015]. Это и проблемы в области судебной лингвистической экспертизы [Баранов 2007, Бринев 2009, Кронгауз 2011, Ефремов 2016]: обращаясь в суд за защитой чести и достоинства, граждане сталкиваются с неоднозначностью заключений специалистов, которые по-разному трактуют высказывания, содержащие инвективную лексику. Возникает необходимость создания типологической модели речевого акта оскорбления [Чернышова 2009], помогающей выявить коммуникативное намерение адресанта.

Оскорбление как вид речевого поведения говорящего встречается в разных сферах социальной жизни. Для комплексного исследования этого явления нужно рассмотреть различные формы инвектив в конкретных речевых ситуациях.

В настоящее время в нашей стране увеличилось количество судебных исков частных лиц о защите чести, достоинства и деловой репутации. Многие рассматривают это как проявление растущего правосознания общества. С одной стороны, общество пытается защитить граждан от речевой агрессии, совершенствуя законодательство: так, из статьи 130 УК оскорбление было перенесено в статью 5.61 КоАП, где отмечено, что

оскорбление, содержащееся в публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, наказывается штрафом. С другой стороны, статья 29 Конституции РФ каждому гарантирует свободу мысли и слова.

Прецеденты защиты от оскорблений в суде отмечены даже в специфической среде рэперов, тексты которых не отличаются корректностью. В 2016 году был подан судебный иск одного из известных рэперов к рэперу Басте (Василию Вакуленко) за оскорбительное выражение «лохматое ЧМО», которое попало в Твиттер. В заключении, выполненном доктором филологических наук профессором А. Н. Барановым, был сделан вывод, что вышеназванная фраза не является оскорбительной и представляет собой оценочное суждение.

Другие две экспертизы 2017 года профессор Баранов подготовил о выражениях «знатная шерсть» и «гермафродит», сказанных в адрес того же рэпера. Эксперт доказал, что форма этих высказываний не может быть определена как неприличная в контексте неформальной интернет-коммуникации рэперов. Субъективные факторы — состояние оскорбляемого, его отношение к грубому выпаду, коммуникативная и личная ситуация оскорбленного — в этом случае остаются в стороне. В среде рэперов оскорбление как речевой акт, действительно, трансформируется и воспринимается коммуникантами неформально. Оскорбление, которое вышло за пределы коммуникации в конкретном сообществе, меняет свой интенциональный вектор.

2. Постановка проблемы

К названным речевым событиям возникает двойственное отношение. Принято считать речевой акт оскорбительным, если 1) используется инвективная лексика, 2) оскорбление при этом адресовано конкретному лицу и 3) произносится публично [Стернин 2011]. Эти три фактора позволяют признать публично произнесенные Бастой в Твиттере слова оскорблениями. Но речевая ситуация — общение рэперов — показывает, что такие инсинуации стилистически приемлемы в рэп-текстах.

Являясь проявлением речевой агрессии, оскорбление «не может рассматриваться без учета функции высказывания в контексте конкретного дискурса, поскольку именно это определяет роль языковых и речевых средств в коммуникативном акте» [Воронцова 2006: 83–84].

Т. С. Шахматова рассматривает оскорбление «как инструмент речевой агрессии, с помощью которого осуществляется социальное давление, принуждение, коммуникативный садизм» [Шахматова 2013: 267]. Она пишет, что оскорбление подразумевает использование таких речевых

стратегий, как диффамация (распространение порочащих сведений), дискриминация (неравное отношение, унижение по половому, расовому, национальному признаку), дискредитация (подрыв доверия), инсинуация (клеветническое измышление). То есть это и стремление опорочить, и выражение в речи превосходства (по расовым, национальным, имущественным или иным причинам), и подрыв авторитета. Применение таких речевых стратегий и тактик создает предпосылки для негативного восприятия оппонента.

Все эти речевые стратегии, на первый взгляд, применяются в рэп-батлах. Однако происходит некая трансформация речевого акта оскорбления: помещенный в игровую речевую среду, он становится сетевым социальным явлением, предполагающим «квазитворчество» постмодернистского характера.

3. Особенности функционирования речевого акта оскорбления в рэп-батлах

В августе 2017 года состоялся батл между рэпером Оксимироном (Мироном Федоровым) и рэпером Гнойным (Вячеславом Машновым). В этом выступлении инвективная лексика помещена в тексты различных функциональных стилей. Рэперы используют стихотворные художественные тексты (как собственные, написанные ими ранее, так и чужие поэтические фрагменты, вплетая их в общий текст выступления). Рифмованные строки возникают и как импровизация, причем рифмоваться может лексика разной стилистической окраски — книжная и разговорная. Стилистика письменной речи и особенности устного бытового языка (ругательства, дразнилки, обсценная лексика) придают рэп-текстам своеобразную окраску, свидетельствующую о «процессе карнавализации» [Крылова 2016: 28–32] языка (использование внелитературных элементов языка — жаргонизмов, просторечий, неосвоенных заимствований; намеренное нарушение литературных норм, с искажением ударений, произношений, образования словоформ; включение в речь бранной лексики) [Крылова 2016: 28–32].

Прослеживаются и другие тенденции, отмеченные как отражение процессов, происходящих в обществе: это и неологизация, экспрессивизация, жаргонизация, криминализация, варваризация, американизация [Баженова 2015: 36–42]. Слова теряют ядерные смыслы, перестают быть когнитивными структурами.

Так, И. В. Баженова рассматривает лексические заимствования «как средства изменения когнитивных структур индивида» [Баженова 2015: 2].

В рэп-батлах такого рода заимствования не всегда освоены слушателями, в их словарный запас они не включены. Более того, значение этих новых слов размыто, для слушателей часто важнее звучание, чем смысл. На этой основе модераторами рэп-батлов создается иллюзия сленговой приобщенности к субкультуре хип-хопа.

Так, слова *патч*, *рефлектив* понятны не всем слушателям, поэтому в интернете появляются специальные словари, описывающие сленг рэперов, например такой — «Oxxxymiron vs Гнойный для чайников. Слушаем со словарем. Читаем с переводом».

Обратимся к примерам — использованию Оксимироном лексических заимствований (слов-варваризмов) *хейтер, патч, грайм, панч*.

Одна из песен Оксимирона носит название «Грайм», другая — «Я хейтер». В припеве последней есть такие строки:

(1) *Я хейтер, я ненавижу ваш рэп, ваш трэк, ваш текст / Мягкий, как паштет* [Оксимирон 2019].

В данном случае перевод слова «хейтер» сам автор текста помещает рядом на строке — «я ненавижу». Из контекста можно вывести значение слова «хейтер» — ‘тот, кто ненавидит’.

Припев еще одной песни Оксимирона звучит следующим образом:

(2) *Патч, стон, рефлектив, и я молод и красив. / Оп, оп, оп, оп, оп, оп, оп, оп!* [Оксимирон 2019].

Отметим языковую игру: слово «рефлектив», с одной стороны, намекает на значение английского слова «reflective» — ‘отражающий, задумчивый, мыслящий’; с другой стороны, «рефлектив» — это название ткани, модной одежды с особым отражающим покрытием, которая светится в темноте (на молодежном сленге «рефлективный шмот»). Возможно, в контексте авторского выступления — это намек на модный имидж и на яркие словесные вставки, отражающие смысл рэп-высказывания.

Большое число пользователей сети «лайкает» видео батлов, расценивая зарифмованные грубые слова как особую степень свободы, не вдумываясь в смыслы стихотворного речитатива. Именно о таких своих фанатах рэперы говорят:

(3) *Какие они личности / Тут решает количество панчи, Батл — территория постправды, / Тут не важно, какой факт настоящий* [Рэп-батл. Oxxxymiron VS Слава КПСС].

Значение слова *панч* (*punch, punch line*) определяется как ‘словесный удар, строка, при помощи которой удается сильно «зацепить» противника’ (от английского «punch» — ‘бить кулаком’). Часто это неожиданное

завершение фразы, сродни анекдоту. Как же рифмуют рэперы, используя *панч*? Чаще всего это звучит неожиданно грубо по сравнению с предыдущей строкой:

(4) *Фанаты включили твой альбом, / Будто я ассенизатор, которому выдали / Всю зарплату г…м* [Рэп-батл. Oxxxymiron VS Слава КПСС].

Для создания панча можно соединять филологическую терминологию с грубым словом:

(5) *Ты примат формы над содержанием: / Вместо ж… — два полушария* [Рэп-батл. Oxxxymiron VS Слава КПСС].

Пафос, *триумф*, *апофеоз*, *нарратив* — любимые слова рэперов.

В рэп-текстах используются и отсылки к библейской истории (насмешка над сакральным, богохульство):

(6) *Эта ноздря выглядит, как пещера, / В которой родился Христос* [Рэп-батл. Oxxxymiron VS Слава КПСС].

Причем предметом насмешки становится характерный для представителей еврейской национальности нос одного из рэперов. Просматривается речевая тактика — «обидеть собеседника» (намек на антропологические особенности, национальность). Есть неожиданные концовки (панчи) интеллектуального плана:

(7) *Ты провел за зеркалом / Больше времени, чем… Андрей Тарковский* [Рэп-батл. Oxxxymiron VS Слава КПСС].

Данный панч адресован слушателям, которые знают, что А. Тарковский — режиссер, снявший фильм «Зеркало». Неосведомленных слушателей этот панч может «сбить с толку» («апотропаическая функция» оскорбления, по В. И. Жельвису [Жельвис 2001]).

На наш взгляд, такие рэп-батлы — интересное явление для изучения языка как отражения действительности. Сошлемся на книги [Славин 2014] и [Гиренок 2016], чтобы акцентировать внимание на особенностях нашего времени — рождении «сетевого социума», «сетевой экономики», «клипового сознания». Рэп-батлы вовлекают в сетевое пространство огромное количество молодых людей: на 10 октября 2017 года — 24 775 920 интернет-просмотров, 167 тысяч комментариев.

Каковы особенности восприятия действительности у молодого поколения? Вот что пишет Ф. И. Гиренок (философ, специалист по вопросам философской онтологии и вопросам экологии) в аннотации к своей книге: «Клиповое сознание рассматривается автором не как знание, а как аффективное действие. Для него существует не мир, а образ мира, для него

мыслить — это значит быстро мыслить» [Гиренок 2014: 3–5]. Он задается вопросом: «Абсурд — колыбель сознания?»

Рэперы «клипово», «постмодернистски» подходят к составлению своих речей, поясняя — «это такой уровень дискурса»:

(8) *Все ждали четыре года, / Он как мог нагнетал интригу, / И все, что он смог записать, — это аудиокнигу, / Банальную антиутопию. Такой уровень дискурса / подходит Джамалу и Лоику* [Рэп-батл. Oxxxymiron VS Слава КПСС].

Один из рэперов в своем тексте вдруг цитирует стихотворение Н. Гумилева «Слово», погружая слушателей в космическую стихию, «когда над миром новым» рядом с испуганным солнцем «слово проплывало в вышине». Возможно, образ космической вышины, озаренной «пламенем» гумилевского слова, рождает импульс сотворчества, и рэпер начинает говорить стихами на литературном языке, развивая мотив отражения в человеке «слова» как особой ценности:

(9) *И в тебе, словно в микрокосмосе, / Отражается слово полностью* [Рэп-батл. Oxxxymiron VS Слава КПСС].

Другой участник рэп-конфликта бросает в толпу мысль, что хуже всего *творцы этой похабной вкусовщины*, выступающие *за графоманию, как у Бродского*, *говнолирику, как у Сусенина* (языковая игра: объединяются слова «Есенин» и «сусальный»). Все эти оскорбительные выпады против признанных поэтов направлены на разрушение культурных кодов. Рэпер прямо заявляет:

(10) *Это культурный террор. Не ждали?* [Рэп-батл. Oxxxymiron VS Слава КПСС].

И. И. Халеева [Халеева 2006] называет речевой террор с использованием ненормативной лексики иначе — «культурно-речевой нудизм», Т. С. Шахматова [Шахматова 2013] — «коммуникативный садизм». Мы, в свою очередь, сказали бы «речевой стриптиз». Чувствуют это и сами участники рэп-батла, критикуя противника, а по сути и себя такими словами:

(11) *Этого не могло быть у Пастернака, / Это просто безграмотно!* [Рэп-батл. Oxxxymiron VS Слава КПСС].

Сама речь «батлеров», усиленная темпом, интонацией, ритмикой, рифмовкой, стала, по сути, выплеском речевой агрессии.

Речевые акты дискредитации, унижение по национальному признаку, инвективная лексика — все это соответствует коммуникативным намерениям выступающих — *хейтить*. Это слово произошло от английского

to hate — ‘ненавидеть’, его значение воспринимается коммуникантами как ‘активное высказывание негодования’. В данном случае это речевая агрессия, оформленная стихотворно. Показательно, что в перерыве между боями один из рэперов бросает другому реплику, демонстрирующую его собственные ожидания:

(12) *Щас унизишь меня? Хи-хи* [Рэп-батл. Oxxxymiron VS Слава КПСС].

Какие же речевые средства используются? Мат в полном объеме, антисемитские выпады (*карманный жид Эдик, храбрый поступок для еврея*), намеки на пренебрежительное отношение к чужой нации (*вы навсегда в тени большого брата),* зоосемантические метафоры (*крыса, шакал, змея*), указание на псевдосуществование *(ты для них в инстаграмме подписка*) и другие.

У В. И. Жельвиса есть тематическая классификация инвектив [Жельвис 2001: 219–314]: 1) богохульства; 2) ругательства, связанные с нечистотами; 3) сексуальные оскорбления; 4) оскорбления, связанные с темой крови. Слова первых трех тематических групп часто присутствуют в речи батлеров. Функциональная классификация инвективы В. И. Жельвиса [Жельвис 2001] может существенно расширить границы исследования речевой агрессии участников рэп-батлов. В этом мы видим перспективы дальнейшего исследования на более широком языковом материале. Можно предположить, что инвектива в текстах рэп-исполнителей наиболее частотна в следующих функциях: понижение социального статуса, демонстрация половой принадлежности, привлечение внимания и т. п.

Сетевые сообщества, продвигающие рэп как молодежную субкультуру, способствуют созданию виртуальной языковой среды, позволяющей понять и освоить язык рэп-текстов. Декларируется, что речевая агрессия, нецензурная брань — часть этой культуры:

(13) *Нецензурная брань — жемчужина / Великого русского языка* [Рэп-батл. Oxxxymiron VS Слава КПСС].

Вспомним, однако, Зигмунда Фрейда, который утверждал, что человек, бросивший ругательство вместо камня, был творцом цивилизации. Какую же «цивилизацию» создают рэперы, блогеры и модераторы сайтов? Обратимся к сайтам #SLOVOSPB и VERSUS. Вот как позиционирует себя первый из них: «#SLOVOSPB PRODUCTION — независимая батл-платформа.

Наш новый проект “РВАТЬ НА БИТАХ”. Это целевая установка, предложенная аудитории как слоган. Речевая агрессия как форма речевого воздействия признается приоритетной».

Вот как звучат псевдонимы (никнеймы) трех победителей одного из рэп-батлов: *Гнойный, Чейни, За**атсу*. Никнейм — это личина: она диктует определенное, обычно агрессивное, речевое поведение в Сети.

Сайты, продвигающие субкультуру рэпа, становятся площадкой для свободного «матаизъявления», несмотря на Федеральный закон от 5.05.2014 № 101-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации», который предупреждает об административной ответственности за нецензурную брань при проведении зрелищно-развлекательных мероприятий (ст. 6.2).

Проблема адресованности текстов в рэп-батлах также требует исследования. Образ адресата на первый взгляд противоречив. С одной стороны, языковые маркеры рэп-текстов позволяют предположить, что это молодые люди, активно использующие ненормативную лексику, приветствующие агрессивный тип поведения. Комментарии, которые они пишут, чаще всего свидетельствуют о скудном словарном запасе и низком уровне речевой культуры. С другой стороны, большое количество *пиджинов* (смешанных языковых форм на основе английского) в данной языковой среде рассчитаны на другой тип адресата. Это молодые люди, многие из которых учились в англоязычных школах и зарубежных колледжах. Их язык — Runglish. Они владеют сетевым виртуальным английским. Для тех, кто не владеет такими словами, организаторы представляют специальный словарь. Адресатами рэп-батлов становятся и знающие, кто такие Пастернак, Бродский, Гумилев, умеющие оценить «вкрапление» культурных ментальных кодов в рэп-тексты.

Интересны в этом аспекте размышления О. В. Одеговой [Одегова 2017: 31–39], которая, говоря о глобализации языка, суммирует опыт мыслителей прошлого — Гумбольдта («культура проявляет себя в языке»), Уорфа (язык «формирует идею и направление умственной деятельности человека»), Хайдеггера («язык становится домом бытия»), Витгенштейна («язык переодевает смыслы, меняя наши представления о быстроизменяющейся реальности»).

Все это заставляет задуматься о тенденциях развития виртуальных языковых сред, о том, какую роль играет виртуальная языковая среда на сайтах, организующих «дом бытия» для рэп-исполнителей и их поклонников.

4. Выводы

На наш взгляд, заслуживают внимания два аспекта.

Первый связан со структурой коммуникативного акта оскорбления.

К. И. Бринев пишет о том, что при анализе речевого акта оскорбления следует учитывать участников: инвектор (инициатор оскорбления),

инвектум (оскорбляемый) и наблюдатель, — иллокутивную цель высказывания (причинить ущерб), условия успешности иллокутивного акта, инвективное высказывание, условие ущерба [Бринев 2011: 333–336].

Как правило, участник рэп-батла как инвектор («хейтер») адресует свои панчи оскорбительного характера не только своему партнеру, но и аудитории наблюдателей: важна оценка словесного выпада и реакция публики. Иллокутивная цель в этом случае не только нанести психологический ущерб партнеру, употребляя бранное слово, но и «эмоционально подогреть» интерес публики, используя эмоционально-экспрессивный потенциал инвективы. При этом участники рэп-батла используют различные языковые средства и коммуникативные тактики, исследование которых требует детального изучения для выявления способов коммуникативного воздействия в условиях конфликтного общения рэперов, а также способов противодействия речевой агрессии.

Второй аспект исследования связан с тем, что рэперы демонстрируют смешение стилей речи, погружая инвективные высказывания то в контекст художественного текста, то в рамки бытовой перепалки, ссоры.

Таким образом, мы констатируем, что языковые средства оскорбления, с одной стороны, традиционны (ненормативная лексика, зоосемантические метафоры, просторечные и иностранные слова). С другой стороны, они особым образом выстраиваются, являясь частью особых конструкций предложений, предполагающих неожиданные завершения фраз за счет смысловой многозначности, удачной рифмовки, интонационных ударений (панчлайны как словесные удары). Неоправданные лексические заимствования, языковая игра, демонстрирующая эстетику безобразного, непристойный контекст (квазикреативные образования), использование ненормативной лексики в качестве дискурсивных слов характеризуют речь участников рэп-батлов.

Оскорбление, являясь «одним из видов иллокутивных актов, речевых произведений-действий» [Бринев 2011: 333], в рэп-батлах трансформируется в «оскорбление-игру», поскольку воспринимается участниками как способ словесной дуэли, смысл которой не только победить противника словом, используя весь арсенал оскорбительной лексики, но и продемонстрировать эффективные стратегии и тактики речевого воздействия в заранее заданных условиях конфликтного общения.

Источники

Оксимирон. Патч, стон, рефлектив, и я молод и красив [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilkmp3.com/20172-hleb-kurtochka-stone-island.html (дата обращения: 01.08.2019).

Оксимирон. Я хейтер [Электронный ресурс]. URL: https://genius.com/Oxxxymiron-i-am-a-hater-lyrics (дата обращения: 01.08.2019).

Рэп-батл. Oxxxymiron VS Слава КПСС [Электронный ресурс]. Режим доступа: VERSUS X #SLOVOSPB: Oxxxymiron VS Слава КПСС (Гнойный) URL: https://www.youtube.com/watch?v=v4rvTMBCJD0 (дата обращения: 14.08.2017).

Литература

Баженова И. В. Актуальные проблемы лингвистической безопасности. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 152 с.

Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.

Бринев К. И. Проблема экспертной оценки оскорбления. Оскорбление в правосознании лингвиста. Оскорбление как речевой акт // Юрислингвистика 1 (11), 2011. С. 330–338.

Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: Изд-во АлтГПА, 2009. 252 с.

Воронцова Т. А. Речевая агрессия в коммуникативно-дискурсивной парадигме // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 83–86.

Гиренок Ф. И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2016. 254 с.

Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении. В кн.: Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1999. С. 11–58.

Ефремов В. А. Оскорбление: наивная и юридическая картина мира // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды института лингвистических исследований РАН XII, 3, 2016. С. 291–309.

Жельвис В. И. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001. 349 с.

Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.

Кронгауз М. А. Осторожно: лингвистическая экспертиза! // Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. 3D. М.: Астрель, Corpus, 2011. С. 430-439.

Крылова М. Н. Процесс «карнавализации» русского языка и сравнительные конструкции // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 23. С. 28–32. URL: http://e-koncept.ru/2016/56386.htm (дата обращения: 22.05.2019).

Мухина В. С. Феномен отчужденного сознания // В. С. Мухина, А. А. Хвостов. Отчуждение человеков в обыденной жизни. М.: Национальный книжный центр, 2014. 1090 с.

Одегова О. В. Глобализация языка и культуры: специфика и место в системе глобальных процессов современности. Томск: Издательский дом Томского гос. ун-та, 2017. 164 с.

Славин Б. Б. (ред.). Рождение коллективного разума: о новых законах сетевого социума и сетевой экономики и об их влиянии на поведение человека. М.: ЛЕНАНД, 2014. 288 с.

Халеева И. И. Лингвистическая безопасность России // Вестник Российской академии наук. Т. 76, № 2, 2006. С. 104–112.

Чернышова Т. В., Голощапова Е. В. Речевой жанр «оскорбление»: основания построения типологической модели (на материале судебных постановлений). В кн.: Университетская филология — образованию: регулятивная природа коммуникации: Материалы Второй Междунар. науч.-практ. конф. (г. Барнаул, 14–18 апреля 2009 г.). Ч. 1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 94–98.

Шахматова Т. С. Оскорбление как инструмент языкового насилия в речевых ситуациях институционального общения // Ученые записки Казанского университета. 2013. Т. 155. Кн. 5. С. 267–277.

References

Baranov A. N. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika* [Linguistic expertise of the text: theory and practice]. Moscow, Flinta — Nauka Publ., 2007. 295 p.

Bazhenova I. V. *Aktualnyye problemy lingvisticheskoy bezopasnosti* [Actual problems of linguistic security]. Moscow, IUNITI-DANA Publ., 2015. 152 p.

Brinev K. I. *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza* [Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise]. Barnaul, AltGPAPubl., 2009. 252 p.

Brinev K. I. [The problem of expertise of an insult. An insult and linguist's sense of justice. An insult as speech act]. *Yurislingvistika 1* (11), 2011, pp. 330–338. (In Russ.)

Chernyshova T. V., Goloshchapova E. V. [Speech genre "insult": the basis of the typological model (on the material of court decisions)]. *Universitetskaya filologiya — obrazovaniyu: reguliativnaya priroda kommunikatsii: Materialy Vtoroi Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. G. Barnaul 14–18 aprelya 2009 g.* [University philology — education: regulatory nature of communication: Materials of the Second international scientific-pract. conf. (Barnaul, 14–18 April 2009)]. Part 1, Barnaul State University Publishing House, 2009, pp. 94–98. (In Russ.)

Efremov V. A. [Insult: naive and legal picture of the world]. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*, Saint Petersburg, XII, 3, 2016, pp. 291–309. (In Russ.)

Girenok F. I. *Klipovoye soznaniye* [Clip consciousness]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 254 p.

Golev N. D. [Legal aspect of language in linguistic coverage]. *Yurislingvistika-1: problemy i perspektivy* [Legal linguistics-1: problems and prospects]. Barnaul, Altay State University Publishing House, 1999, pp. 11–58. (In Russ.)

Khaleeva I. I. [Linguistic security of Russia]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 76, no. 2, 2006, pp. 104–112. (In Russ.)

Kostomarov V. G. *Nash yaazyk v deistvii. Ocherki sovremennoy russkoy stilistiki* [Our language in action: Essays on contemporary Russian style]. Moscow, Gardariki Publ., 2005. 287 p.

Krongauz M. A. *Ostorozhno: lingvisticheskaya expertiza!* [Be carefull: linguistic expertise!]. Krongauz M. A. *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva* [Russian language on the verge of a nervous breakdown]. Moscow, Astrel Corpus Publ., 2011, pp. 430-439.

Krylova M. N. [The process of "carnivalization" of the Russian language and comparative constructions]. *Kontsept*, 2016. Vol. 23, pp. 28–32. URL: http://e-koncept.ru/2016/56386.htm (accessed on 22.05.2019). (In Russ.)

Mukhina V. S. *Fenomen otchuzhdennogo soznaniya* [The phenomenon of alienated consciousness]. Mukhina V. S. Khvostov A. A *Otchuzhdeniye chelovekov v obydennoy zhizni* [Alienation of a person in everyday life]. Moscow, Natsionalnyi Knizhnyi Tsentr Publ., 2014. 1090 p.

Odegova O. V. *Globalizatsiya yazyka i kultury: spetsifika i mesto v sisteme globalnykh protsessov sovremennosti* [Globalization of language and culture: specificity and place in the system of global processes of modernity]. Tomsk, Tomsk State University Publishing House, 2017. 164 p.

Shakhmatova T. S. [Insult as a tool of language violence in speech situations of institutional communication]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*. 2013. Vol. 155. Iss. 5, pp. 267–277. (In Russ.)

Slavin B. B. (ed.) *Rozhdeniye kollektivnogo razuma: o novykh zakonakh setevogo sotsiuma i setevoy ekonomiki i ob ikh vliyanii na povedeniye cheloveka* [The birth of the collective mind: the new laws of the network society and the network economy and their impact on human behavior]. Moscow, LENAND Publ., 2014. 288 p.

Vorontsova T. A. [Speech aggression in the communicative-discursive paradigm]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. 2006, no. 1, pp. 83–86. (In Russ.)

Zhelvis V. I. *Skvernosloviye kak sotsialnaya problema v yazykakh i kulturakh mira* [Profanity as a social problem in the languages and cultures of the world]. Moscow: Ladomir Publ., 2001. 349 p.

Русская речь
Russian Speech

№ 04 | 2020
С. / Pp. 42–53

Проблемы современного русского языка

Кодификация русской орфографии и написание собственных имен людей с прописной буквы — есть ли проблема?

Алексей Дмитриевич Шмелев, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия), shmelev.alexei@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170010734-6

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются некоторые общие проблемы кодификации русского правописания на материале употребления прописных букв в именах людей. Обсуждаются понятия узуса и нормы, а также различие между орфографическими нормами и орфографическими правилами и связанное с этим разграничение двух типов лакун в правилах правописания: неустановленных орфографических норм (в том числе вариативности норм) и отсутствия правил, посредством которых эти нормы формулируются. Рассматриваются как проблемы кодификации орфографических норм, так и проблемы формулировки орфографических правил. Обосновывается положение, согласно которому орфографические правила в данной области не могут быть излишне жесткими. Критически рассматриваются правила употребления прописных букв в личных собственных именах, сформулированные в академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации» (под редакцией В. В. Лопатина). Особое внимание уделяется личным собственным именам иноязычного происхождения, включающим в свой состав элементы, восходящие к служебным словам (артиклям, предлогам и др.), титулам (*дон*, *донна*) и т. п. и пишущиеся раздельно или через дефис (напр., следует писать *ван Эйк*, *Ван-Эйк* или *Ван Эйк*?).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: узус, норма, орфография, орфографическое правило, кодификация, личные имена, прописные буквы
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шмелев А. Д. Кодификация русской орфографии и написание собственных имен людей с прописной буквы — есть ли проблема? // Русская речь. 2020. № 4. С. 42–53. DOI: 10.31857/S013161170010734-6.

Issues of Modern Russian Language

Codification of the Russian Orthography and Capitalization of Personal Proper Names: Is There Any Problem?

Alexei D. Shmelev, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences) (Moscow, Russia), shmelev.alexei@gmail.com

ABSTRACT: This paper deals with some general problems of orthographic codification and the particular problem of the use of capital characters in personal proper names, that is, the problem of their capitalization. The article discusses the notions of usage and norm and the distinction between orthographic norms and orthographic rules, as well as the difference between two types of orthographic lacunae associated with this distinction, namely, unspecified norms (including variation of norms) and lack of relevant rules.
In addition, the paper discusses the problems of orthographic codification as well as the wording of orthographic rules. It substantiates the claim that rules of capitalization related to personal proper names should not be excessively strict. The paper provides a critical review of the rules given in the *Complete Academic Guidebook of Rules of the Russian Orthography and Punctuation* (edited by V. V. Lopatin). It pays special attention to the personal proper names of foreign origin starting with a particle that means ‘from’, ‘the’, ‘son of’, etc.

KEY WORDS: usage, norm, orthography, orthographic rule, codification, personal proper names, capitalization

FOR CITATION: Alexei D. Shmelev. Codification of the Russian Orthography and Capitalization of Personal Proper Names: Is There Any Problem? Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 4. Pp. 42–53. DOI: 10.31857/S013161170010734-6.

В статье обсуждаются некоторые общие проблемы кодификации русского правописания на материале употребления прописных букв в именах людей. Как известно, собственные имена людей пишутся по-русски с прописной буквы, и на первый взгляд никакие проблемы здесь возникать не могут. Однако именно кажущаяся простота орфографического правила позволяет использовать этот материал для наглядной иллюстрации того, как устроены нормы правописания, как устанавливаются эти нормы, какие трудности могут здесь возникнуть.

О языковых нормах (в том числе орфографических) принято говорить на фоне реального употребления языка, или узуса. Когда в узусе наблюдаются или могут возникнуть разные способы сказать или написать «одно и то же», некоторые из этих способов могут считаться правильными, а другие — неправильными. Способы, которые языковое сообщество в лице своих грамотных, образованных членов считает правильными, признаются соответствующими языковой норме. Языковые нормы закрепляются в справочниках и словарях (такое закрепление называется кодификацией норм). Если кодификация некоторой нормы имела место, то суждение отдельного грамотного представителя языкового сообщества несколько теряет значимость: может оказаться, что в каком-то конкретном случае этот представитель просто не знает рекомендаций словарей и справочников. Однако не следует абсолютизировать роль кодификации: составители словарей и справочников тоже люди, и их решения не всегда оптимальны. Более того, иногда предписания различных словарей и справочников противоречат друг другу. Самыми авторитетными считаются академические словари, но и в них можно обнаружить противоречия (так, в словаре [Каленчук и др. 2012] используется написание *спаниэль*, а [Лопатин, Иванова (ред.) 2018] рекомендует написание *спаниель*)[1]. Кроме того, бывает,

[1] В узусе, в частности в текстах, вошедших в газетный подкорпус Национального корпуса русского языка, встречаются оба написания, но написание *спаниель* значительно чаще.

что рекомендации словарей и справочников противоречат суждениям о норме большинства грамотных представителей языкового сообщества, и тогда это может быть основанием для пересмотра рекомендаций[2].

Специфика орфографических норм заключается в том, что их соблюдение легче контролировать, так что у кодификаторов иногда возникает соблазн «улучшить» эти нормы. Отсюда появляется идея орфографических реформ. Однако в свободном обществе орфографическая реформа возможна только в том случае, если она отвечает представлениям языкового сообщества (в лице его грамотных представителей). Навязать орфографическую реформу, противоречащую таким представлениям, можно только посредством использования репрессивного аппарата (и такое случалось в истории).

Кодификация орфографических норм обычно осуществляется в форме орфографических правил и орфографических словарей. При этом существенно, что правила и словари не создают норму, а лишь закрепляют ее. Они носят вспомогательный характер, позволяя человеку, не знающему, какова орфографическая норма в каком-то конкретном случае, это выяснить. Однако в орфографических правилах и словарях встречаются лакуны, когда на их основе не удается установить норму. Кроме того, орфографические правила иногда содержат неудачные формулировки, так что их буквальное применение заставило бы выбрать написание, не соответствующее орфографической норме. Лакуны в правилах и словарях следует отличать от случаев неустановленной нормы, а также установившейся вариативности нормы. Иногда такая вариативность закрепляется в правилах. Так, слова *природа*, *родина*, *отечество*, *отчизна*, *человек*, *свобода*, *учитель*, *добро* и некоторые другие допустимо писать как со строчной, так и с прописной буквы (как сказано в § 203 [Лопатин (ред.) 2007], прописная буква в начале этих слов выбирается «в контекстах, где им приписывается особый высокий смысл»)[3].

Сразу можно сформулировать общий принцип кодификации орфографических норм посредством орфографических правил. Если имеется определенная и однозначная норма, необходимо найти такую формулировку правила, которая бы однозначно указывала на эту норму, причем правило может строиться как жесткое требование писать так, а не иначе.

---

[2] Следует подчеркнуть, что сама по себе языковая практика грамотных представителей языкового сообщества (узус), как правило, недостаточна для пересмотра рекомендаций. Дело в том, что в узусе, в том числе в узусе образованных людей, иногда встречается то, что языковое сообщество готово счесть распространенной ошибкой (напр., в текстах, написанных явно грамотными людьми, а иногда даже прочитанных корректорами, часто неправильно используются частицы *не* и *ни* — обычно *не* вместо *ни*, но бывает и наоборот).

[3] О различии орфографических норм и орфографических правил см. [Шмелев 2009].

Если же норма не установилась или вариативна, все, что может сделать кодификатор, — это вместо жесткого требования дать в правиле мягкую рекомендацию, соответствующую общим представлениям о том, какое написание следует признать желательным (напр., потому, что она больше соответствует отвлеченным орфографическим принципам), а в некоторых случаях признать неизбежной вариативность нормы.

Орфографические нормы и соответствующие им орфографические правила подразделяются на три большие группы: (1) буквенный состав слов; (2) слитное, раздельное и дефисное написание (сюда же можно отнести правила употребления апострофа); (3) употребление прописных букв. В настоящей статье речь пойдет в основном об употреблении прописных букв (попутно иногда будут затрагиваться проблемы слитного, раздельного и дефисного написания).

Прописные буквы используются в русском письме в двух различных функциях: позиционной и выделительной. Позиционная функция заключается в том, чтобы маркировать определенные позиции в тексте (так, с прописной буквы принято начинать первое слово в каждом самостоятельном предложении). Выделительная функция заключается в том, чтобы выделять определенные слова, независимо от строения текста. Обычно, когда говорят о правилах употребления прописных букв, имеют в виду их использование в выделительной функции. Именно о прописных буквах в выделительной функции пойдет речь ниже[4].

Не во всех языках, пользующихся буквенным письмом, используются прописные буквы. Даже в языках, в которых у прописных букв есть обе функции, правила их употребления (особенно в выделительной функции) часто очень сильно различаются. Употребление прописных букв в выделительной функции в каждом языке регулируется в первую очередь традицией. Задача кодификатора состоит прежде всего в том, чтобы выявить и максимально точно описать эту традицию.

Мне уже приходилось [Шмелев 2017: 699] цитировать раздел «Употребление больших, или так называемых прописных, букв» руководства по русскому правописанию Я. К. Грота, в котором впервые была дана относительно полная кодификация русской орфографии. Там говорится, что «большие буквы составляют, собственно говоря, роскошь письма», и приветствуется «стремление ограничить насколько можно пестроту письма, происходящую от больших букв»; однако отмечается «некоторая практическая польза: при беглом чтении или при пересмотре прочитанного они дают глазу точки опоры, облегчают отыскание нужного; кроме того, они помогают узнавать такие собственные имена, которые, по своей

[4] Подробнее о позиционной и выделительной функции прописных букв см. в [Шмелев 2017: 698–699].

малоизвестности, могли бы возбуждать недоумение, если бы ничем не отличались от других слов» [Грот 1910: 87].

Все правила употребления прописных букв (как в позиционной, так и в выделительной функции), сформулированные Я. К. Гротом, занимают менее трех с половиной страниц. Для сравнения — в [Лопатин (ред.) 2007], ставшем самым авторитетным пособием, регулирующим русское правописание, правила употребления строчных и прописных букв занимают 36 с лишним страниц (плюс три с небольшим страницы, посвященных употреблению прописных и строчных букв в аббревиатурах). Однако попрежнему возникают вопросы, связанные с употреблением прописных букв и не регулируемые правилами. Кроме того, некоторые формулировки и решения, принятые в справочнике, вызывают сомнения и, возможно, нуждаются в корректировке.

Ниже рассматриваются некоторые неясные случаи употребления прописных букв в выделительной функции. При этом обсуждаются как проблемы кодификации орфографической нормы (какое из возможных написаний считать «правильным»), так и проблемы формулировки орфографических правил, посредством которых норма устанавливается.

Выясняется, что нерешенные вопросы обнаруживаются даже в связи с правилами написания собственных имен людей. Предположим, мы хотим узнать, как правильно писать: *ван Эйк*, *Ван-Эйк* или *Ван Эйк* (и, соответственно, на какую букву следует поместить статью об этом художнике в энциклопедии: на *В* или на *Э*). Здесь мы заведомо не можем опираться на грамотный узус, поскольку все три способа написания нередко встречаются в практике печати, в чем легко убедиться, хотя бы обратившись к материалам Национального корпуса русского языка (правда, в настоящее время написание с дефисом встречается реже).

Обратившись к «Справочнику» [Лопатин (ред.) 2007], мы можем увидеть, что в § 160 там говорится:

- Служебные слова (артикли, предлоги и др.) *ван*, *да*, *дас*, *де*, *делла*, *дель*, *дер*, *ди*, *дос*, *дю*, *ла*, *ле*, *фон* и т. п., входящие в состав западноевропейских и южноамериканских фамилий, пишутся со строчной буквы, напр.: *Людвиг ван Бетховен*, *Леонардо да Винчи*, *Оноре де Бальзак*… *Жанна д'Арк*, *Ортега-и-Гассет*… [Лопатин (ред.) 2007: 146].

Однако в примечании 1 указано:

- В некоторых личных именах служебные слова традиционно пишутся с прописной буквы (как правило, если прописная пишется в языке-источнике), напр.: *Ван Гог*, *Д'Аламбер*, *Шарль Де Костер*, *Эдуардо Де Филиппо*, *Ди Витторио*, *Этьен Ла Боэси*, *Анри Луи Ле Шателье*, *Ле Корбюзье*, *Эль Греко*, *Дос Пассос* [Лопатин (ред.) 2007: 146].

Здесь возникает вопрос, связанный со списком личных имен, в которых служебные слова «традиционно» пишутся с прописной буквы. Является ли приведенный список закрытым? Здравый смысл подсказывает, что нет: на это указывает и слово *напр.* перед перечислением, и то, что в нем отсутствуют такие имена собственные, как, скажем, *Дю Белле* или *Д'Аннунцио*, которые тоже традиционно пишутся с прописной буквы в соответствии с написанием в языке-источнике. Тогда, может быть, следует ориентироваться именно на язык-источник? Очевидно, это тоже не приведет к нужному результату (да и оговорка *как правило* на это намекает). В приведенном списке фигурирует *Ван Гог*, хотя по-голландски *van* в его имени пишется со строчной буквы (*Vincent van Gogh*). Более того, с прописной буквы пишется *Ван* и в именах некоторых других художников; напр., часто пишут *Ван Дейк* и *Ван Эйк* (несмотря на написания *van Dyck* и *van Eyck* в языке-источнике)[5]. Напротив того, когда упоминают брата Винсента Ван Гога, то, пожалуй, чаще используют написание *Тео ван Гог*; поэтому указание «Справочника» не позволяет понять, идет ли речь только о Винсенте Ван Гоге или авторы примечания рекомендуют писать *Ван Гог*, о ком бы ни шла речь.

Кроме того, здесь уместной была бы отсылка к § 123 «Справочника», где речь идет о слитном и раздельном написании служебных элементов в западноевропейских и южноамериканских фамилиях. В примечании к одному из пунктов этого параграфа указывается:

- В русской передаче некоторых иноязычных фамилий артикли традиционно пишутся слитно с последующей частью (вопреки написанию в языке-источнике), напр. *Лафонтен*, *Лагарп*, *Делагарди* [Лопатин (ред.) 2007: 130].

Дело в том, что слитное написание, как правило, выбирается только в тех случаях, когда в языке источнике артикль или предлог пишется с прописной буквы. Иногда это даже формулируется в качестве правила, особенно если речь идет о французских фамилиях. Ср.:

- В фамилиях — если артикль (предлог) пишется по-французски с прописной буквы, то по-русски его следует писать в одно слово с фамилией. <…>

  Если же предлог пишется со строчной буквы, то его следует не включать в фамилию, но писать отдельно или со строчной буквы, как по-французски [Гак, Львин 1970: 376].

[5] Примечательно, что имя собственное *Ван Дейк* упоминается в «Справочнике» — там, где речь идет о раздельном написании служебных элементов в западноевропейских и южноамериканских фамилиях [Лопатин (ред.) 2007: 113].

Однако это «правило» вовсе не является универсальным. С одной стороны, ему не подчиняется ряд уже упоминавшихся имен собственных (*Д'Аламбер*, *Дю Белле*, *Ла Боэси*, *Ле Корбюзье* и др.); с другой — есть фамилии, которые традиционно пишутся слитно (и, разумеется, с прописной буквы), несмотря на то, что в языке-источнике используется раздельное написание и предлог пишется со строчной буквы; вероятно, самое известное из таких имен — родовое имя убийцы Пушкина *Дантес* (по-французски — *d'Anthès*[6]).

Итак, как же мы можем установить, как следует писать фамилии *Ларошфуко* (*La Rochefoucauld*) или *Лафайет* (*La Fayette*)? Ни в «Справочнике» [Лопатин (ред.) 2007], ни в [Лопатин, Иванова (ред.). 2018] указаний на этот счет мы не обнаружим. Ссылка на «традицию» тоже не всегда помогает: традиционно использовались написания как *Дюсерсо*, так и *Дю Серсо* (семья французских архитекторов — *Du Cerceau*), как *Латур*, так и *Ла Тур* (французский живописец *La Tour*).

Впрочем, «традиция» в рассматриваемой области вообще является довольно зыбкой и расплывчатой. Если мы обратимся к формулировке соответствующего правила в «Справочной книге корректора и редактора» или в старом словаре-справочнике «Прописная или строчная?», то увидим, что указанные справочники в ряде случаев исходят из иной «традиции». В обоих справочниках сказано, что артикли, предлоги, частицы в составе западноевропейских собственных имен лиц пишутся с прописной буквы, если они слились с другой частью фамилии в одно целое (т. е. пишутся слитно или через дефис), а также если без них фамилия не употребляется [Мильчин (ред.) 1974: 32; Розенталь 1984: 307]. При этом среди примеров написания через дефис приводятся такие написания, как *Ван-Гог*, *Ван-Дейк*, *Дю-Белле* (все три — в обоих справочниках).

Первая часть данного правила была основана на § 95 (примечание 1) «Правил русской орфографии и пунктуации», где говорится:

- Артикли и частицы, слившиеся с фамилиями, а также такие, которые присоединяются к фамилии при помощи дефиса, пишутся с прописной буквы, напр. *Лафонтен*… *Ван-Дейк* [ПРОП: 54].

Ясно, что правило было неудобно для практического применения, поскольку не было дано никаких указаний, как выяснить, слилось ли в русском языке служебное слово с фамилией настолько, чтобы писаться слитно или через дефис. Не помогала и ориентация на практику письма:

[6] В отличие от фамилии главного героя романа Александра Дюма «Граф Монте-Кристо», фамилия которого по-французски пишется *Dantès*.

наряду с написанием *Ван-Дейк*, в печати использовались варианты *Ван Дейк* (пожалуй, он был самым частым) и *ван Дейк*[7]. А, скажем, знаменитый архитектор *Ле Корбюзье* в русских текстах часто именуется просто *Корбюзье*, т. е. фамилия употребляется и без служебного слова. Тем не менее служебный элемент в составе этой фамилии традиционно пишется с прописной буквы.

Еще хуже обстоит дело со второй частью «правила» рассматриваемых справочников. Оно прямо противоречит установившейся практике, поскольку во множестве фамилий, которые без предлога не употребляются, он тем не менее пишется со строчной буквы: *(Жанна) д'Арк*, *д'Артаньян*, *(Роже) Мартен дю Гар*[8].

Сходные коллизии возникают и при других правилах данного раздела академического «Справочника». В примечании 3 к тому же § 160 говорится:

- Слова *дон*, *донья*, *донна*, *дона*, предшествующие итальянским, испанским, португальским именам и фамилиям, пишутся со строчной буквы, напр.: *дон Базилио*, *дон Сезар де Базан*, *донья Долорес*; однако в именах литературных героев *Дон Кихот* и *Дон Жуан* слово *дон* пишется с прописной (ср. *донкихот*, *донжуан* в нарицательном смысле) [Лопатин (ред.) 2007: 147].

Известно, что транскрипция *Дон Жуан* является не единственной русской транскрипцией данного имени: используются также варианты *Дон Гуан* (напр., в «Каменном госте» Пушкина) и *дон/Дон Хуан* (напр., в русских переводах книги Кастанеды «Учение дона Хуана» и романа Бальестера «Дон Хуан»). Допустим, что при издании «Каменного гостя» можно исходить из общих принципов издания классики, позволяющих в определенных случаях не руководствоваться современными орфографическими правилами, а пытаться выбрать написание, которое более всего соответствует авторскому замыслу. Однако есть много текстов, в которых осуществляется явная или неявная отсылка к «Каменному

[7] Встречалось и написание *Вандик*, напр.: *Сравнение с Вандиком и Тицианом ему сильно польстило* [Гоголь]; *Из всех художественных произведений мне доставляют самое большое наслаждение портреты Рембрандта, Тициана, Рубенса, Вандика, Гольбейна* [основатель Третьяковской галереи Павел Третьяков в письме Льву Толстому от 29 июня 1894] (пожалуй, самый известный пример такого употребления — *Вандикова Мадона* Пушкина). Однако к середине XX в. оно уже могло считаться устаревшим.

[8] Примечательно, что в проекте нового свода правил правописания (так и не принятом) в неявном виде предлагалось написание *Д'Артаньян* — не в разделе, посвященном прописным и строчным буквам, а в разделе, посвященном апострофу: написание *Д'Артаньян* фигурировало там в качестве примера [СПРП: 63].

гостю» и выбирается именно написание *Дон Гуан* (*Дон* с прописной буквы). Правильно ли это с точки зрения современных орфографических норм?

Во многих текстах с Дон Жуаном взаимодействует донна Анна; в частности, *Дона Анна* (в оригинале — именно в таком написании) — персонаж пушкинского «Каменного гостя». При одновременном упоминании Дон Жуана и донны Анны слово *донна* (или *дона*) пишут и с прописной, и со строчной буквы. Следует ли в таких случаях стремиться к единообразию в написании частей *дон* и *донна* или руководствоваться буквой правил, приведенных в «Справочнике»?

В следующем параграфе (§ 161) обсуждаются составные части «арабских, тюркских, персидских имен, обозначающие социальное положение, родственные отношения и т. п., а также служебные слова» и говорится, что они «пишутся, как правило, со строчной буквы» [Лопатин (ред.) 2007: 147]. В примечании, однако, указано:

- В некоторых именах закреплено традиционное написание указанных частей (начальных) с прописной буквы, напр.: *Ибн Рушд*, *Ибн Сина*, *Ибн Эзра*, *Хан-Пира*, *Шах-Джахан*. Написание конкретных собственных имен этой группы уточняется по энциклопедическому словарю [Лопатин (ред.) 2007: 147].

Мы видим, что появляется отсылка к никак не конкретизированному «энциклопедическому словарю». Вместо этого уместно было бы привести полный список исключений. Заметим, что среди «восточных» составных частей следовало бы упомянуть *бен* и *бар*, хотя, строго говоря, они не относятся к составным частям «арабских, тюркских, персидских имен». Но как иначе можно объяснить, что пишется *бен Ладен*, но *Бен-Гурион*; и что еврейские фамилии, начинающиеся с *Бар*, обычно пишутся с прописной буквы (напр., *Бар-Селла* — израильский славист и публицист)? И здесь опять уместной была бы отсылка к параграфам о слитном, раздельном и дефисном написании.

Представляется, что в области употребления прописных букв в выделительной функции при написании собственных имен людей решение возникающих коллизий должно быть следующим. Все общеобязательные правила можно сформулировать в пределах одного параграфа. Что касается до рекомендаций, они должны быть максимально детальными и включать в себя общие правила написания имен разных типов и полный список исключений из этих правил; однако отклонение от этих рекомендаций не должно считаться орфографической ошибкой (а в каких-то случаях неизбежно будет допускаться вариативность). Это вполне

соответствует общему принципу, сформулированному Я. К. Гротом, который, переходя к описанию конкретных правил употребления прописных букв, писал:

- Правилам об употреблении больших букв не следует придавать слишком много значения, тем более что невозможно дать точных указаний на все встречающиеся случаи [Грот 1910: 87–88].

Литература

Гак В. Г., *Львин Ю. И.* Курс перевода. Французский язык. Общественно-политическая лексика. М.: Издательство «Международные отношения», 1970. 400 с.

Грот Я. К. Русское правописание. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1910. 120 с., XLIV с.

Каленчук М. Л., *Касаткин Л. Л.*, *Касаткина Р. Ф.* Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 1008 с.

Лопатин В. В. (ред.). Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2007. 480 с.

Лопатин В. В., *Иванова О. Е.* (ред.). Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. М.: АСТ-ПРЕСС, 2018. 879, [2] с.

Мильчин А. Э. (ред.). Справочная книга корректора и редактора / под общей редакцией А. Э. Мильчина. М.: Книга, 1974. 416 с.

ПРОП — Правила русской орфографии и пунктуации. М.: Учпедгиз, 1956. 176 с.

Розенталь Д. Э. Прописная или строчная? Опыт словаря справочника. М.: Русский язык, 1984. 28 с.

СПРП — Свод правил русского правописания. Орфография. Пунктуация. Проект. М.: Азбуковник, 2000. 397 с.

Шмелев А. Д. Орфографические нормы и орфографические правила // Русский язык в школе. 2009. № 9. С. 70–76.

Шмелев А. Д. Прописные буквы в светской и церковной печати // Сретенский сборник. 2017. № 7–8. С. 698–734.

References

Gak V. G., L'vin Yu. I. *Kurs perevoda. Frantsuzskii yazyk* [Translation course. French]. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 1970. 400 p.

Grot Y. K. *Russkoe pravopisanie* [The Russian orthography]. St. Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1910. 120 p., XLIV p.

Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty* [The big orthoepic dictionary of the Russian language. Standard pronunciation and accentuation of the beginning of the 21st century: Norm and variation]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2012. 1008 p.

Lopatin V. V. (ed.) *Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik* [Rules of the Russian orthography and punctuation: Complete academic guidebook]. V. V. Lopatin (ed.). Moscow, Eksmo Publ., 2007. 480 p.

Lopatin V. V., Ivanova O. E. (eds.). *Russkii orfograficheskii slovar'* [Russian orthographic dictionary]. V. V. Lopatin, O. E. Ivanova (eds.). Moscow, AST-PRESS Publ., 2018. 879, [2] p.

Mil'chin A. E. (ed.) *Spravochnaya kniga korrektora i redaktora* [Reference book for proofreaders and editors]. A. E. Mil'chin (ed.). Moscow, Kniga Publ., 1974. 416 p.

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii [Rules of the Russian orthography and punctuation]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956. 176 p.

Rozental' D. E. *Propisnaya ili strochnaya?* [Upper case or lower case?]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1984. 28 p.

Shmelev A. D. [Orthographic norms and orthographic rules]. *Russkii yazyk v shkole*, 2009, no. 9, pp. 70–76. (In Russ.)

Shmelev A. D. (2017) [Capital letters in church and secular press]. *Sretenskii sbornik* [Sretensky Collection], no. 7–8, pp. 698–734. (In Russ.)

Svod pravil russkogo pravopisaniya. Orfografiya. Punktuatsiya. Proekt [The set of Russian orthographic rules. Orthography. Punctuation. A project]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2000. 397 p.

Русская речь
Russian Speech

№ 04 | 2020
С. / Pp. 54–64

Из истории русского языка

Я мол кагве не буду пить, у нас мол на Руси нѣт этаго питья (о роде слова *кофе* в истории русского языка)

Кузнецова Ирина Евгеньевна, Институт лингвистических исследований РАН (Россия, Санкт-Петербург), kuznetsova4irina@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170010735-7

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена вопросу о допустимости использования слова *кофе* среднего рода. Этот вопрос не является новым. Еще в 1937 г. в ответ на запрос относительно того, какой род слова *кофе* является нормативным, С. П. Обнорский писал, что мужской род слова *кофе* — результат влияния варианта *кофий*, что вариант *кофий* появился в языке раньше и долгое время был более употребителен. Однако результаты настоящего исследования, проведенного методами корпусной лингвистики, показали, что слово *кофе* использовалось в русском языке еще до появления варианта *кофий* и на протяжении столетия было более употребительным. До 40-х гг. XX в. *кофе* среднего рода и *кофе* мужского рода конкурировали в языке, не имея стилистических отличий. Первые нормативные рекомендации относительно мужского рода слова *кофе* были даны только в «Словаре русского языка, составленном Вторым отделением императорской Академии наук», соответствующий выпуск которого был подготовлен в 1914 г., но напечатан только в 1926 г., уже в Советском Союзе. По-видимому, именно поэтому слово *кофе* среднего рода и после 1926 г. продолжало употребляться в литературе эмиграции первой волны. С середины XX в. слово *кофе* среднего рода практически

не встречается. На выбор мужского рода в качестве нормы, очевидно, повлияла относительно более высокая частотность использования слова *кофе* мужского рода, что, однако, не представляется возможным с достоверностью выяснить, поскольку в бóльшей части текстов род существительного *кофе* однозначно определить нельзя.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культура речи, история русского языка, вариантность, род несклоняемых существительных, корпусные исследования, кофе, кофий

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кузнецова И. Е. *Я мол кагве не буду пить, у нас мол на Руси нѣт этаго питья* (о роде слова *кофе* в истории русского языка) // Русская речь. 2020. № 4. С. 54–64. DOI: 10.31857/S013161170010735-7.

From the History of the Russian Language

On the Gender of the Word *Coffee* in the History of the Russian Language

Irina E. Kuznetsova, Institute for Linguistic Studies (Russian Academy of Sciences) (Russia, Saint-Petersburg), kuznetsova4irina@gmail.com

ABSTRACT: The article reveals the details of a topical issue in a culture of Russian speech — whether it's acceptable to use a noun *кофе* as neuter. In 1937 linguist Sergei Obnorsky in response to the question from Moscow Coffee Factory wrote that a masculine noun *кофий* preceded its form *кофе*, whether masculine or neuter, and was used widely for a long time. However, our research based on the corpus linguistics study shows that the nouns *кофе* and *кофий* appeared in the Russian language simultaneously. From the end of the 17th century to the 1940s, neuter and masculine variations existed in the language as synonymous. The first regulatory recommendations to use the word *кофе* in masculine were given only in the Dictionary of the Russian

Language Compiled by the Second Division of the Imperial Academy of Sciences, the corresponding issue of which was compiled in 1914, and printed in 1926, after the revolution. Apparently, this is precisely why the word *кофе* continued to be actively used in neuter gender in emigrant literature even after 1926. Since the middle of the 20th century, the word *кофе* scarcely has been used in neuter gender. The choice of the masculine gender as a norm was obviously influenced by the relatively higher frequency of using it in masculine gender. However, we cannot be entirely sure, that in most of the uses in the written speech the word coffee was in masculine, because in the majority of the texts the gender of the noun *кофе* cannot be unambiguously determined.

KEYWORDS: speech culture, history of the Russian language, variation, gender of indeclinable nouns, corpus studies

FOR CITATION: Kuznetsova I. E. On the Gender of the Word *Coffee* in the History of the Russian Language. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 4. Pp. 54–64. DOI: 10.31857/S013161170010735-7.

Если бы можно было составить рейтинг наиболее часто обсуждаемых в последнее десятилетие вопросов культуры русской речи, то вопрос о роде слова *кофе* наверняка занял бы одну из верхних строчек. Тем, кто полагает, что словари начала XXI в. узаконили безграмотность, возражают лингвисты, сообщая, что разговорное употребление слова *кофе* в среднем роде допускалось в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, в словаре-справочнике «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» под редакцией К. С. Горбачевича, в «Русской грамматике» и в «Орфоэпическом словаре русского языка» под редакцией Р. И. Аванесова, что еще в начале XX в. В. И. Чернышев, автор первой стилистической грамматики русского языка, в числе примеров иностранных слов на -о, которые обычно употребляются в среднем роде, приводит словосочетание *теплое кофе*, хотя и отмечает, что *кофе* «обыкновенно имеет форму мужескаго рода: *молотый* кофе, *холодный* кофе (фр. Le café; конечно, сказывается влияние и русскаго *кофей*)» [Чернышев 1914: 117].

Вопрос о роде существительного *кофе* не является новым. В архиве Института лингвистических исследований РАН сохранилось написанное в 1937 г. письмо директора *Московской кофе-диэтической фабрики*

им. Микояна с просьбой разъяснить этот вопрос и ответ С. П. Обнорского. По сути, Обнорский пишет о том же, о чем писал В. И. Чернышев:

По вопросу рода, именно мужеского (не среднего), имени существительного кофе следует иметь в виду особые условия бытования этого слова в русском языке. Слово это старое, еще Петровской эпохи. В согласии с голландским источником оно уже в Петровскую пору было известно в форме кофий (голл. koffie). Ср. существование в дальнейшем этой формы слова, как и правописание варианта ее — кофей, откуда производные образования вроде кофеёк и под. В этой форме слово рода мужеского. Отсюда объясняется поддерживание именно мужеского рода и в варианте слова кофе, в литературном употреблении сменившем старейший вариант кофий. Не будь этой поддержки, слово в форме кофе, позднее пришедшее из западноевропейских языков (англ. coffe, нем. Kaffee, итал. kaffe, исп. cafe, франц. café), где оно, между прочим, также мужеского рода, несомненно сменило бы мужеский род на средний. И действительно, в просторечном употреблении можно иногда встретить слово кофе в форме существительного среднего рода (вкусное кофе и под.). Но это употребление не литературное. 19 IV 1937 г. Член-корреспондент Академии наук СССР профессор С. Обнорский.

Сегодня методы корпусной лингвистики позволяют рассмотреть вопрос о роде слова *кофе* в диахронии, с опорой на широкий языковой материал. Для целей настоящего исследования были использованы данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ, ruscorpora.ru)[1], с привлечением материалов Картотеки «Словаря русского языка XVIII в.» (КСXVIII) и словарей. К сожалению, по имеющимся материалам невозможно получить достоверные статистические данные, поскольку в бóльшей части текстов род существительного *кофе* однозначно определить нельзя (тексты типа *выпил горячего кофе*). Тем не менее эти материалы позволяют сделать выводы о характере функционирования слова *кофе* среднего рода в русском языке с XVIII в. по настоящее время.

Согласно данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.», существительное *кофе* начало употребляться в русском языке еще в допетровское время — в середине XVII в.: *И яствы снесли и паки пили кофе с сахаромъ*. Арсений Суханов. Проскинитарий, 60. 1653 г. [Филин (гл. ред.) 1980: 387]. Первая фиксация слова *кофе* в КСXVIII относится к 1699 г., в НКРЯ — к 1716–1718 гг. Характер этих словоупотреблений не позволяет сделать вывод о роде слова:

- *Мы купили на 80 червонныхъ* ***кофе***. Экстракт из журнала, держанного от господина вице-адмирала Крейса. 1699 г. [КСXVIII].

[1] Далее примеры из НКРЯ приводятся без ссылки на корпус.

- *А от них вышли два мальчика нарядном платище, и, пришед к посланнику, плясали и метались через голову, потом дербентский салтан и другие просили посланника, чтоб остановился подле одново саду, которой у самых слобод, и подносили* ***кофе*** *и, выпив, поехали в город.* Переписка и дела во время посольства Артемия Волынского. 1716–1718.

Существительное *кофий* и его варианты *кофей*, *коффей* и *кафей* появляются в русском языке позднее. Первые фиксации этих слов в КСXVIII относятся к 1724 г., в НКРЯ — к 1743:

Кофей*, сахар, пшено, конфекты и тому подобные, ис Персии привозимые, против привозных чрез европских купцов разсмотреть, которой торг полезнее, те и товары облегчить.* В. Н. Татищев. Рассуждение о проекте тарифа для астраханского порта. 1743.

Поэтому если на род несклоняемого *кофе* оказал влияние именно род слова *кофий* (*кофей*), как об этом пишут Чернышев и Обнорский, то не потому, что слово *кофий* (*кофей*) появилось в русском языке раньше. Кроме того, вариант *кофий* (*кофей*) в XVIII в. был менее употребительным. Так, например, в текстах, созданных с 1700 по 1800 г., размещенных в НКРЯ, зафиксировано 86 употреблений слова *кофе* и только 13 употреблений лексемы *кофий* и 14 — *кофей*.

Помимо существительных *кофе* и *кофий* (*кофей*, *коффей* и *кафей*) в начале XVIII в. в том же значении использовались слова женского рода *кофь*, *кафа*, *кофия*, мужского рода *кофъ* и неизменяемые существительные *кафе* и *кагве*:

- *Потом подали инбирь в патокѣ, которого по ложечкѣ всѣ вкусили, а потом* ***каѳе***. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (1698) [КСXVIII].
- *<Явил> коробку жестяную* ***кофи*** *зженои*. Список со счетных выписок архангелогородской таможни ярмарочного сбора (1710) [КСXVIII].
- *Я мол* ***кагве*** *не буду пить, у нас мол на Руси нѣт этаго питья*. Пут. Лукъян. 389 [Сорокин (гл. ред.) 1998: 211].
- *Отданной ему Киприянову на откуп кофейной дом, который отдан в 728 году впредь на четыре года для продажи* ***кофий****, чая и красных питей снять с него Киприянова надлежит.* Ведение правительствующему Сенату из Московской Сенатской конторы. 1734.
- *Продаваться будет* ***подмоклая гнилая кофь***. СПб. в. 1742 183 [Сорокин (гл. ред.) 1998: 211].

Первый пример, показывающий род существительного *кофе*, в КСXVIII относится к 1716 г., в НКРЯ — к 1755. В одном из этих примеров слово *кофе* мужского рода, в другом — среднего:

- *Жестянокъ: круглая <...> ней половина чаю, 4-угольная в ней* ***кофе не молотой***. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого (1716) [КСXVIII].
- *Наконецъ* ***поднесено*** *Посланнику* ***кофе****, а послѣ и тремъ чиновнымъ его Туркамъ.* Описаніе церемоніи // Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія. Генварь — Іюнь, 1755 года, 1755.

Далее во второй половине XVIII в. мужской и средний род конкурируют:

- *Кофе есть весьма обыкновенное питье, даемое и детям. Если варится для детей особенно* ***слабое кофе****, то вред от оного состоит только в том, что он слабит без нужды желудок, как то делает всякий теплый и водяной напиток. Но обыкновенное* ***крепкое кофе****,* ***употребляемое*** *взрослыми людьми, гораздо опаснейшие для детей имеет действия.* ***Оно*** *разжигает кровь, производит в ней остроту, снедает соки, иссушает волокны и препятствует росту и образованию тела.* О воспитании и наставлении детей [перевод]. 1783.
- ***Кофе*** *плодится также и въ Африкѣ на французскомъ островѣ Бурбонѣ.* ***Левантской****, особенножъ* ***привозимый*** *изъ Каиро черезъ Марсейль, Венецію и Амстердамъ, или чрезъ Гамбургъ и Любекъ почитается у насъ лучшимъ. Напротивъ того* ***Доминикской*** *лучше, а* ***Гренадской*** *и* ***Мартиникской кофе самый хорошій*** *изо всѣхъ Вестиндскихъ. Въ Европу* ***переселился онъ*** *въ концѣ шестаго-надесять столѣтія.* Натуральная Исторія. Кофе // Магазинъ общеполезныхъ знаній и изобрѣтеній съ присовокупленіемъ моднаго журнала, раскрашенныхъ рисунковъ, и музыкальныхъ нотъ. Часть первая. Съ Генваря до Іюня, 1795.

Как видно из этих примеров, каких-либо стилистических отличий у *кофе* мужского рода и *кофе* среднего рода нет.

Первая выявленная словарная фиксация слова *кофе* относится к 1762 г.: лексема *кофе* (в написании *коѳе*) встречается в изданном И. Ф. Литхеном «Лексиконе Российском и Французском: в котором находятся почти всѣ Российския слова по порядку Российскаго алфавита». Это двуязычный словарь, где слова не имеют ни толкований, ни грамматических помет.

С толкованием слово *кофе* впервые приводится в изданном в 1803–1806 гг. Н. М. Яновским «Новом словотолкователе, расположенном по алфавиту: содержащем разные в российском языке встречающиеся ино-

странные речения и технические термины». Однако и в этом словаре нет данных о роде существительного *кофе*:

> ***КОФЕ или Кофей***. *Известный напитокъ, свареный из поджаренныхъ, а потом смолотыхъ бобковъ кофейныхъ, цвѣтом черный, а вкусом горьковатый и непротивный. Употребление его перешло въ Европу изъ восточныхъ странъ подъ исходъ XVI столѣтия* [Ян.: 422].

Несмотря на то что, как уже было сказано выше, лексема *кофе* в языковой практике XVIII в. употребляется чаще, чем *кофий* или *кофей*, в «Словаре Академии Российской» *кофе* встречается только в примере к словарной статье *Кофей* (в заголовочной строке его нет): *Пить кофе, кофей* [САР1]. В «Словаре Академии Российской, по азбучному порядку расположенном» этот пример исправлен, слово *кофе* в нем вообще отсутствует: *Пить кофей* [САР2].

В первой половине XIX в. слово *кофе* употребляется и в мужском, и в среднем роде:

- ***Кофе подан, поставлен*** *на столе, люди высланы, двери затворены.* Ф. В. Ростопчин. Ох, французы! 1812.
- *Посидев, мы встали из-за стола и через спальню королевы опять пришли в приемную, где* ***было приготовлено кофе***. Ф. Ф. Матюшкин. Журнал кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» под командою капитана Головнина. 1817.

Изданный в 1847 г. «Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением императорской Академии наук» приводит слова *кофе* и *кофей* в одной словарной статье, давая грамматическую характеристику *с. м.* — существительное мужского рода — только после слова *кофей*. Неизвестно, хотели ли авторы словаря отнести ее только к слову *кофей*, как и приводимое окончание *я*, или к обоим словам, но такая характеристика может позволить читателю сделать вывод, что существительное *кофе* мужского рода:

> ***КО́ФЕ***, *и* ***КО́ФЕЙ***, *я, с. м. Coffea Arabica. 1) Бобки кофейнаго дерева. 2) Напитокъ, сваренный изъ жженыхъ и смолотыхъ кофейныхъ бобковъ* [Сл. 1847: 212–213].

Однако и после выхода этого словаря слово *кофе* продолжает употребляться не только в мужском, но и в среднем роде:

- *Шахрудцы, как и вообще персы, пьют только* ***черное кофе****, т. е. без сливок и притом очень редко (когда только угощают дорогих гостей).* П. И. Огородников. Очерки Персии. 1874.

- ***Появилось кофе*** *в серебряном кофейнике, а за ним вышла красивая мамка в голубом кокошнике с маленьким Вадимом на руках.* Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы. 1883.
- *Берут деньги, зато порядок, чистота, комфорт… **Кофе отличное**… Булочки… И эти фрейлейн все с приличными лицами, аккуратные, приветливые…* К. М. Станюкович. «Главное: не волноваться». 1902.
- ***Кофе*** *Николаю Аполлоновичу* ***подавалось*** *в постель.* Андрей Белый. Петербург. 1913–1914.
- *С приговорочками, с тоненькими улыбочками он проводил ее в столовую, где* ***кипело кофе*** *и на стуле висел Машин пуховый платок.* А. Н. Толстой. Любовь. 1916.
- *При рвоте давать кусочки льду и* ***холодное кофе*** *ложечками, снаружи приложить горчичник под ложечкой.* В. Н. Золотницкий. Азиатская холера. 1919.

В восьмом выпуске четвертого тома «Словаря русского языка, составленного Вторым отделением императорской Академии наук» лексемы *кофе* и *кофей* приводятся в разных словарных статьях. Род существительного *кофе* обозначен как мужской, о возможности использования слова *кофе* среднего рода не говорится: ***Кофе****, м. нескл.* [Сл. 1914]. По сути, это первая нормативная рекомендация относительно мужского рода слова *кофе*, которую однозначно можно отнести именно к этому слову. Возможно, эта рекомендация была обусловлена тем, что в мужском роде существительное *кофе* употреблялось значительно чаще, а возможно, авторы словаря ориентировались на данные Словаря 1847 г.

Хотя восьмой выпуск четвертого тома «Словаря русского языка, составленного Вторым отделением императорской Академии наук» был подготовлен и набран уже в 1914 г., но известные исторические события помешали его изданию. Впервые он был напечатан только в 1926 г., уже в Советском Союзе. По-видимому, именно поэтому после 1926 г. слово *кофе* среднего рода продолжает жить в языке, но уже преимущественно в эмигрантской литературе:

- *Туда ему жена приносила то капли, то* ***черное кофе****, то чашку бульона.* М. А. Алданов. Чертов мост. 1925.
- *— Она здесь на несколько гастролей.* ***Дивное кофе****… Варят прямо со сливками и с коньяком…* Н. А. Тэффи. Воспоминания. 1932.
- *Пошучивая, они пили* ***кофе, принесенное из кафе****, и со стаканом в руке склонялись к дивану.* Б. Ю. Поплавский. Аполлон Безобразов. 1932.
- *Этот сравнительно скромный отель мне представился верхом комфорта и роскоши. А* ***венское кофе*** *с нетонущим куском сахара на*

сливочной пенке и с непременным стаканом ледяной воды! П. Н. Милюков. Воспоминания (1859–1917). Том первый. 1940–1943.

- *7.2. 41. С. Бахр. в Cannes, завтракали там <…> жареный кролик с зел. бобами, компот (с сахаром) из апельсинов,* ***хорошее кофе*** *— давно так не ел!* И. А. Бунин. Дневники. 1940–1953.

Можно предположить, что для эмигрантов первой волны употребление слова *кофе* в среднем роде было вполне обычным.

В советской довоенной литературе *кофе* среднего рода также употребляется, но значительно реже:

- *А в буфете первого класса, куда нас, оборванных и грязных, пустили с явной опаской, заразительно вкусно* ***дымилось*** *в стаканах* ***кофе*** *и разносился запах ветчины, поджаренной с луком.* Н. Н. Шпанов. Голубеграмма из Усть-Сысольска. 1926.
- *Полагается, чтобы* ***кофе было и не холодное и не горячее****.* А. С. Новиков-Прибой. Капитан первого ранга. 1936–1944.

Иногда можно встретить *кофе* мужского и *кофе* среднего рода в одном произведении, причем очевидно, что никакого стилистического отличия между ними нет:

- *Кафе «Ручеек» было устроено, как настоящий ручеек: среди цветов, по жестяному руслу* ***текло горячее кофе*** *с сахаром и молоком. Каждый зачерпывал сам. Но все думали, что поутру в это русло сметают пыль.* А. С. Грин. Дорога никуда. 1929.
- ***Кофе*** *давно* ***остыл****. Взглянув на часы, Тирней спохватился, так как приближался полдень.* А. С. Грин. Дорога никуда. 1929.
- *Я обменял на* ***это кофе*** *коробку табака фабрики Стамболи.* К. Г. Паустовский. Повесть о жизни. Начало неведомого века. 1956.
- *В эмалированных кружках* ***дымился горький****, как хина,* ***кофе****.* К. Г. Паустовский. Повесть о жизни. Начало неведомого века. 1956.

С середины XX в. слово *кофе* среднего рода в художественной литературе и публицистике практически не встречается. Были выявлены единичные случаи, где его использование можно рассматривать как деталь речевой характеристики персонажа. При этом употребление слова *кофе* в среднем роде характеризует героя не как человека необразованного, а как «человека из прошлого»:

Этот мир казался Давиду милей, лучше, чем улица Кирова, где в асфальтированном колодце гуляла с пуделем завитая, раскрашенная старуха по фамилии Драко-Дракон, где возле парадного по утрам стоял автомобиль

ЗИС-101, где соседка в пенсне, с папиросой в крашеных губах с бешенством шептала над коммунальной газовой плитой: «Троцкистка, ты опять сдвинула с конфорки ***мое кофе****».* Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1. 1960 (ср., в том же произведении: *При столовой имелся буфет, где продавались простокваша,* ***сладкий кофе****, колбаса*; *Изменения были в цвете* ***кофе, который*** *они пили*; *Казалось, что в русском блиндаже солдаты жуют, жуют, жуют, шумно глотают* ***горячий кофе***).

Таким образом, анализ полученных данных показывает, что *кофе* мужского рода и *кофе* среднего рода конкурировали в русском языке до середины XX в. При этом каких-либо стилистических отличий в их использовании не было и слово *кофе* среднего рода не носило просторечного характера. На выбор именно мужского рода в качестве нормы, очевидно, повлияла относительно более высокая частотность использования слова *кофе* мужского рода, что, однако, не представляется возможным с достоверностью выяснить, поскольку в бóльшей части текстов род существительного *кофе* однозначно не определяется.

Источники

КСXVIII — Картотека «Словаря русского языка XVIII в.»

Литхен И. Ф. Лексикон Российский и Французский: в котором находятся почти всѣ Российския слова по порядку Российскаго алфавита. Ч. 1. СПб.: Тип. Сухопут. кадет. корпуса, 1762. 376 с.

Ян. — Яновский Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту: содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины. Ч. 2. СПб., 1804. 964 стлб.

САР1 — Словарь Академии Российской. Ч. 3. СПб., 1792.

САР2 — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 3. СПб., 1814.

Сл. 1847 — Словарь церковно-славянского и русского языка, сост. вторым отделением имп. Академии наук. Т. 2. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1847. 471 с.

Сл. 1914 — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. Т. 4. Вып. 8. СПб., 1914.

Литература

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://ruscorpora.ru (дата обращения: 12.05.2020).

Сорокин Ю. С. (гл. ред.). Словарь русского языка XVIII в. Вып. 10. СПб.: Наука, 1998. 256 с.

Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М.: Наука, 1980. 403 с.
Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи: опыт русской стилистической грамматики. СПб.: тип. М. Меркушева, 1914. 264 с.

References

Chernyshev V. I. *Pravil'nost' i chistota russkoi rechi: opyt russkoi stilisticheskoi grammatiki* [The correctness and purity of Russian speech: the experience of Russian stylistic grammar]. Saint-Petersburg, M. Merkushev Publ., 1914. 264 p.
Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th c.]. Vol. 7. Moscow, Nauka Publ., 1980. 403 p.
Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: http://ruscorpora.ru (accessed 12.05.2020).
Sorokin Yu. S. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* [Dictionary of the Russian language of the 18th c.]. Vol. 10. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1998. 256 p.

Русская речь
Russian Speech

№ 04 | 2020
С. / Pp. 65–79

Из истории русского языка

О «кроватях» в «Слове о полку Игореве» («на кроваты тисовѣ» и «схоти ю на кровать»)

Владимир Иванович Максимов, Общество исследователей Древней Руси при ИМЛИ РАН (Россия, Москва), vladimir_maksimov44@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170010737-9

АННОТАЦИЯ: В статье рассмотрена лексема «кровать», представленная в двух «темных» местах «Слова о полку Игореве»: рассказе великого киевского князя Святослава о приснившемся ему зловещем сне и весьма краткой трагической истории юного полоцкого князя Изяслава. Высказано мнение, что в начальной строке рассказа Святослава — «Си ночь съ вечера одѣвахуть мя, — рече, — чрьною паполомою на *кроваты* тисовѣ» — формула «кровать тисова» не имеет обычно придаваемого ей смысла великокняжеской кровати, т. е. реального спального места, а является эвфемизмом и служит для замены совсем другого предмета, оказавшегося в княжеском тереме, — деревянной лавки, на которую обычно клали покойников. В результате рассмотрения истории гибели Изяслава, где лексема «кровать» в первом издании «Слова» присутствует в «темном» месте «И схоти ю на кровать, и рекъ», поддержана ранее выдвинутая другими исследователями версия, что эта лексема появилась в тексте ошибочно как объединение группы слов «[кров а ть]и», и предложено альтернативное прочтение «темного» места — «И къ отцю на кровъ, а тьи рекъ» («И к отцу — укрыться, а тот сказал»), — обеспечивающее целостность контекста и бóльшую ясность всего эпизода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «Слово о полку Игореве», сон Святослава, кровать тисова, Изяслав, хоти

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Максимов В. И. О «кроватях» в «Слове о полку Игореве» («на кроваты тисовѣ» и «схоти ю на кровать») // Русская речь. 2020. № 4. С. 65–79. DOI: 10.31857/S013161170010737-9.

From the History of the Russian Language

On the "beds" in "The Tale of Igor's Campaign" ("na krovaty tisove" and "skhoty yu na krovat'")

Vladimir I. Maximov, Society of Researchers of Ancient Russia at the Institute of World Literature (Russian Academy of Sciences) (Russia, Moscow), vladimir_maksimov44@mail.ru

ABSTRACT: The article is devoted to the lexeme "bed" in medieval Russian epic poem "Slovo o Polku Igoreve" ("The Tale of Igor's Campaign"). The word 'bed' is mentioned in the novel twice: first, in so called "The dream of Svjatoslav the Great Knyaz of Kiev" and then in the story of the battle of young knyaz (prince) Izjaslav against Lithuanians. The article proposes that in "The dream of Svjatoslav" the phrase "bed of yew" does not refer to the real bed of the Great Knyaz, but is a euphemism, denoting a different object in the *terem* (prince's residence). It is suggested that "a bed of yew" was a wooden bench, which was traditionally used for putting dead bodies on it. Another theory says that the phrase 'bed of yew' is actually a mere fusion of completely different words. The new interpretation of the phrase mentions the unnamed father of Izjaslav and his two brothers. It says that it is plausible that the phrase says: "and came to (his) farther for escape, and that (man) said". Such interpretation shows the way the phrase is connected to the context and gives a clearer idea of the whole episode.

KEYWORDS: "Slovo o Polku Igoreve", Svjatoslav's dream, bed of yew, Izjaslav, khoty

FOR CITATION: Maximov V. I. On the "beds" in "The Tale of Igor's Campaign" ("na krovaty tisove" and "skhoty yu na krovat'"). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 4. Pp. 65–79. DOI: 10.31857/S013161170010737-9.

Энциклопедия «Слова о полку Игореве» сообщает, что лексема *кровать* употреблена в тексте памятника дважды. В первом случае она встречается в рассказе великого киевского князя Святослава, излагающего боярам пугающий загадочный сон, приснившийся ему на третий день после гибели войска Игоря в сражении с превосходящими силами половцев, — «Си ночь съ вечера одѣвахуть мя, — рече, — чръною паполомою на *кроваты* тисовѣ», а во втором — в истории юного полоцкого князя Изяслава, погибшего в неравном сражении с литовцами: «а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскыми мечи. И схоти ю на *кровать* и рекъ…» [Творогов (отв. ред.) 1995, т. 3: 105]. И что характерно, в обоих случаях *кровать* связана со смертью лежащего на ней персонажа: великому князю Святославу приснился сон о том, что он, умерший, лежит на кровати, а израненный в бою Изяслав тоже почему-то должен был умереть на кровати. Отметим, что оба случая употребления относятся к недостаточно ясным, так называемым «темным», местам текста.

Чтобы не вдаваться в подробное описание предложенных разными исследователями версий о кровати Святослава, приведем выдержку из справочной статьи Энциклопедии **кровать** (автор О. В. Творогов), в которой обобщены результаты этих исследований:

«В первом употреблении лексема не вызвала у исследователей сомнений, поскольку сам термин К<ровать> был известен древнерус<скому> яз<ыку> наряду с синонимичными ему "ложе" и "одр" и зафиксирован в памятниках по крайней мере с XIII–XIV вв. Колебания вызывал эпитет "тисов", в котором предлагали видеть искажение слова "тесовый" (Дубенский). Именно так и переводили данное чтение мн<огие> переводчики XIX в. (В. А. Жуковский, Д. Минаев, Л. Мей, Н. Гербель). Но уже А. Ф. Вельтман указал, что в данном случае прил<агательное> именно "тисовый", а не "тесовый", и подчеркнул при этом, что тис "почитается ядовитым, смертельным деревом", не сделав из этого, впрочем, никаких выводов. В. Н. Перетц привел многочисл<енные> примеры словосочетаний "кровать тисова" и "кровать тесова" из рус<ского> и укр<аинского> фольклора. Б. В. Сапунов доказал безусловную вероятность именования великокняж<еской> К<ровати> именно "тисовой", а не "тесовой"» [Творогов (отв. ред.) 1995, т. 3: 105].

Таким образом, в этом случае употребления рассматриваемого слова все внимание исследователей переключилось на материал, из которого якобы была сделана кровать Святослава, и именно по этому вопросу шла довольно активная дискуссия. При этом сама «кровать», за исключением

комментариев о происхождении слова от греческого κράβαττος, особого внимания не привлекала. Правда, некоторые участники этой дискуссии полагали, что у слов «кровать тисова» есть не только натуральный, но и иносказательный смысл. Так, Б. В. Сапунов отметил: «Если прямое значение слов “тисовая кровать” выяснено вполне определенно, то другой — иносказательный смысл, вложенный автором в этот образ, еще неясен до конца» [Сапунов 1961: 324]. При этом он дополнительно сослался на аналогичное высказывание Н. В. Шарлеманя: «Надо полагать, что “кровать тисова” в “Слове” имела не только реальное значение, но и утраченный в наше время символический смысл, наподобие “саней” в “Поучении Мономаха”»[1] [Шарлемань 1954: 227]. Однако никаких конкретных предположений об этом смысле не последовало и в переводах и толкованиях «кровать тисова» остается спальным местом Святослава. И только материал, из которого она сделана, якобы придает ей некоторый символический оттенок. Так, в той же Энциклопедии в статье **сон Святослава** говорится:

«“Тисовая” кровать — это, с одной стороны, как ясно из приведенных В. Л. Виноградовой фольклорных параллелей (Словарь. Л., 1984. Вып. 6. С. 31), реальная деталь быта. Однако тис ценился прежде всего за то, что долго не поддавался гниению, его так и называли: “негниющее дерево” (Анненков Н. И. Ботанический словарь. М., 1859. С. 155). Поэтому наряду с кедром тис считался в древности и на Западе и на Востоке самой ценной породой для гроба (тисовый гроб стоил баснословно дорого) и в связи с этим был символом смерти. У Овидия, напр<имер>, тисовая аллея ведет в могильные чертоги (см.: Лонгинов А. В. Слово о полку Игореве. Одесса, 1911. С. 39). Тисовый гроб известен и по слав<янским>, в частности укр<аинским>, нар<одным> песням, ср.: “Ой, умру я, мій миленький, умру / Зроби мині тисовую (вариант “кедровую”) труну” (см.: Перетц. Слово. С. 248)» [Творогов (отв. ред.) 1995, т. 5: 32].

И там же в статье **тис**: «В наст<оящее> время общепринятым стало сохранение эпитета “тисовая” (а не “тесовая”, как полагали некоторые комментаторы и переводчики); кроме того, всеми исследователями признается символич<еское> значение этого образа в С<лове> в общем контексте зловещих примет» [Там же, т. 5: 116].

[1] «Сани» в «Поучении Мономаха» принадлежат высказыванию «Сѣдя на санех, помыслих в душе своей и похвалих Бога, иже мя сихъ дневъ грѣшнаго допровади» в написанной Владимиром Мономахом поучительной «грамотице» детям. Объяснение «седя на санех» Д. С. Лихачева: «Это выражение следует понимать как образное. Оно может иметь значение “в преклонных годах”, “на краю смерти”. Значение его основывается на обрядовой стороне древнерусских похорон. Перевозка умершего на санях была существенною частью древнерусского погребального обычая» [Лихачев 1969: 710].

Тем не менее, понимание «кровати тисовой» как кровати Святослава, сделанной из дорогого дерева (тиса), что и повлияло решительным образом на ее толкование как великокняжеской кровати, вряд ли можно считать правильным. Ладно бы упоминание об этой кровати содержалось в авторской речи. Но с какой стати Святослав стал рассказывать своим боярам, на какой драгоценной кровати он спит? Это предмет его гордости? Или они этого не знали? Вряд ли. Или почему у кровати великого князя, его обычного спального места, могли вдруг проявиться какие-то зловещие свойства? И как совместить в толкованиях противоположные характеристики тиса — магическое средство против болезней и других бед [Шарлемань 1954: 226] и мистическое значение дерева смерти [Сапунов 1961: 325]? Все это наводит на мысль о том, что главным здесь является не бытовое, а символическое значение. И вряд ли речь здесь идет о кровати из дорогого дерева. Более того, слова «на ***кроваты тисовѣ***», открывающие зловещий сон, в котором Святослав видит себя покойником, — это, скорее всего, вообще не про кровать как таковую. Прямого значения кровать как постель, спальное место здесь, видимо, не имела вовсе. По-видимому, ***кровать тисовая*** — это образ, целостная конструкция, которая является эвфемизмом лавки, на которую клали покойника до положения его в гроб. При этом важным в этом образе является указание на степень выделки ее поверхности: она гладкая, из вытесанных досок, что и соответствует часто встречающейся в фольклоре «тесовой кровати», где какой-либо скрытый смысл отсутствует. Соответственно, слово «тисовая» надо считать искажением понятия «тесовый», как это и понимали первые исследователи и переводчики, и означает не вид дерева, а просто ***тесаную***, возможно даже голую, деревянную поверхность. Поэтому не существенно, из дерева какой породы она была сделана. К примеру, у А. С. Пушкина в «Сказке о рыбаке и рыбке» в описании «изба со светелкой… с дубовыми, тесовыми вороты» материал указан отдельно от характеристики его обработки, которая обозначена эпитетом «тесовые».

Довольно многочисленные упоминания кроватей, как «тисовых», так и «тесовых», в фольклоре, приведенные в работах различных исследователей, по-видимому, связаны с тем, что кровать сама по себе представлялась в народе ценностью: в основном спали если не на полу, то на печи, на полатях, да на лавках. Характерно, что все эти примеры соответствуют исключительно прямому предметному значению слова. При этом, ввиду довольно позднего происхождения, они не могут служить надежным подтверждением первичности той или иной версии (тисовая или тесовая) в «Слове», особенно с учетом неуверенной фиксации гласных

в украинском (*тісова* и *тисова*) и неточной передачи их в белорусском (*цисовой кроваци*). Более того, ни в каких примерах из фольклора ни «тисовая», ни «тесовая» кровать не является смертным одром и не имеет каких-либо негативных черт. А кроме того, тисом на Руси могли называться и кедр, и простая сосна [Срезневский 1912: 960].

Необходимо также заметить, что мысль о замене исходного «тисова», которое в сочетании с «кроватью» некоторые исследователи склонны считать традиционным эпитетом [СПИ 1985: 463], на «тесова» в фольклоре весьма спорна из-за различия в ударении: в «тисова» ударение приходится на первый слог, на что уверенно указал В. В. Колесов [Колесов 1976: 70], в то время как в песнях и былинах [Перетц 1926: 247–248] в обоих вариантах, и «тесовая» («цясовая»), и «тисовая» («цисовая»), даже при упоминании «тисовой труны» (гроба), ввиду чередования с «тесовую» и «кедровую», ударение явно приходится на второй слог. Поскольку ударение в «тисова» на первом слоге, что соответствует кровати из тиса, не является характерным для живой речи, то недостаточно достоверной представляется сама запись «тисовый» в приведенных В. Н. Перетцем примерах словосочетания «кровать тисова» из русского и украинского фольклора. Зато на письме весьма вероятно обратное: переписчик «Слова», знакомый с библейскими преданиями, в которых встречаются слова «тисов», «тисие», не восприняв «кровать тесову» в данном контексте как эвфемизм для лавки (а в прямом смысле это выражение в отношении великого князя просто не имеет смысла), приукрасил ее и таким образом создал великому князю кровать из красного дерева (если это не просто ошибка в написании слова «тесова»). Либо нужно считать наслоение «тисовый — тесовый» весьма древним, ввиду неудобства произношения слова «тисовый» с ударением на первом слоге.

Следует отметить, что толкуемая как ложе кровать в примерах, приведенных в Словаре-справочнике В. Л. Виноградовой [Виноградова (сост.) 1969: 29], безусловно, означает конкретное ложе (для сна, отдыха либо брачное). Тем не менее один пример из Словаря-справочника представляется довольно близким к кровати Святослава. Это описание захоронений сановников в Иерусалиме из «Хождения старца Арсения Суханова в Иерусалим» (1649–1653 гг.), хотя, в отличие от кровати Святослава, это описание не содержит никакой иносказательности: «Въ дикомъ камени изсѣчены полатки многия… а во всѣхъ тѣхъ полаткахъ изсѣчены изъ тогожъ камени кровати великия, и на тѣхъ кроватѣхъ полагаютъ безъ гробовъ тѣлеса», где кровать является не ложем, а скорее ложементом (здесь эпитет «великия», вероятно, характеризует не размер отдельной «кровати», а их количество). В том же «Хождении» упоминается каменная лавка,

на которой лежало тело Христа. А на Руси лавки, естественно, были деревянными, тесаными, или тесовыми.

Очень близко к предлагаемому пониманию подошел еще в 1955 г. Н. В. Шарлемань, написавший: «В народной песне, записанной в середине XIX в., поется:

"Да положать мое біле тило на тисовій лави,
Да и зроблять на мое біле тіло труну тисовую..."

Итак, надо полагать, что "кровать тисова" в "Слове о полку Игореве" должна рассматриваться не только как кровать князя из прочного дерева, но и как его смертное ложе» [Шарлемань 1955: 9]. При этом, однако, он продолжал считать основным признаком иносказательности свойства тиса, хотя дорогая тисовая лавка в народной песне, т. е. как обыденный предмет быта, — это уже явный перебор. Ладно еще долговечный тисовый гроб (труна). Однако само по себе упоминание лавки раньше, чем гроба, вполне согласуется с предположением о том, что «кровать тисова (тесова)» в «Слове» является эвфемизмом лавки как смертного ложа.

Добавим к этому сказанное в комментарии к последнему изданию «Слова» в Большой серии «Библиотеки поэта»: «В "Слове" упоминание о "кровати тисовой" могло быть символом смерти и гроба (? — *В. М.*)» [Мещерский, Бурыкин 1985: 463]. Однако во сне Святослава «тисова кровать» — это еще не гроб. Но это вовсе не кровать, и описание сна оказывается более пугающим, чем в случае упоминания настоящей кровати, на которой спал Святослав.

Отметим также и отличие от высказанного Н. В. Шарлеманем предположения о символической близости «кровати тисовой» и «саней» Владимира Мономаха: в «Поучении Мономаха» «седя на санех» — скорее, просто фигура речи, а «на ***кроваты тисовѣ***» — типичный эвфемизм, иносказательное представление предмета. При этом, по-видимому, как и «седя на санех», выражение «на кровати тисовой» не подлежит переводу, а должно только найти отражение в комментариях.

Кроме сказанного о ***кровати***, представляется уместным сделать здесь еще одно замечание к рассматриваемой строке текста. Общепринятым в этой строке является исправление представленной, как в первом издании «Слова», так и в Екатерининской копии, глагольной формы «одѣвахъте мя» на «одѣвахуть мя». Это исправление является настолько признанным, что в Словаре-справочнике В. Л. Виноградовой и в Энциклопедии «Слова о полку Игореве» представлена только исправленная форма «одѣвахуть». Тем не менее такое исправление представляется довольно спорным, поскольку оно основано исключительно на предположении

об однородности этого глагола и следующих далее трех других, употребленных в 3-м лице множественного числа:

«Чръпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено;
сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгь на лоно,
и нѣгуютъ мя».

Не исключено также, что при отсутствии указания субъектов действия эта унификация возникла в связи с неудобством перевода рассматриваемой фразы на современный язык, где формы прошедшего времени во всех трех лицах множественного числа одинаковы.

Однако формальное подобие должно быть оправдано смыслом. Здесь это не так, потому что Святослав, несомненно, обращается к своим боярам, что совершенно правильно отразили в параллельном переводе первые издатели: «одѣвали вы меня (онъ Боярамъ разсказывалъ) черным покровомъ на тесовой кровати». А вот последующие операции (черпание вина, обсыпание жемчугом и умащивание тела) могли выполнять приближенные более низкого ранга или даже слуги, и поэтому там — обезличенная форма 3-го лица: ***чръпахуть ми***, ***сыпахуть ми, нѣгуютъ мя***. Так что для перевода ***одѣвахъте мя*** в 3-е лицо нет достаточных оснований. Тем более что первое высказывание в исходном тексте отделено от последующих трех точкой, а глагол ***нѣгуютъ*** и вовсе стоит в настоящем времени. Кроме того, на 2-е лицо довольно определенно указывает и сохранившееся изначальное окончание *-те*. А ошибочное для 2-го лица множественного числа имперфекта *-хъ-* вместо правильного *-с-* (ср. «Не побѣдными жребии собѣ власти *расхытисте*!» в обращении Святослава к волынским князьям) могло возникнуть в результате «забегания» вперед, аналогичного ныне принятой конъектуре, при переписывании текста. Поэтому, в соответствии с контекстом, более логичным представляется исправление ***одѣвахъте*** первого издания на ***одѣвасте***, при котором начало сна Святослава предстает в следующем виде:

А Святъславь мутенъ сонъ видѣ въ Кіевѣ на горахъ.
«Си ночь съ вечера одѣва<с>те мя, — рече, —
чръною паполомою на кроваты тисовѣ.
Чръпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено;
сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ
великый женчюгь на лоно, и нѣгуютъ мя».

При этом масштаб предлагаемого исправления остается таким же, как и при ныне принятой конъектуре — замена двух знаков, но фонетически это исправление менее значимо.

Второе упоминание ***кровати***, содержащееся в описании гибели юного князя Изяслава из потомков (правнука) Всеслава Полоцкого в сражении с литовцами, —

«Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ
позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія;
притрепа славу дѣду своему Всеславу,
а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ
Литовскыми мечи.
И ***схоти ю на кровать***, и рекъ:
"Дружину твою, Княже, птиць крылы пріодѣ, а звери кровь полизаша.
Не бысь ту брата Брячяслава, ни другаго — Всеволода;
единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чресъ злато ожереліе".
Унылы голоси, пониче веселіе.
Трубы трубятъ Городеньскіи» —

в отличие от первого, находится в составе признанного «темного места» «И схоти ю на кровать, и рекъ», которое в первом издании «Слова» переведено весьма свободно — «На семъ-то одрѣ лежа, произнесъ онъ: "Дружину твою, Князь, птицы приодели крыльями, а звѣри кровь полизали"» [СПИ 1952: 33–34]. Переводу первых издателей следовал В. А. Жуковский: «И на сем одре возгласил он…». Наиболее близкая к тексту первого издания, но совершенно неконтекстная в прямом понимании, версия ***и с хотию на кровать*** в различных вариантах толкования в переносном смысле с довольно сложными построениями объяснений символического характера (кровать-земля, хоть-жизнь, отождествление смертного и брачного ложа) поддерживалась в свое время Барсовым, Потебней, Ржигой, Орловым, а во второй половине XX в. — Стеллецким, Комлевым, что связано со стремлением исследователей сохранить в наибольшей степени дошедший до нас текст. Другие исследователи (Грамматин, Грунский) предлагали существенно измененные разбиения отрезка на слова, приводящие к иному пониманию этой строки.

Достоверного понимания фразы достичь не удалось, и во втором издании «Слова» в Большой серии «Библиотеки поэта» составители (Дмитриев, Лихачев), без пометки об отклонении относительно первого издания изменив деление неясного отрезка на слова — «И с хотию на кровать», видимо в соответствии с более ранним переводом А. С. Орлова «и с возлюбленною… на кровать и сказал» [Орлов 1952: 73], ввиду неясности этого высказывания оставили в переводе (О. В. Творогов, Л. А. Дмитриев) пропуск до слов «и сказал» и указали в комментарии: «Это одно из наиболее испорченных мест "Слова". Ни одна из предложенных попыток его истолкования не может быть принята с полной уверенностью»

[СПИ 1967: 513]. Словарь-справочник В. Л. Виноградовой в статье **хоть**[1] приводит эту фразу с таким же делением на слова и толкованием **хоти** как «любовницы, наложницы».

В поисках более приемлемого прочтения загадочной фразы в более поздних изданиях «Слова» появилось несколько вариантов, основывающихся на иных разбиениях «темного» отрезка на слова.

Один из основных вариантов прочтения представлен в изданиях Д. С. Лихачева: «и с хотию на кров, а т**ъ**и рекъ». Объяснительный перевод: «был прибит на (пролитую) кровь мечами литовскими со своим любимцем, а тот и сказал: “Дружину твою, князь, птица (хищная, питающаяся трупами) крыльями приодела, а звери кровь (павших и раненых) полизали!”» [Лихачев 1976: 138, 68].

В последней своей интерпретации «Слова» к версии, поддерживаемой Д. С. Лихачевым, склонился и Л. А. Дмитриев: «и с хотию на кровь, а т**ъ**и рекъ» — «Литовскими мечами погублен был вместе со своим любимцем, на крови, а тот сказал» [Дмитриев 1997: 151, 158].

Что касается этого прочтения, то трудно не согласиться с М. В. Щепкиной: «Слово “хоть”, один раз встреченное в “Слове о полку Игореве” (“своея милыя хоти Глебовны”), привлекло внимание исследователей, и его охотно вчитывают в другие места поэмы». Сама М. В. Щепкина предложила прочтение «исхыти юна кровь а тъи рек[л] бы» с переводом «Источил юную кровь, а тот сказал бы» [Щепкина 1953: 23]. Впоследствии многие исследователи согласились с таким толкованием, внося лишь небольшие стилистические уточнения:

«Исхо**д**и юна кров**ъ**, а т**ъ**и рекъ» с переводом «Текла юная кровь его, и сказал он: “Дружину твою, о князь, птицы крыльями приодели, а звери кровь полизали!”» [СПИ 1985: 31, 43];

«Исх**ы**ти юна кр**ъв**ь, а т**о**и рекъ» — «Юная кровь полилася, и сказал он: “Дружину твою, князь, птицы крыльями прикрыли, а звери кровь ее послизали!”» [Косоруков 1986: 199, 240].

Таким образом, основную трудность для толкования ныне представляет даже не ***кровать***, фактически исключенная из рассмотрения и сократившаяся до ***кров***(***ь***), а начало фразы, разделившее исследователей на два лагеря — одни сохраняли ***хоть*** как существительное с вариациями прочтения «с возлюбленною» (Орлов), «со своим любимцем» (Лихачев), другие рассматривали слитное «исхоти» как глагол «исходи» (Мещерский, Бурыкин) либо «исхыти» (Щепкина, Косоруков). Однако и в том, и в другом случае наблюдаются явные натяжки, касающиеся персонажа, которому принадлежит высказывание после слов «а тъи рекъ», и вне довольно вольного толкования, предлагаемого автором конъектуры, сохраняется неопределенность — кто такой этот «тъи»? Варианты предлагались

разные: сам Изяслав (Косоруков, Мещерский), его любимец-хоть (Лихачев, Дмитриев), Боян (Щепкина). Эта неопределенность, оставляющая за автором «Слова» сомнительную недосказанность, и является основным недостатком этих версий.

Для устранения этой неопределенности и придания фразе конкретного смысла необходимо рассматривать ее в более пространном окружающем контексте. В результате такого рассмотрения предлагается прочтение:

«И **къ** от**цю** на кров<ъ>, а тьи рекъ», т. е. «к отцу в укрытие, под защиту, а тот сказал».

Видимо, смертельно раненый Изяслав прибежал «на кров» (в укрытие, в убежище), т. е. спасаться, к своему отцу Васильку и там умер.

Значение слова **кровъ** как *защита*, *покровъ* (покровительство — *В. М.*) представлено в словаре И. И. Срезневского с цитатой из XI в.: «Не своимь тьштаниемь и троудъмъ, нъ Б(о)жиемь кровомь и по(мо)штью гонезаетъ недоуга сего».

При этом горестная прямая речь «того» — отца Изяслава, князя Василька — «дружину твою, Княже, птиць крылы пріодѣ, а звери кровь полизаша» — не заканчивается этими словами, а продолжается вплоть до авторского «Уныли голоса, поникло веселие» и включает заочный укор двум другим сыновьям, братьям Изяслава, не пришедшим ему на помощь:

«Не бысь ту брата Брячяслава,
ни другаго — Всеволода», —

и скорбную эпитафию погибшему:

«единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожереліе».

Таким образом, полагаем, что в этом эпизоде не было ни кровати, ни хоти, тем более с экзотическими объяснительными построениями, основанными на их символических толкованиях, а был безымянно упомянут еще один вполне естественный для данной истории персонаж — князь Василько, отец трех братьев Брячяслава, Всеволода и Изяслава, а история гибели юного князя Изяслава в целом изначально выглядела так:

Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ
позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія;
притрепа славу дѣду своему Всеславу,
а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ
Литовскыми мечи.

И къ отцю на кров<ъ>, а тьи рекъ:

«Дружину твою, Княже, птиць крылы пріодѣ,
а звери кровь полизаша.

Не бысь ту брата Брячяслава,
ни другаго Всеволода;
единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожереліе».
Унылы голоси, пониче веселіе.
Трубы трубятъ Городеньскіи.

Историческую персонификацию князя Василька и его сыновей здесь не рассматриваем, поскольку ввиду недостатка летописных подтверждений она, как правило, оказывается запутанной и противоречивой. Весьма подробное рассмотрение этого вопроса можно видеть в работе А. П. Комлева и К. К. Белокурова «“Слово о полку Игореве”: Заметки об исторических временах и лирических пространствах» [Комлев 1985: 176].

По-видимому, основным искажающим фактором при копировании текста оказалась буква «с», что привело с изменению управления в этой фразе: вместо «куда?», «к кому?» возникло «с кем?». Соответственно, предлагаемое прочтение к уже известным исправлениям текста первого издания добавляет изъятие этой буквы путем исправления «сх»-«къ» и одновременно замену «и»-«ц»: «схоти ю» на «къ отцю».

Нужно признать, что палеографическое обоснование предлагаемой конъектуры довольно затруднительно. Однако, полагая правильным исходное «къ отцю», получить из него «схоти ю» можно, предположив возникновение «сх» на месте «къ». В некоторых почерках «к» писалась в виде двух отдельных элементов — «стойки» и «левой угловой скобки». Вполне вероятно, что, написав «мечи и» (без разделения, четыре или пять мачт подряд), переписчик отвлекся, а затем продолжил письмо, приняв последнюю мачту за первый элемент буквы «к», в результате чего возникло «ис». В свою очередь, «ъ» мог быть написан с диагональным наклоном и с увеличенной петлей. И, если петля в конце имела еще небольшой нахлест, то при некоторой порче оригинала знак мог быть прочитан как «х». Слово «отцю», как правило, пишущееся под титлом, могло быть написано в раскрытом виде и без «ь» между «т» и «ц», что вполне приемлемо для «Слова» (см. «Съ тоя же Каялы Святоплъкь повелѣя отца своего… ко святѣй Софіи къ Кіеву»). Что касается «ц», то она отличалась от «и» лишь «хвостиком» справа внизу, который мог утратиться по причине потертости рукописи или отнесения его при чтении к нижней строке. Исчезновением этого ранее существовавшего «хвостика» может быть объяснен и пробел перед «ю» (которая в изданиях «Слова» давно незаметно приросла как окончание к «хоти»), поскольку буква «ц» , видимо, занимала в строке несколько больше места, чем ошибочно заменившая ее «и».

Безусловно, как и другие версии прочтения этого «темного» места «Слова», и особенно ввиду довольно существенного объема вносимых

изменений предлагаемая версия является гипотетической. Однако в контексте всей истории юного Изяслава она имеет смысла больше, чем известные конъектуры, поскольку позволяет уйти от туманных символических трактовок фразы и перевести ее в пространство реальных событий, одновременно избавившись от сомнительного толкования ***хоти*** как персонажа мужского пола и связанного с этим грамматического диссонанса, поскольку мужской вариант этого существительного требовал бы формы «с хотиемъ», а не «с хотию», на что обратил внимание О. В. Творогов в энциклопедической статье **хоть** [Творогов (отв. ред.) 1995, т. 5: 192].

Таким образом, есть основания считать, что ни одна ***кровать*** из упомянутых в тексте «Слова» кроватью как таковой не является: первая — потому, что является частью эвфемизма «кровать тисова (тесова)», иносказательного описания другого предмета (лавки), а вторая не существовала вообще и возникла вследствие неверного «нарезания» слов при прочтении «темного» места текста.

Источники

СПИ 1952 — Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1952. 308 с.

СПИ 1967 — Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1967. 540 с.

СПИ 1985 — Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. 3-е изд. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1985. 498 с.

Литература

Виноградова В. Л. (сост.). Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: в 6 выпусках. Т. 3. М.–Л.: Наука, 1969. 182 с.

Дмитриев Л. А. Слово о полку Игореве // Литература Древней Руси: Хрестоматия (сост. Л. А. Дмитриев. Под ред. Д. С. Лихачева). СПб.: Академический проект, 1997. С. 145–162.

Колесов В. В. Ударение в «Слове о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.–Л., 1976. Т. XXXI. С. 23–76.

Комлев А. П. (совм. с К. К. Белокуровым) «Слово о полку Игореве»: Заметки об исторических временах и лирических пространствах // Слово о полку Игореве: Древнерусский текст и переложения / Сост. А. П. Комлев. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1985. С. 167–211.

Косоруков А. А. Гений без имени. М.: Современник, 1986. 288 с.

Лихачев Д. С. Поучение Владимира Мономаха // «Изборник». Сборник произведений литературы Древней Руси. Ред. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. М.: Художественная литература, 1969. С. 146–171, 709–715.

Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк. М.: Просвещение, 1976. 175 с.

Мещерский Н. А., Бурыкин А. А. Комментарии к тексту «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. 3-е изд. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1985. С. 440–483.

Орлов А. С. Повесть о походе Игоревом, сына Святославова, внука Олегова // Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1952. С. 66–76.

Перетц В. Н. Слово о полку Ігоревім — пам'ятка феодальної України-Руси XII віку. Українська Академія Наук. Збірник історико-філологічного відділу. № 33. Київ, 1926. 351 с.

Сапунов Б. В. Тисовая кровать Святослава (Из реального комментария к «Слову о полку Игореве») // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XVII. М.–Л., 1961. С. 323–326.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1912. 1684 стб.

Творогов О. В. (отв. ред.). Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 3. 387 с.; Т. 5. 399 с.

Шарлемань Н. В. Из комментариев к «Слову о полку Игореве» («на кроваты тисовѣ») // Труды Отдела древнерусской литературы. М.–Л., 1954. Т. X. С. 225–227.

Шарлемань Н. В. Заметки к «Слову о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.–Л., 1955. Т. XI. С. 7–12.

Щепкина М. В. Замечания о палеографических особенностях рукописи «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.–Л., 1953. Т. IX, 1953. С. 7–29.

References

Dmitriev L. A. ["The tale of Igor's campaign"]. *Literatura Drevnei Rusi: Khrestomatiya* [Literature of Ancient Russia: A chrestomathy]. Compiled by L. A. Dmitriev, ed. D. S. Lihachev. Saint-Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., 1997, pp. 145–162. (In Russ.)

Kolesov V. V. [Accent in "The tale of Igor's campaign"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proc. of the Old Russian Literature Department]. Vol. XXXI. Moscow; Leningrad, 1976, pp. 23–76. (In Russ.)

Komlev A. P. (together with K. K. Belokurov) ["The tale of Igor's Campaign": Notes on historical times and lyrical spaces]. *Slovo o polku Igoreve: Drevnerusskii tekst i perelozheniya* ["The tale of Igor's campaign": Old Russian text and arrangements]. Ed. A. P. Komlev. Sverdlovsk, Sredne-Uralskoe Knizhnoe Izdatelstvo Publ.,1985, pp. 167–211. (In Russ.)

Kosorukov A. A. *Genii bez imeni* [Genius without a name]. Moscow, Sovremennik Publ., 1986. 288 p.

Likhachev D. S. [Vladimir Monomakh's "Homily"]. *"Izbornik". Sbornik proizvedenii literatury Drevnei Rusi* [Izbornik. Collection of literary works of Old Russia]. Ed. L. A Dmitriev and D. S. Likhachev. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1969, pp. 146–171, 709–715. (In Russ.)

Likhachev D. S. *"Slovo o polku Igoreve". Istoriko-literaturnyi ocherk* ["The tale of Igor's campaign". Historical-literary essay]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1976. 175 p.

Meshcherskii N. A., Burykin A. A. [Comments on the text "The tale of Igor's campaign".]. *Slovo o polku Igoreve. Biblioteka poeta. Bol'shaya seriya* ["The tale of Igor's campaign". Library of the poet. Big series]. 3-d ed. Leningrad, Sovetskii Pisatel' Publ., 1985, pp. 440–483. (In Russ.)

Orlov A. S. [The tail of the campaign by Igor, son of Svyatoslavov, grandson of Oleg]. *Slovo o polku Igoreve. Biblioteka poeta. Bol'shaya seriya* ["The tale of Igor's campaign". Library of the poet. Big series]. Leningrad, Sovetskii Pisatel' Publ., 1952, pp. 66–76. (In Russ.).

Peretc V. N. *Slovo o polku Igorevim — pam'yatka feodal'noï Ukraïni-Rusi XII viku* [The tale of Igor's campaign — a memorial of feudal Ukraine-Russia of 12th c.]. Ukraïns'ka Akademiya Nauk. Zbirnik istoriko-filologichnogo viddilu № 33. Kiïv, 1926. 351 p.

Sapunov B. V. [Svyatoslav's Yew Bed (From a real commentary on the "Tale of Igor's campaign"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proc. of the Old Russian Literature Department]. Vol. XVII. Moscow; Leningrad, 1961, pp. 323–326. (In Russ.).

Sharleman' N. V. [From the comments on "The tale of Igor's campaign" ("on the yew beds")]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proc. of the Old Russian Literature Department]. Vol. X. Moscow; Leningrad, 1954, pp. 225–227. (In Russ.)

Sharleman' N. V. [Notes to "The tale of Igor's campaign"]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proc. of the Old Russian Literature Department]. Vol. XI. Moscow; Leningrad, 1955, pp. 7–12. (In Russ.)

Shchepkina M. V. [Remarks on the paleographic features of the manuscript "The tale of Igor's campaign"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proc. of the Old Russian Literature Department]. Vol. IX. Moscow; Leningrad, 1953, pp. 7–29. (In Russ.)

Sreznevskii I. I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka* [Materials for the dictionary of the Old Russian language]. 1912. Vol. 3. 1684 col.

Tvorogov O. V. (ed.). *Entsiklopediya "Slova o polku Igoreve"* [Encyclopedia of "The tale of Igor's Campaign"]. In 5 vols. Saint-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1995. Vol. 3. 387 p. Vol. 5. 399 p.

Vinogradova V. L. (auth.). *Slovar'-spravochnik "Slova o polku Igoreve"* [Reference book of "The tale of Igor's campaign"]. In 6 vols. Vol. 3. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1969. 182 p.

Русская речь
Russian Speech

№ 04 | 2020
С. / Pp. 80–92

Из истории русского языка

Еще раз о словах *правовѣрьныи/православьныи* и их синонимах в древнерусском языке

Мария Анатольевна Пузина, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва), maria-malygina@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170010738-0

АННОТАЦИЯ: В статье анализируются существующие гипотезы происхождения слов *православьныи* и *православие*: 1) ошибочное восприятие второй части греч. композита ὀρθόδοξος (δόξα) как ‘слава’ вместо ‘вера’ и 2) изменение значения сущ. *правословие*, являющегося типичным переводом δικαιολογία ‘защита в суде’ в соответствии с ὀρθοδοξία ‘правая вера’ с последующим взаимовлиянием морфем *-слав-* и *-слов-*. Рассматриваются все возможные переводы греч. ὀρθόδοξος: *правыи*, *правовѣрьныи*, *православьныи*, *правословьныи*, *простославьныи*. На материале изданных словарей старославянского и древнерусского языков анализируется частота их употребления и время появления в древнерусском языке. За счет привлечения цитат из памятников, ставших доступными после выхода соответствующих томов словаря, удревняются датировки появления слов *простославьць* (Ильина книга XI в.) и *правый* в словосочетании *правая вѣра* (Стихирарь XII в., Софийский пролог XII/XIII в.). Объясняется появление прил. *простославьныи*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историческая лексикология и лексикография, правыи, правовѣрьныи, православьныи, правословьныи, простославьныи

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пузина М. А. Еще раз о словах *правовѣрьныи/православьныи* и их синонимах в древнерусском языке // Русская речь. 2020. № 4. С. 80–92. DOI: 10.31857/S013161170010738-0.

From the History of the Russian Language

On the Words *pravověrьny/pravoslavьny* and Their Synonyms in the Old Russian Language

Maria A. Puzina, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences) (Russia, Moscow), maria-malygina@yandex.ru

ABSTRACT: The article analyzes the existing hypotheses of the origin of the words *pravoslavьny* (Orthodox) and *pravoslavie* (Orthodoxy): 1) the erroneous perception of the second part of the composite ὀρθόδοξος (δόξα) as 'glory' instead of 'faith' and 2) a change in the meaning of the noun *pravoslovie* (jurisprudence), which is a typical translation of δικαιολογία 'defense in the court' in accordance with ὀρθοδοξία 'the traditional and universal doctrine of the Church' with the subsequent mutual influence of morphemes *slav-* and *slov-*. We consider all possible translations of Greek ὀρθόδοξος: *pravy*, *pravověrьny*, *pravoslavьny*, *pravoslovьny*, *prostoslavьny*. The paper analyzes how frequently these translations are used and when they first appeared in the Old Russian language. The research is conducted using the material of Old Slavonic and Old Russian language dictionaries.

By using quotes from sources that became available after the publication of the corresponding volumes of the dictionaries, dating of the occurrence of the words *prostoslavets* (Ilyin's book of the 11th century) and pravy in the phrase *pravaya vera* (Sticherarion of the 12th century, Sofiisky prologue of the 12th/13th century) are made earlier. The paper also explains the origin of the adjective *prostoslavьny*.

KEYWORDS: historical lexicology and lexicography, pravy, pravověrьny, pravoslavьny, pravoslovьny, prostoslavьny

FOR CITATION: Puzina M. A. On the Words *pravověrьny/pravoslavьny* and Their Synonyms in the Old Russian Language. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 4. Pp. 80–92. DOI: 10.31857/S013161170010738-0.

В последнее время в интернет-пространстве усилились споры относительно слов *правоверный* и *православный*. Появляется информация о том, что первоначально слово *православный* якобы не имело никакого отношения к христианству и православием называлась старая вера, которая была на Руси до прихода христианства. Появление слов *православие* и *православный* при этом связывается с церковной реформой патриарха Никона, когда этими словами были заменены первоначально употреблявшиеся в этом значении *правоверие* и *правоверный*.

На самом деле оба слова имеют давнюю историю.

В 1927 г. А. Брюкнер в «Этимологическом словаре польского языка» пишет, что слово prawy употребляется «в композите[1] prawowierny, позднее (в XIV в.) замененном из-за необразованности переводчиков на prawosławny, поскольку они греч. orthodoksos ‘правоверный’ восприняли в соответствии [со значением] doksa ‘слава’ вместо ‘вера’» [Brückner 1985: 435]. Затем пару *правовѣрие/православие* упомянул В. Н. Щепкин, который предложил устанавливать язык оригинала «по ошибкам и недоразумениям особого характера, возможным только при переводе с одного определенного языка» [Щепкин 1967: 169–170]. В качестве примера он привел ошибочный перевод *православие* вместо *правоверие*, поскольку греч. слово δόξα имеет два значения: ‘вера’ и ‘слава’ [Щепкин 1967: 170]. Лексемы *правовѣрие* (ἡ ὀρθόδοξος πίστις) ‘истинная вера (о православии)’, *правовѣрьно* ‘соответственно православию’, *правовѣрьныи* (ὀρθόδοξος) ‘истинно верующий, православный’, а также *правословьць* (ὀρθόδοξος) ‘истинно верующий человек, православный’ указаны в разделе групповых сложений в работе Р. М. Цейтлин [Цейтлин 1977: 256]. Причем отмечено, что «в данном случае имеет место распространенная в церковных памятниках ошибка в переводе второй части композиты» со ссылкой на учебник палеографии В. Н. Щепкина. Также классическим примером ложной этимологии, когда ошибка появляется в результате неправильного понимания греч. корня, прил. *православнъ* называет Ф. Томсон. При этом автор добавляет, что единственный классический старославянский памятник, в котором зафиксирован такой

[1] Композит (или композита) — сложное слово, т. е. слово, состоящее из двух или более корней или основ.

перевод греч. ὀρθόδοξος, — «Моравский» номоканон[2,3] [Thomson 1988: 366].

В словаре М. Фасмера никакие ошибки не упоминаются: «православный… калькирует греч. ὀρθόδοξος; православие — калька греч. ὀρθοδοξία» [Фасмер 1987: 352].

Описанию происхождения прил. *православный* посвящена подробная статья Л. Мошинского [Moszyński 1990]. В ней он излагает предполагаемый путь от кирилло-мефодиевского *правая вѣра* (ὀρθόδοξος πίστις) (соотв. ὀρθόδοξος ἄνθροπος — *правовѣрьнъ чловѣкъ*) к более позднему *православная вѣра*. Свою теорию он противопоставляет мнению А. Брюкнера (см. выше). Согласно его гипотезе, первичным в паре *правословие/православие* было *правословие*, являющееся типичным переводом греч. δικαιολογία ‘защита в суде’, которое впоследствии изменяет значение в соотв. с другим греч. словом ὀρθοδοξία. Затем начинается взаимовлияние морфем *-слав-* и *-слов-* (ср. *словословити/славословити*, *благословити/благославити*), в результате чего и появляется *православие*. При этом автор предлагает следующую хронологию появления сочетаемости слов [Moszyński 1990: 64]:

1. Кирилло-мефодиевская эпоха (IX в.)
права вѣра
правовѣрьнъ чловѣкъ
2. Посткирилло-мефодиевский период (X–XII вв.)
правословьна/православьна вѣра
правовѣрьнъ чловѣкъ
3. XII–XIII вв.
православьна вѣра
правовѣрьнъ чловѣкъ
4. XIV в.
православьна вѣра
православьнъ чловѣкъ

Именно в XIV в. начинаются контакты Польши с восточными славянами и прил. *православный* проникает в польский язык. При этом значение словосочетания *православьна вѣра* определяется только как ‘истинная

[2] Номоканон — это византийский сборник церковных правил и императорских указов, касающихся церкви. «Моравский номоканон» (2-я пол. IX в.) — древнейший перевод номоканона с греческого на славянский язык, связанный с деятельностью в Моравии первоучителя славян Мефодия. Он сохранился в составе др.-рус. «Устюжской кормчей» (XIII–XIV вв.). Подробнее см. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/2098255.

[3] Ср. [Erhart (hl. red.): 241–242], где все цитаты на *православие*, *православьнъ* и *правословие* приведены из этого памятника.

(правильная) вера', а *православнъ чловѣкъ* — как 'последователь истинной (правильной) веры', в зависимости от того, какую веру говорящий считал правильной (безотносительно к православию как отдельному направлению в христианстве) [Moszyński 1990: 64].

Вероятно, доля истины в рассуждениях Мошинского есть. В частности, несомненно, что первоначально ὀρθοδοξία со всеми славянскими соответствиями не имело современного значения 'православие как ветвь христианства, противопоставленная католицизму', поскольку во время написания значительного количества греческих произведений, в которых употребляются эти лексемы, раскол Церквей (1054 г.) еще не произошел. Однако самый большой недостаток теории Л. Мошинского заключается в том, что в предложенной им схеме отсутствует наиболее распространенное в славянских памятниках до XV в. сочетание *правовѣрьная вѣра*.

В «Этимологическом словаре старославянского языка» [Erhart (hl. red.) 2004: 699–700] указывается, что вторая часть композита ὀρθόδοξος — многозначное сущ. δόξα — переводится то как *-вѣрие*, *-вѣрьство*, то как *-славие*; огласовка корня *-слов-* объясняется влиянием многочисленных композитов со второй частью *-словие* (типа *богословие*, *зълословие* и т. п.). Таким образом, авторы словаря выбирают гипотезу, обратную той, что выдвинул Л. Мошинский: не *-слав-* влияет на *-слов-* , а наоборот, т. е. предполагается, что форма *православие* первична по отношению к *правословие*.

Вспомнив основные теории происхождения слов *православие* и *православный*, обратимся к конкретному языковому материалу.

Правовѣрьныи и *православьныи*

Для передачи лексем, родственных ὀρθοδοξία, в переводных древнерусских памятниках обычно употребляются *правовѣрие*, *правовѣрьно*, *правовѣрьныи*. Также это наиболее распространенные варианты в непереводных источниках. По данным «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)» (далее — СДРЯ, [Крысько (ред.) 2004: 439–441]), *правовѣрие* отмечено в 64 контекстах (с конца XII по XV в.), *правовѣрьныи* — в 263 (начиная с Изборника 1076 г. до поздних памятников XV в.), *правовѣрьно* 'в соответствии с истинной, правой верой' — в 9 (XII — кон. XIV в.)[4], кроме того, есть один пример употребления лексемы *правовѣрьникъ* 'тот, кто исповедует истинную, правую веру'. Словарь И. И. Срезневского

[4] Словарь И. И. Срезневского первой цитатой приводит контекст из Октябрьской минеи 1096 г. [Срезневский 1902: 1349]. Словарь русского языка XI–XVII вв. (далее — СлРЯ XI–XVII вв., [Богатова (ред.) 1992: 117]) также удревняет датировку за счет цитаты из Синайского патерика XI в. Кроме того, оба словаря приводят дополнительно нар. *правовѣрнѣ* (с цитатой из Ноябрьской минеи 1097 г.).

[Срезневский 1902: 1349] иллюстрирует сущ. *правовѣрие* цитатами из Служебной ноябрьской минеи 1097 г., Путятиной минеи XI в., Студийского устава XII в. и др.

При этом на долю прил. *православьныи* приходится всего 14 цитат (первое значение ‘исповедающий истинную, правую веру’ иллюстрируется двумя примерами из Слов Григория Богослова кон. XIV в., второе — ‘основанный на правилах истинного вероучения’[5] — примерами из Хроники Георгия Амартола нач. XIV в., Киево-Печерского патерика 1406 г. и Палеи также 1406 г.). В Словаре русского языка XI–XVII вв. (далее — СлРЯ XI–XVII вв.) для слова *православьныи* как самая ранняя указывается цитата из Изборника 1076 г. вкупе с цитатами из Синайского патерика XI в. на значение ‘основанный на догматах истинного вероучения’[6] и Слов Григория Богослова XI в. на значение ‘исповедающий православие’ [Богатова (ред.) 1992: 119], что позволяет значительно удревнить датировку появления этого слова в древнерусском языке. Сводный словник древнерусских памятников для дополнения базы данных СлРЯ XI–XVII вв.[7] показывает, что *православьныи* дважды употребляется в Ноябрьской минее 1097 г. Существительного *православие* в СДРЯ (XI–XIV вв.) нет. По данным СлРЯ XI–XVII вв.[8] [Богатова (ред.) 1992: 118–119], оно появляется в Московской летописи кон. XV в., и далее цитаты приводятся исключительно из русских, непереводных источников[9]. Здесь же отмечены нар. *православнѣ* (с первой цитатой из Грамоты митр. Фотия 1419 г.) и *православно* (с единственной цитатой из Записи о поставлении патр. Иова 1589 г. по списку XVII в.) — оба зафиксированы только в непереводных памятниках [Богатова (ред.) 1992: 119]. В СДРЯ XI–XIV вв. единственное употребление нар. *православьнѣ* отмечено в сочинениях Григория Богослова кон. XIV в. (см. [Крысько (ред.) 2004: 441]). Таким образом, до XIV в. лексемы *православныи* и *православьнѣ* встречаются в древнерусских памятниках 19 раз.

---

[5] Значения совпадают со значениями прил. *правовѣрьныи*.

[6] Словарь И. И. Срезневского дает также цитаты из Слова о законе и благодати митр. Илариона (однако по сборнику 1414 г.) и Богословия св. Иоанна Дамаскина (до 1200 г.).

[7] URL: http://ruslang.ru:8080/slovnik/action/ (дата обращения: 10.02.2020).

[8] СлРЯ XI–XVII вв. по сравнению с СДРЯ (XI–XIV вв.) охватывает больший временной отрезок и более широкий круг источников, однако памятники для его картотеки были расписаны не полностью, а выборочно, т. е. даже по материалам картотеки нельзя судить о реальном количестве употреблений того ли иного слова или о времени его появления. Кроме того, в ранних томах словаря дается минимальное количество цитат.

[9] Однако И. И. Срезневский приводит более ранние примеры: ‘благочестие’ — в Послании митр. Фотия псковичам 1410–1417 гг., ‘православная вера, Грекороссийское вероисповедание’ — в Настольной грамоте патр. Константинопольского Антония митр. Фотию 1393 г. [Срезневский 1902: 1350].

Еще одно употребление прил. *православьныи* обнаружено нами в т. наз. Парижском стихираре — уникальном и весьма необычном памятнике XII–XIII вв. [Станчев 2005: 140; Турилов 2012: 158], написанном на полях древнегреческой рукописи сочинений Платона и представляющем, судя по всему, западноболгарскую рукописную традицию: *знаменасѧ на насъ свѣтъ лица твоего православныхъ лю(д)еи рогъ въздвигнѫвы* (л. 33 об., Крестовоздвижение, 14 сентября). В более поздних болгарских рукописях (XIII–XV вв.) прил. *православьныи* в этом месте сохраняется (в отличие от древнерусского стихираря Q.п. , 15, дающего чтение *правовѣрънымъ людьмъ*).

Правословьныи

В СДРЯ [Крысько (ред.) 2004: 442] находятся также сущ. *правословие* ‘истинная, правая вера’ с четырьмя примерами XII — кон. XIV вв.[10] и прил. *правословьныи* (также четыре употребления) с двумя значениями, аналогичными прил. *православьныи*, причем если примеры на второе значение взяты, как и в случае с *православьныи*, из Хроники Георгия Амартола нач. XIV в. и Палеи 1406 г., то примеры на первое значение значительно древнее: Ефремовская кормчая XII в. и Рязанская кормчая 1284 г. Составители СлРЯ XI–XVII вв. выделяют у *правословный* только одно значение — ‘основанный на догматах истинного вероучения’ — и к уже упомянутой выше цитате из Ефремовской кормчей добавляют более древнюю, из Путятиной минеи XI в. [Богатова (ред.) 1992: 120][11]. Общий словник древнерусских памятников для дополнения базы данных СлРЯ XI–XVII вв.[12] указывает, что в Паренесисе Ефрема Сирина XIII в. встречается однокоренной глагол *правословити*. Таким образом, количество употреблений лексем, входящих в гнездо сущ. *правословие*, в древнерусский период (до XIV в. включительно) достигает десяти.

По данным «Словаря старославянского языка», *православие*, *православьнъ* и *правословие* одновременно встречаются в Номоканоне Мефодия в составе Устюжской кормчей [Kurz (hl. red.): 241–242]. Также в глаголическом Синайском евхологии XI в. встречается сущ. *правословьць* [Kurz (hl. red.): 242].

---

[10] В СлРЯ XI–XVII вв. у сущ. *правословие* выделяется единственное значение ‘доказательство правоты’ [Богатова (гл. ред.) 1992: 119–120].

[11] Весьма похоже, что примеры взяты из «Материалов для словаря…» И. И. Срезневского [1902: 1351].

[12] URL: http://ruslang.ru:8080/slovnik/action/ (дата обращения: 10.02.2020).

Простославьныи

Наряду с прил. *правовѣрьныи* и *православьныи* в памятниках хоть редко, но встречается *простославьныи* с аналогичным значением, являющееся переводом того же греч. прил. ὀρθόδοξος. В словарях старославянского языка это слово не отмечено, однако в СДРЯ XI–XIV вв. оно зафиксировано в 11 примерах (девять в Ефремовской кормчей[13] и два в Хронике Георгия Амартола). Кроме того, существуют два однокоренных слова: *простославие* (четыре фиксации: три в Ефремовской кормчей и одна в Хронике Георгия Амартола) и нар. *простославьнѣ* (одно употребление в Ефремовской кормчей) [Крысько (гл. ред.) 2012: 186–187]. СлРЯ XI–XVII вв. в целом демонстрирует схожую картину, но к прил. *простославный* добавляет два примера из Правил XIII в. и Стихираря XII в.[14] [Богатова (гл. ред.) 1995: 236]. Словарь И. И. Срезневского фиксирует древнейшее употребление — в Путятиной минее XI в., повторяющееся затем в Минее XII в., — и цитату из Служебника Варлаама XII в. Благодаря изданиям памятников, появившимся после выхода в свет интересующих нас выпусков многотомных словарей, список можно пополнить. В Декабрьской минее XII–XIII вв. в тропаре 9 песни канона свт. Николаю Мирликийскому отмечено еще одно (пятое) употребление сущ. *простославие*: *Цр҃квь добрѣ оутвердивъ оуправилъ еси простославьемь, оутвердивъ стадо свое, ст҃лю прп*ᵈ*бне* [Rothe, Vereščagin (hrsg.) 1996: 459]. А в Ильиной книге — гимнографическом сборнике XI в. — появляется сущ. *простославьць*: *съвъкѫплѧѥши же радъ богатьно простославьцемъ ликованиѥ съвоузомь дх҃овьнымь* — τῶν ὀρθοδόξων τὰς χορείας (л. 44 об., канон свт. Иоанну Златоусту, 13 ноября) [Крысько (изд.) 2005: 214]. Таким образом, композит *простославьныи* можно отнести к древнейшему периоду развития славянской письменности, и количество употреблений его и родственных ему слов до XIV в. включительно соотносимо с гнездом прил. *православьныи* и даже незначительно больше: 24 примера.

Происхождение этого слова достаточно прозрачно. Как перевод второй части композита *православьныи* (*-слав-* вместо *-вѣр*) объясняют двумя значениями греч. δόξα, так и вариант *прост-* вместо *прав-* зависит от выбора значения греч. ὀρθός: ‘прямой’ или ‘истинный’. Ср. первое, т. е. основное, значение прил. *простыи* ‘прямой’ [Крысько (гл. ред.) 2012: 200], ‘стоящий прямо, прямой’ [Богатова (гл. ред.) 1995: 233][15]. Таким образом,

[13] Ефремовская кормчая — самая древняя из русских кормчих (XII в.). В ней содержится «древнеболгарский номоканон» (X в.).

[14] От себя добавим, что та же стихира с прил. *простославьныи* встречается и в Декабрьской минее XII–XIII вв. [Rothe, Vereščagin (hrsg.) 1996: 470].

[15] В СлРЯ XI–XVII вв. заголовочная форма *простой*.

если появлением слова *православьныи* мы обязаны одной переводческой ошибке (выбору неправильного значения при переводе одного из корней)[16], то *простославьныи* возникло в результате сразу двух неверных переводческих решений.

Правыи

Кроме того, стоит обратиться к простейшему образованию, с помощью которого передается греч. ὀρθόδοξος: *правыи*. Согласно версии Л. Мошинского, такой перевод возник в кирилло-мефодиевский период, поскольку св. Мефодий при переводах текстов руководствовался смыслом, а не буквой и не стремился к калькированию композитов. В качестве примера автор указывает, что сам Мефодий в переводах использовал фразеологизм *правая вѣра* и *правое вѣрование*, например в произведениях Григория Великого (лат. *recta fide — правы(м) вѣрованиѥм*). Для сравнения приводится также пример из Супрасльской рукописи (ὀρθῇ πίστει — *правѣ вѣрѣ*) [Moszyński 1990: 58]. Однако эти примеры нельзя считать показательными, поскольку для перевода простого греческого и латинского слова используется такое же простое славянское. Согласно «Словарю старославянского языка» [Kurz (hl. red.) 2006: 243], *правая вѣра* и *правое вѣрование* в соотв. с греч. ὀρθόδοξος πίστις отмечены только в Супрасльской рукописи[17]. В СДРЯ (XI–XIV вв.) под значением ‘истинный’ приводится цитата из Лобковского пролога 1282 г. (а также контексты без параллельного греческого из Новгородской летописи ок. 1330 г. и Юрьевского пролога XIV в. — в сочетании *правое учение*) [Крысько (гл. ред.) 2004: 444–445]. В [Богатова (гл. ред.) 1995: 122] четвертое значение слова *правый* — ‘настоящий, подлинный, истинный’ — имеет оттенок ‘согласный с православным вероучением’, проиллюстрированный непереводными цитатами XVI–XVII вв., а также устойчивое словосочетание *правая вѣра* ‘истинная вера, православие’ с одной цитатой из Изборника Святослава 1076 г.[18] (однако с греческой параллелью διὰ τῆς ὀρθῆς πίστεως) и поздней непереводной цитатой XVI в. Эти иллюстрации для нашего исследования непоказательны, поскольку нас интересует соответствие *правая вѣра* — ὀρθόδοξος πίστις.

---

[16] Если принять эту версию, а не гипотезу Л. Мошинского.

[17] Супрасльская рукопись представляет собой сборник житий святых и гомилий (проповедей) на март. Она была написана кириллицей в Северо-Восточной Болгарии в середине XI в. Бóльшая часть рукописи восходит к тексту X в., к преславской школе письменности.

[18] В [Срезневский 1902: 1353] наиболее ранняя цитата — из Изборника Святослава 1073 г.

Датировку употребления в русских памятниках *правый* (ὀρθόδοξος) можно удревнить по сравнению с цитатами, приведенными в словарях. Перевод τῆς ὀρθοδόξου πίστεως как *правыя вѣры* [*лозу насадилъ ѥси*] (л. 135, стихира вмч. Георгию Победоносцу, 23 апреля) встретился один раз в Стихираре БАН 34.7.6 XII в. В других древнерусских стихирарях этого периода данная стихира отсутствует. Дважды аналогичный перевод встречается в Софийском прологе XII/XIII вв. (на день памяти VII Вселенского собора 11 октября: *ти* [отцы VII Вселенского собора] *тако заповѣдаша и правоую вѣроу написаниѥмь оутвердивъше кождо въ свою еп(с)пью поущенъ бывъ* (л. 20г), — и в заголовке дня 11 февраля: *памѧ(т) феѡдоры ц(с)рцѣ створивъшии правоую вѣроу* (л. 145а)) [Крысько (ред.) 2010: 198, 744]. При этом считается, что перевод византийского Синаксаря (у славян — Пролога) был сделан коллективом переводчиков из южных и восточных славян предположительно в кон. XI или нач. XII в. [Прокопенко 2011: 680]. Таким образом, маловероятно, что перевод ὀρθόδοξος πίστις как *правая вѣра* можно объяснить здесь кирилло-мефодиевской традицией. Возможно, это стремление избежать тавтологии, хотя, учитывая частотность сочетания *правовѣрьная вѣра*, это объяснение выглядит весьма натянутым.

Подводя итог, можно сказать, что все перечисленные варианты перевода для греч. ὀρθόδοξος — *правыи*, *правовѣрьныи*, *православьныи*, *правословьныи* и *простославьныи* — имеют весьма давнюю традицию бытования в древнерусском языке и появились не позже XI–XII вв. Относительно происхождения лексем *православие* и *православьныи* представляется, что объяснение, связанное с ошибочным выбором значения второго элемента композита — δόξα, — более продуктивно. Аргументом в пользу этого служит существование прил. *простославьныи*, представляющего собой результат двух аналогичных ошибок. *Правословие* обязано своим появлением аналогии со словами типа *богословие*, *зълословие*, *прѣкословие*. До XV в. количество употреблений *православьныи* и *простославьныи* весьма мало и по количеству употреблений практически равнозначно с незначительным превосходством *простославьного*. Примеров с прил. *правословьныи* еще меньше, а самым редким соответствием для греч. ὀρθόδοξος является простое прил. *правыи*. Основными лексемами для перевода греч. ὀρθόδοξος и ὀρθοδοξία и передачи значений ‘основанный на правилах истинного вероучения’, ‘исповедающий истинную, правую веру’ и ‘истинная, правая вера’ в это время являются *правовѣрьныи* и *правовѣрие*. В ранних переводных памятниках эти термины не связаны с православием как ветвью христианства, появившейся после раскола Церкви в 1054 г., а обозначают общее понятие ‘истинная, правая вера’.

Литература

Богатова Г.А. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVI вв. Вып. 18. М.: Наука, 1992. 288 с.; Вып. 20. М.: Наука, 1995. 288 с.

Крысько В. Б. (гл. ред.). Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. VII. М.: Русский язык, 2004. 505 с.; Т. IX. М.: Русский язык, 2012. 480 с.

Крысько В. Б. (изд.). Ильина книга. Рукопись РГАДА. Тип. 131. Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В. Б. Крысько. М.: Индрик, 2005. 904 с.

Крысько В. Б. (ред.). Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. I. Текст и комментарии / Изд. подгот. Л. В. Прокопенко, В. Желязкова, В. Б. Крысько, О. П. Шевчук, И. М. Ладыженский. М.: Азбуковник, 2010. 824 с.

Прокопенко Л. В. Характеристика перевода Синаксаря (по данным за сентябрь-февраль) // Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. II. Словоуказатели и исследования. М.: Азбуковник, 2011. С. 665–689.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. II. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1902. 1802 стб.

Станчев К. К начальной истории одного типа служебной минеи у славян // Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung. Bonn, 7–10. Juni 2005. Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh, 2007. S. 135–149.

Турилов А. А. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М.: Знак, 2012. 808 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. Т. 3. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М.: Наука, 1977. 336 с.

Цейтлин Р. М., Вечерка Р., Благова Э. (ред.). Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес и др. М.: Русский язык, 1994. 842 с.

Щепкин В. Н. Русская палеография. М.: Наука, 1967. 225 с.

Brückner A. Słownik etimologiczny języka polskiego. Przedruk z pierwszego wydania (Kraków 1927). Warszawa: Wiedza powszechna, 1985. 670 s.

Erhart A. (hl. red.). Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Seš. 12. Praha: Academia, 2004. 751 p.

Kurz J. (hl. red.). Словарь старославянского языка [Slovník jazyka staroslověnského]. В 4 т. Репринт с издания Чешской Академии наук (1966–1997). Т. 3. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 680 с.

Moszyński L. Historia przymiotnika *prawoslawny* w języku polskim // Slavia Orientalis, t. XXXIX, no. 1–2, 1990. S. 47–64.

Rothe H., Vereščagin E. M. (hrsg.). Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften der Rus' des 12. und 13. Jahrhunderts. T. 1. Oppladen; Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 1996.

Thomson F. J. Towards a typology of errors in Slavonic translations // Christianity among the Slavs. The heritage of Saints Cyril and Methodius. Acts of the International Congress held on the eleventh centenary of the death of St. Methodius. Rome, October 8–13, 1985 (Orientalia Christiana Analecta 231). Roma, Pont. Institutum Studiorum Orientalium, 1988, pp. 351–380.

References

Bogatova G. A. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Vol. 18. Moscow, Nauka Publ., 1992. 288 p.; Vol. 20. Moscow, Nauka Publ., 1995. 288 p.

Brückner A. *Słownik etimologiczny języka polskiego* [Etimological dictionary of the Polish language]. Reprinted from the first edition (Krakow 1927). Warszawa, Wiedza Powszechna Publ., 1985. 670 p.

Erhart A. (ch. ed.). *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* [Etymological dictionary of Old Slavonic language]. Issue 12. Prague, Academia Publ., 2004. 751 p.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Transl. from germ. and add. by O. N. Trubachev. 2nd ed. Vol. 3. Moscow, Progress Publ., 1987. 832 p.

Krys'ko V. B. (ch. ed.). *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of the Old Russian language (11th–14th c.)]. Vol. VII. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 2004. 505 p.; Vol. IX. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 2012. 480 p.

Krys'ko V. B. (ed.). Il'ina kniga. Rukopis' RGADA, Tip. 131 [Ilyin's book. Manuscript RGADA, Tip. 131]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 904 p.

Krys'ko V. B. (ed.). *Slavyano-russkii Prolog po drevneishim spiskam. Sinaksar' (zhitiinaya chast' Prologa kratkoi redaktsii) za sentyabr'-fevral'. T. I. Tekst i kommentarii* [Slavic-Russian Prologue according to ancient lists. Sinaksar (hagiographic part of the Prologue of the short edition) for September-February. Vol. I. Text and comments]. Eds. L. V. Prokopenko, V. Zhelyazkova, V. B. Krys'ko, O. P. Shevchuk, I. M. Ladyzhenskii. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010. 824 p.

Kurz J. (ch. ed.). *Slovar' staroslavyanskogo yazyka* [Old Slavonic dictionary]. In 4 vols. Reprint from the publication of the Czech Academy of Sciences (1966–1997). Vol. 3. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State Univer. Publ., 2006. 680 p.

Moszyński L. [The history of the adjective *prawoslawny* in Polish language]. *Slavia Orientalis*. Vol. XXXIX, no. 1–2, 1990, pp. 47–64. (In Pol.)

Prokopenko L. V. [Characteristics of the Sinaxar translation (according to September-February]. *Slavyano-russkii Prolog po drevneishim spiskam. Sinaksar' (zhitiinaya chast' Prologa*

kratkoi redaktsii) za sentyabr'-fevral'. T. II. Slovoukazateli I issledovaniya [Slavic-Russian Prolog according to the oldest lists. Sinaksar (short part of the Prolog short edition) for September-February. Vol. II. Word indexes and studies]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011, pp. 665–689. (In Russ.)

Rothe H., Vereščagin E. M. (eds.). *Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften der Rus' des 12. und 13. Jahrhunderts* [Church service menaion for December according to the Slavic manuscripts of Rus' of the 12th and 13th c.]. Vol. 1. Oppladen, Wiesbaden, Westdeutscher Verlag, 1996.

Shchepkin V. N. *Russkaya paleografiya* [Russian paleography]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 225 p.

Sreznevskii I. I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments]. Vol. II. SPb: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1902. 1802 col.

Stanchev K. [On the initial history of a type of service minea among the Slavs]. *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung. Bonn, 7–10. Juni 2005* [Liturgical hymns according to the Byzantine rite of the slaves in ancient times. Proceed. of an international conference. Bonn, 7–10. June 2005]. Paderborn, Verlag Ferdinand Schöningh, 2007, pp. 135–149. (In Russ.)

Thomson F. J. Towards a typology of errors in Slavonic translations. *Christianity among the Slavs. The heritage of Saints Cyril and Methodius.* Acts of the International Congress held on the eleventh centenary of the death of St. Methodius. Rome, October 8–13, 1985 (Orientalia Christiana Analecta 231). Roma, Pont. Institutum Studiorum Orientalium Publ., 1988, pp. 351–380. (In Eng.)

Tseitlin R. M., Vecherka R., Blagova E. (eds.). *Staroslavyanskii slovar' (po rukopisyam X–XI vekov)* [Old Slavonic dictionary (according to manuscripts of the 10th–11th c.)]. Authors E. Blagova, R. M. Tseitlin, S. Gerodes and others. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1994. 842 p.

Tseitlin R. M. *Leksika staroslavyanskogo yazyka. Opyt analiza motivirovannykh slov po dannym drevnebolgarskikh rukopisei X–XI vv.* [Vocabulary of the Old Slavonic language. Experience in the analysis of motivated words according to ancient Bulgarian manuscripts of the 10th–11th c.]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 336 p.

Turilov A. A. *Mezhslavyanskie kul'turnye svyazi epokhi Srednevekov'ya i istochnikovedenie istorii i kul'tury slavyan: Etyudy i kharakteristiki* [Inter-Slavic cultural relations of the Middle Ages and source studies of the history and culture of the Slavs: Studies and characteristics]. Moscow, Znak Publ., 2012. 808 p.

Русская речь
Russian Speech

№ 04 | 2020
С. / Pp. 93–104

Язык художественной литературы

Метафоры повседневной речи в зеркале современной русской художественной прозы

Наталья Анатольевна Николина, Московский педагогический государственный университет (Россия, Москва), ruskafedra314@gmail.com
Зоя Юрьевна Петрова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва), zoyap@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170010740-3

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются метафоры повседневной речи, представленные в текстах современной русской прозы. В качестве материала исследования используются художественные тексты последних лет, привлекаются ресурсы Национального корпуса русского языка (НКРЯ, ruscorpora.ru). Отмечается, что в них активно употребляются разговорные, просторечные и жаргонные метафоры, отражающие различные ситуации бытового общения. Метафоры повседневной речи преимущественно используются в повествовании от первого лица, а также в диалогах персонажей. Показано, что в современной прозе представлены разные семантические группы метафор, при этом наиболее активны метафоры-зоонимы, метафоры, источником которых является кулинарная лексика, флористические метафоры. В современных художественных текстах используются метафоры различной частеречной принадлежности (субстантивные, глагольные, адъективные). Они обнаруживают развитые семантические и деривационные связи, значимые для текста. С одной стороны, в современных прозаических текстах используются метафоры, которые имеют длительную традицию употребления; с другой стороны, наблюдается обновление состава метафор, в частности за счет обращения к компьютерным терминам. Рассматриваемые метафоры выполняют в современных художественных

текстах различные функции: характерологическую, эмоционально-экспрессивную, оценочную, в ряде случаев интертекстуальную. В современной прозе преобладают метафоры, выражающие отрицательную оценку лица или предмета. Многие из них носят стилистически сниженный характер.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метафора, современная русская проза, повседневная речь, жаргон, оценка, характерологическая функция, семантические группы метафор

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Николина Н. А., Петрова З. Ю. Метафоры повседневной речи в зеркале современной русской художественной прозы // Русская речь. 2020. № 4. С. 93–104. DOI: 10.31857/S013161170010740-3.

БЛАГОДАРНОСТИ: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 19-512-23004 «Метафорическая картина мира современной русской и венгерской прозы конца XX — начала XXI в. (сопоставительный анализ)».

The Language of Fiction

Metaphors of Everyday Speech in Modern Russian Prose

Natalia A. Nikolina, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow), ruskafedra314@gmail.com
Zoya Yu. Petrova, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences) (Russia, Moscow), zoyap@mail.ru

ABSTRACT: The article discusses metaphors of everyday speech presented in modern Russian prose. The paper uses literary texts of recent years and the resources of the Russian National Corpus as the material of the study. It is noted that prose writers actively use colloquial, vernacular and slang metaphors that reflect various situations of everyday communication. The metaphors of everyday speech are mainly used in first-person narration, as well as in the dialogs of characters. The article shows that there are different semantic groups of metaphors in modern prose. The most frequent of

them are zoonymic, cooking and floristic metaphors. Modern literary texts contain metaphors of different parts of speech (nouns, verbs, adjectives). They demonstrate developed semantic and derivational relationships that are significant for the text. On the one hand, modern prose writers use metaphors that have a long tradition of use; on the other hand, renewal of metaphoric types is observed, in particular, due to the use of computer terms. The considered metaphors perform various functions in modern literary texts: characterological, emotionally expressive, evaluative, in some cases, intertextual. In modern prose, one can observe prevalence of metaphors expressing negative evaluation of people or objects. Many of them are stylistically low.

KEYWORDS: metaphor, modern Russian prose, everyday speech, slang, evaluation, characterological function, semantic groups of metaphors

FOR CITATION: Nikolina N. A., Petrova Z. Yu. Metaphors of Everyday Speech in Modern Russian Prose. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 4. Pp. 93–104. DOI: 10.31857/S013161170010740-3.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research, project 19-512-23004 "Metaphorical World Image in Modern Russian and Hungarian Prose of the Late XX — Early XXI century (comparative analysis)".

Художественный текст отражает процессы, происходящие в живой повседневной речи[1], служит ее зеркалом и подвергает ее лексические и грамматические средства стилизации. Для современной художественной прозы характерно интенсивное использование метафор обыденной речи, которые обычно служат для образной характеризации и оценки лиц, предметов, явлений. В текстах активно употребляются разговорные, просторечные и жаргонные метафоры, присущие повседневной речи, при этом границы между ними подвижны и размыты. В современной художественной речи отражаются различные коммуникативные ситуации, в которых воспроизводятся определенные типы метафор. В современных прозаических текстах регулярно употребляются метафоры молодежного

[1] Понятие «повседневная речь» близко понятию «разговорная речь», однако шире его: в повседневной речи используются не только средства разговорной речи, но и жаргонизмы, профессионализмы и др.

жаргона (который активно пополняется арготизмами), армейского жаргона, компьютерного жаргона, просторечия, разговорной речи:

Пацаны явно ***припухли*** *от моей наглости, потому что не могли* ***врубиться, мозги*** *я* ***отстудил*** *или такой дерзкий*; ***Махаться*** *ведь совсем не хотел* (Ш. Идиатуллин. Город Брежнев); *А ты вообще* ***увянь****, Митрофанова* (А. Иванов. Географ глобус пропил); *Тебя* ***бомбит****, что ли, на тему пазликов <…>?* (Ю. Линде. Литеродура) — молодежный жаргон;

Ты вот знаешь, кто такой ***КАРАСЬ****? — рассказывал охранник Гимнюк Вадиму в курилке, блестя глазами после приятия внутрь двухсот грамм на торжественном общеконторском банкете по случаю семилетия REXа. —* ***КАРАСЬ*** *на флоте — это то же самое, что ДУХ в армии. Рядовой первого года службы, втоптал? Вот я, например, мичман* (А. Гаррос, А. Евдокимов. [Голово]ломка) — армейский жаргон;

Обложили, бежать из дома, но тут же обнаруживалось, что ему все же хотелось увидеть… Мотю — только в ***апгрейд-версии*** (М. Кучерская. Тетя Мотя) — компьютерный жаргон;

Вместе с риелтором Оксаной — смуглой косоглазой ***кобылой*** *с мускулистыми ножищами — я около месяца искал подходящую квартиру на рынке вторичного жилья* (Ю. Буйда. Стален); *Пособил бы, здоровый* ***жеребец****!* (А. Бушковский. Рымба) — просторечие;

Знаю, что малодушная ***овца****,* ***курица недощипанная****, именно за это меня не уважает никто* (Ю. Линде. Литеродура) — разговорная речь.

Значительная часть метафор носит устойчивый характер и давно употребляется в русских художественных текстах. Это в первую очередь зоонимические метафоры *курица*, *овца*, *крыса*, *кобыла*, *корова*, *мышь* и др., например: *Врачиха забралась последней. “Кого эта* ***мышь*** *может вывести?” — спросил он себя* (С. Самсонов. Держаться за землю) — ср.: *…этот ретортный человек… сам себя, со всем своим усиленным сознанием, добросовестно считает за* ***мышь****, а не за человека. Пусть это и усиленно сознающая* ***мышь****, но все-таки* ***мышь****…* (Достоевский. Записки из подполья); *Эй,* ***крыса****! — радостно закричала Женя <…> — Будешь там сидеть, поняла!* (А. Иванов. Пищеблок) — ср.: *Успеешь,* ***крыса****, выселиться из корабля! — думал Петр Степанович* (Достоевский. Бесы).

Метафоры повседневной речи преимущественно используются в современной прозе в повествовании от первого лица, в сказе, в несобственно-авторском повествовании, в диалогах разных типов. Так, например, в романе Шамиля Идиатуллина «Город Брежнев» в повествовании от лица подростка последовательно употребляются просторечные метафоры и метафоры молодежного жаргона: *Сани не было дома —* ***мотался*** *где-то с кем-то, видимо; Чувак на секундочку* ***отлип*** *от дырки*. Эти метафоры характеризуют и персонажа, и окружающую его среду. По мнению критиков,

Идиатуллин выступает «своеобразным хроникером описываемых событий. Вместе с тем автору удается показать непростые отношения времени, вписав в них изображение мира подростка» [Колядич 2019: 26].

В современной прозе среди субстантивных метафор представлены разные семантические группы, среди которых наиболее активны:

1. Метафоры-зоонимы, которые характеризуются различной степенью устойчивости в повседневной речи:

а) обозначения зверей: ***Кор-ровы*** *безрогие! — злобно прорычал Градусов девицам* (А. Иванов. Географ глобус пропил); *Он через стену живет с вами и ко всему принюхивается.* ***Крыса*** (Е. Долгопят. Квартира); *— Что ж вы его в забое так подставили? Ведь видели, что* ***ежик*** *совсем* (С. Самсонов. Держаться за землю);

б) обозначения птиц: *Как в стенке дырки вертеть, чтоб за сестрой подглядывать, так ему мозгов хватает, а как помочь толком —* ***баклан*** *в компоте* (П. Акимов. Плата за страх); *Этот не был похож на его клиента, хотя оценить волосатость мешала кроличья шапка. Лохмы из-под нее не торчали, но щеки были округлые и без прыщей, а пушок над губой еле заметным. Значит, и впрямь* ***щегол*** *совсем. Куда же ты залетел,* ***щегол****? И главное — зачем?*; *И в лагере всегда просил Петровича поставить Высоцкого. А он,* ***удод****, Ротару с Леонтьевым ставил. Пока Серый не вмешался, спасибо ему, засранцу* (Ш. Идиатуллин. Город Брежнев);

в) обозначения рыб: *— Попался,* ***хариус****! — в затылок Валерке злорадно выдохнул Бекля* (А. Иванов. Пищеблок);

г) обозначения насекомых: <…> — строго спросил он. — ***Клоп****, отвечай — кто тут нарисован? Она шмыгнула, втягивая соплю, и сказала: — Обака…* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы); *Фархадов задохнулся. — Ты же…* ***клоп****,* ***тля****. Жалкий клерчишка! Нищий* (С. Данилюк. Бизнес-класс).

2. Кулинарная лексика[2]: *— Вы чё, эту* ***карамельку*** *выбрали, да?! — в ярости издалека закричала Жанна* [о девочке]; *Сама там себе солируй! — издеваясь, кричала в дверь Жанка. —* <…> ***Ливерная колбаса****!* (А. Иванов. Пищеблок); *Был он* [Эдди] *мастером по прическам, довольно умелым, хотя и без особой фантазии. Жовиальный* ***пончик*** *такой — хохмач, балагур, заводной заяц: седовато-каштановый кок надо лбом, усы щеточкой — очень нравился пожилым леди и так приятно улыбался из-под щеточки усов* (Д. Рубина. Бабий ветер); *— Нет, уж ты постарайся, — потребовал Аркин, чувствуя на другом конце злую улыбку.* ***Пельмень*** *ты уральский!* ***Селедка*** *ты в простокваше! Кто ж тебя надоумил народ облагодетельствовать?!* (Д. Симонова.

[2] Кулинарные метафоры, распространенные в обыденной речи, широко представлены в Словаре русской пищевой метафоры, см. [Юрина (ред.) 2015].

Без Россини); — *Ты* ***кисель****! — сказала мне моя единственная садиковская подружка* <…> *— Больше защищать не буду* (Ю. Линде. Литеродура).

3. Обозначения растений: *Неоспоримо твое ролевое превосходство. Ты претерпеваешь в незаслуженном небрежении, а я — ничтожество,* ***бамбук****, несостоятельный мужчина* (М. Бутов. Свобода); *И ты становишься лохом в законе, бакланом, фраером,* ***ботвой****, с тобой могут сделать все, что угодно* (С. Осипов. Страсти по Фоме. Книга третья. Книга Перемен); *И взрослый ведь парень, и башка вроде варит, а такой* ***лопух****…* (Ш. Идиатуллин. Город Брежнев); *В дверном проеме появилась его крайне недовольная* ***репа*** (Т. Сахарова. Добрая фея с острыми зубками); *Второй журналист, одутловатый* ***одуванчик****, уже наполовину выбритый ветром перемен, думает длинную и сложную мысль* (В. Пелевин. Любовь к трем цукербринам); — *Советую, — делая ударение на «у», — прошептала мне вслед, кажется, полька Марыся, такой себе* ***одуванчик*** *с васильковыми глазами, постоянно хлопающими* (К. Сурикова. Аутсайдерский романчик).

По нашим наблюдениям, доминирует группа метафор-зоонимов, следующие две по частоте употребления группы метафор — кулинарные и флористические метафоры. Эти выводы частично соответствуют наблюдениям исследователей образных средств разговорной речи. Так, в книге «Русская разговорная речь» [1983: 197] в качестве групп лексики, обнаруживающих наиболее высокую способность к метафоризации, отмечаются названия животных и кулинарная лексика. В диссертации Д. И. Яхиной «Образные средства в современной русской разговорной речи (на материале метафор и сравнений)» как наиболее частотные отмечаются зооморфные и флористические метафоры [Яхина 2007: 10].

В художественных текстах встречаются, хотя и реже, и субстантивные метафоры других семантических групп, например «Машины, механизмы»: *Ну а любовь наша —* ***ракета космическая*** (А. Бушковский. Рымба).

В современной прозе, как и в литературе более раннего времени, продолжают использоваться метафоры, представленные именами собственными, которые могут переходить в апеллятивы, состав их постоянно обновляется: *Но если захочешь увесистый трехтомник священных рецептов моей семьи, готовься к бурной переписке: на твою голову рухнет кулинарная* ***Ниагара*** (Д. Рубина. Бабий ветер); *Открыл казино со стриптизом на комсомольские взносы. Так и жил — во сыру да масле, а пива было — сплошная* ***ниагара****…* (А. Иличевский. Бутылка); *Николаю позвонил грузный сосед. Сообщил, что новая жиличка дымит, курит — “****Вулкан Везувий****. Я утром на кухню боюсь войти”* (Е. Долгопят. Квартира); — *Это я ему наркоту доставала, — в темноте негромко сказала Кабуча. — Не всегда я, но чаще всего. Поначалу по карпалю носила, чуть-чуть, когда Гурвич сам просил. А потом*

попёр ***Карабах****, Гурвич на мощный дозняк уехал* (А. Иванов. Комьюнити). Эти имена, как правило, носят прецедентный характер: — *Ну, разумеется, — кивнула девушка и улыбнулась ему такой улыбкой, по которой совершенно нельзя было решить — сочувствует она ему или нет. Это была улыбка* ***Джоконды****, по знакомству устроившейся в инвестиционный фонд* (А. Геласимов. Дом на Озерной); *Буду так же загадочно улыбаться и молчать.* ***Джоконда*** *нашлась!* (В. Ледерман. Первокурсница).

Ряд метафор обыденной речи, используемых в современной прозе, выполняет интертекстуальную функцию, например: *Как правило, если совсем про человека ничего непонятно, то человек этот self-made. Сам себе* ***папа Карло****, сам себя вытесал из природного материала* (Е. Колина. Профессорская дочка); *Ты станешь дедом. Старший Хазин онемел. Илья помнил все, что он Пете про залет у* ***золушек*** *рассказывал* (Д. Глуховский. Текст).

Метафоры повседневной речи, встречающиеся в художественных текстах, различаются по степени узуальности. Среди них широко распространены общеязыковые, часто уже стертые метафоры (*лопух*, *овца*, *курица*, *козел* и др.). В то же время используются и метафоры, характеризующиеся меньшей степенью узуальности и, следовательно, большей яркостью, например: *Сколько живешь, столько убеждаешься. И потом, ну не мог ничего криминального сделать этот сладкоголосый* ***скунс****, прости меня, Ваня. А что, кстати, могло произойти? Сбил кого-нибудь?* (М. Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая); *Я думала, что ты эгоистичная плакса, а ты… Не ожидала от нежной* ***ромашки*** *такой стойкости* (Е. Колина. Я не ангел).

Субстантивные метафоры подчеркнуто экспрессивны и служат средством выражения субъективной оценки, при этом их семантика и функции могут варьироваться. Так, например, метафора *курица* может служить шутливо-ироническим обозначением глупой, слабой женщины, может использоваться как ругательство. В современной прозе она регулярно служит средством характеристики другого персонажа или самохарактеристики: ***Курица*** *безмозглая. Отдельная жилплощадь ей требуется* (Е. Долгопят. Чужая жизнь); *В выражениях, которые даже шофер слышал не каждый день своей жизни, она объявила, что никто никуда не едет <…> — Где эта п…головая* ***курица****? Кого она хотела обмануть?* (Л. Улицкая. Пиковая дама); *Да что вы, Антон! Я слабая и безвольная* ***курица****. И рыдать мне совершенно не хочется* (А. Маринина. Последний рассвет). Метафора *курица* может обозначать даже мужчину: *При одном взгляде на меня его перекашивало. Пару дней он ограничивался тем, что обзывал меня придурком и обгаженной* ***курицей****, потом чуть не сломал мне нос якобы за то, что я сидел на его носках* (М. Петросян. Дом, в котором…).

Метафоры отмеченных групп регулярно сочетаются с оценочными распространителями, которые уточняют образную характеристику, многие из таких сочетаний имеют более или менее устойчивый характер: *мокрая курица*, *мороженая* (*отмороженная*) *курица*, ср. в прозе XIX в.: *Все они теперь у меня такие, даже эта* ***мокрая курица****, Александра, но эта уж из рук вон выскочила* (Достоевский. Идиот); *Коли б настоящий был человек — прибил бы меня, а то —* ***курица мокрая****!* (Тургенев. Клара Милич).

Такие сочетания входят в состав и сравнительных конструкций: *Понимал, что, если она уезжает якобы в командировку на два дня, значит, едет на аборт. Она приезжала бледная до синевы, осунувшаяся, выпотрошенная, как* ***магазинная курица*** (М. Трауб. Замочная скважина); *Давай, кадет, шевелись, что ты как* ***курица отмороженная****? По тестам должен быть шустрым!* (В. Васильев. Шуруп).

Высокая степень экспрессивности субстантивных метафор определяет возможность усиления, даже преувеличения обозначаемого признака. По мнению О. П. Ермаковой, метафоры, характеризующие человека, взаимодействуют с гиперболой: «Фактически все метафоры, представляющие собой перенос названий на человека (с животного, птицы, насекомого и т. п., неодушевленного предмета и т. д.) — гиперболичны» [Ермакова 2019: 81].

Для употребления метафор повседневной речи в современной прозе характерна семантическая аттракция: для образной характеристики лица или реалии используются не только ядерные метафоры, но и слова, связанные с ними сильной семантической связью, например *петух — бройлер*: *Хлопая друг друга по спинам, оба вскочили. Сейчас эти два* ***бройлера*** *подерутся, подумал Олег* (Юрий Дружников. Виза в позавчера).

В современных художественных текстах актуализируются и деривационные связи метафор повседневной речи, прежде всего метафор-зоонимов: *…я там одного с магом накрыл, фирменным, стырил явно,* ***щень*** *какой-то, а он вот этого привел. Я не ожидал, главное, а этот… — Стой-стой. Ну да, вроде* ***кабанчик*** *такой, а сразу не скажешь. Давай я отойду, наверное, оперов встречать, а потом оформлять… Миш, стоп. <…> — Где остальные? — Разбежались, — сказал первый. — Их тут человек пятнадцать было, я соваться сам не стал — забили бы,* ***шакалята****, поэтому сразу до автомата и в штаб позвонил, они пэгээм вызвали. Там товарищ Савченко с ними, участковый, они по подъездам пошли, вдруг найдется кто* (Ш. Идиатуллин. Город Брежнев); *— Мог бы не говорить, — обиделся Зайцев. — Что я,* ***крысятник*** *какой-то? Через несколько минут он вернулся с пивом, в пригоршне сжимая розовые палочки и сдачу. Торжественно, как если бы это были золотые монеты, выложил мелочь на стол* (Е. Сухов. Делу

конец — сроку начало); — *В общем, ты мыслишь… в верном направлении. Я в свое время… Лизке идею подкинула… У меня серьезные подозрения имелись… Что кто-то из старост… как сказала бы моя Маша…* ***крысятничает****… то бишь… утаивает найденные Книги. У каждой фактически была… собственная агентурная сеть, шпионы, добытчики… боевики, теоретики, курьеры, смертники…* (М. Елизаров. Библиотекарь); — *Я в горах не коз пас, а козлов, — спокойно ответил Гусейн. — А если ты* ***быковать*** *приехал, так я тебе кольцо в нос продену, реально говорю. — Как ты сказал? — наморщился неизвестный и расстегнул пиджак, под левой полой которого что-то бугрилось* (В. Пелевин. Generation «П»).

Наряду с отмеченными дериватами встречаются окказиональные жаргонные и просторечные образования, например нестандартные производные мужского рода, возникшие в результате обратного словообразования: *Их было четверо, беспризорников, которым уязвленное при даме достоинство Вади обязывало бросить вызов. В свете уличных фонарей ранним зимним вечером, в оттепель, загребая и поскальзываясь в свежем мокром снеге, они быстро шли по Малой Грузинской, озорно оборачивались, и старший, который был рослее и говорливее остальных, поддразнивал Вадю: — Давай, давай,* ***обезьян****. Догони, попробуй. Наваляем, не подъешь* (А. Иличевский. Матисс).

В современной прозе активно используются не только субстантивные, но и глагольные и адъективные метафоры: *Уж не мент ли я поганый? Понимая, что нужно как-то эту проблему решать, а то чем черт не шутит, могут и* ***замочить****, пришлось попросить Серегу всем объявить, что я недавно зашился* (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова); *Смотрела по телевизору репортаж из Кремля. Парни мои сегодня* ***зажигали*** (Е. Водолазкин. Авиатор); ***Отпахал*** *учебную неделю*; *Любочка, ты чего* ***зависла****?* (Ш. Идиатуллин. Город Брежнев); *Дядя Жлыг широко повел рукой, словно приводя в качестве последнего довода панораму окружающего мира. Аргумент был, конечно,* ***железобетонный*** (В. Пелевин. S.N.U.F.F).

Метафорам повседневной речи, как и самой этой речи, присущи подвижность и быстрое обновление. Как уже отмечалось, часть метафор, используемых в современной прозе, развивают традиционные образные параллели, одновременно в ней появляются метафоры новых семантических классов, в частности благодаря употреблению компьютерной лексики и лексики, связанной с гаджетами, например: В *этом конвейерном группенсервисе, обслуживая и подвергаясь обслуживанию, вымениваяя не вещь на вещь, не товар на деньги, не деньги на силу, а — услуги на услуги, ты и сам лакируешься, штукатуришься, ретушируешься, подвергаешься* ***апгрейду****, — и быстро и незаметно усредняешься в презентабельную*

евростандартную евронедвижимость (А. Гаррос, А. Евдокимов. [Голово] ломка); *Глеб сидел на заднем диване «форда» и с отсутствующим видом глядел в окно. Что он мог поделать? Для звонка с айфона бог был вне зоны доступа, а на молитву Глеб особенно-то не уповал: какая-то она была не та… Господи еси, всеблагой наш* ***модератор****! Да будет бесконечен твой* ***трафик****, да расточится* ***спам****, да обрящешь ты* ***контент*** *до скончания веков!* ***Активируй*** *наши* ***SIM-карты*** *и не укори нас за* ***софт*** *насущный! Мы неразумные твои* ***гаджеты****, возлюби наши* ***опции*** *и избавь нас от* ***троянов****, и пускай воплотится воля твоя в* ***Enter****, а не в* ***Delete****!* (А. Иванов. Комьюнити).

Метафоры повседневной речи в современной прозе часто сопровождаются метаязыковой рефлексией: *«****Морковки****» (так за цвет жилетов называют дворников уборщицы нашего дома) красят заградительные тумбы…* (Н. Ким. Родина моя, автозавод); *Еще они путешествовали автостопом и на* ***собаках****.* ***Собаками*** *назывались электрички, их рок-фанаты предпочитали поездам* (Ю. Линде. Литеродура); *— Олег! Я знаю, что ты должен сделать. Ты должен пойти в милицию и заявить на твоих бандитов. Их арестуют, и ты станешь свободным как птица. — Какая птица, мамаша… — весело отозвался Олег. У него было хорошее настроение. — Фильтруйте* ***базар****. — Что? — не поняла Ирина. — Думай, что говоришь, — перевела Снежана на русский язык. — А почему* ***базар****? —* ***Базар*** *— это противоречия. — А на каком языке? — На блатном, — объяснила Аля. — Боже… — испугалась Ирина. Шестилетняя Аля разбирается в блатном жаргоне. Что из нее вырастет? — Если я их сдам, — объяснил Олег, — то они придут и* ***завалят*** *всю мою семью. — Завалят? — переспросила Ирина. — Это что, изнасилуют? — Убьют, — уточнила Снежана. — Кого? — похолодела Ирина. — Всех, — весело заключил Олег. — Придут и* ***замочат****. Что такое «****замочат****», Ирина поняла без объяснений. Ясно, что* ***замочат*** *в крови* (В. Токарева. Своя правда).

Итак, наблюдения над метафорами современной художественной прозы подтверждают выводы исследователей о характере употребления метафор в русской разговорной речи и отборе определенных семантических групп [Русская разговорная речь 1983: 197–199, Яхина 2007: 10]. Как и в разговорной речи, в современной художественной речи преобладают зоонимические метафоры, пищевые метафоры, несколько реже встречаются растительные метафоры. Метафоры, встречающиеся в современной художественной речи, разнообразны по частеречной принадлежности и словообразовательной структуре. Они обнаруживают развитые семантические и деривационные связи, которые актуализируются в тексте.

В современных художественных текстах метафоры характеризуют разные планы повествования, но чаще встречаются в диалогах персона-

жей и в повествовании от первого лица. Они выполняют разнообразные функции: характерологическую, эмоционально-экспрессивную, оценочную, иногда интертекстуальную. Преобладают метафоры с пейоративной оценочной семантикой, часто метафоры-инвективы. С одной стороны, в современной художественной речи используются метафоры, имеющие длительную традицию употребления, с другой стороны, они обновляются за счет обозначений реалий современной действительности, в частности компьютерных терминов.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://ruscorpora.ru

Буйда Ю. Сталeн. М.: Издательство «Э», 2017. 432 с.

Бушковский А. Рымба. М.: Издательство АСТ, 2019. 350 с.

Водолазкин Е. Авиатор. М.: Издательство АСТ, 2019. 410 с.

Глуховский Д. Текст. М.: Издательство АСТ, 2017. 330 с.

Долгопят Е. Квартира // Дружба народов. 2018. № 2. С. 165–181.

Долгопят Е. Чужая жизнь (рассказы). М.: Издательство АСТ, 2019. 384 с.

Иванов А. Географ глобус пропил. М.: Издательство АСТ, 2014. 448 с.

Иванов А. Пищеблок. М.: Издательство АСТ, 2018. 413 с.

Идиатуллин Ш. Город Брежнев. СПб.: Азбука, 2017. 698 с.

Ким Н. Родина моя, автозавод. М.: Время, 2018. 224 с.

Колина Е. Профессорская дочка. М.: Издательство АСТ, 2008. 320 с.

Колина Е. Я не ангел. М.: Издательство АСТ, 2020. 288 с.

Ледерман В. Первокурсница. М.: КомпасГид, 2020. 256 с.

Линде Ю. Литеродура. М.: Детская литература, 2019. 152 с.

Рубина Д. Бабий ветер. М.: Эксмо-Пресс, 2018. 352 с.

Самсонов С. Держаться за землю. СПб.-М.: Пальмира, 2019. 576 с.

Литература

Ермакова О. П. Некоторые размышления о гиперболе и тропах // Семантика и прагматика языковых единиц. Доклады Международной конференции. Калужский гос. ун-т им. К. Э. Циолковского. Калуга, 20–22 сентября 2019 г. С. 76–87.

Колядич Т. М. Современная национальная русскоязычная литература в литературном контексте XXI века (на примере творчества русскоязычных писателей Республики Татарстан) // Наука и школа. 2019. № 3. С. 23–30.

Никитина Т. Г. Молодежный сленг: толковый словарь. М.: Астрель: АСТ, 2007. 910 с.

Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. 238 с.

Юрина Е. А. (ред.). Словарь русской пищевой метафоры. Том 1: Блюда и продукты питания / сост. А. В. Боровкова, М. В. Грекова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2015. 428 с.

Яхина Д. И. Образные средства в современной русской разговорной речи (на материале метафор и сравнений): автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2007. 22 с.

References

Ermakova O. P. [Some thoughts on hyperbole and tropes]. *Semantika I pragmatika yazykovykh edinits. Doklady mezhdunarodnoi konferentsii. Kaluzhskii gos. un-t im. K. E. Tsiolkovskogo, 20–22 sentyabrya 2019 g.* [Semantics and pragmatics of language units. Papers presented at the International Conference. Tsiolkovsky Kaluga State Univ., September 20–22, 2019]. Kaluga, 2019, pp. 76–87. (In Russ.).

Kolyadich T. M. [Modern national literature in the Russian language in the 21-century literary context (case study of the works of Russian-speaking writers of the Republic of Tatarstan)]. *Nauka i shkola*. 2019, no. 3, pp. 23–30. (In Russ.).

Nikitina T. G. *Molodezhnyi sleng: tolkovyi slovar'* [Youth slang: Explanatory dictionary]. Moscow: Astrel': AST, 2007. 910 p.

Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest [Russian colloquial language. Phonetics. Morphology. Gesticulation]. Moscow: Nauka, 1983. 238 p.

Yakhina D. I. *Obraznye sredstva v sovremennoi russkoi razgovornoi rechi (na materiale metafor i sravnenii): avtoref. dis. … kand. filol. nauk* [Figurative means of the modern Russian colloquial language (based on the material of metaphors and similes): author's abstract of the cand. diss.]. Saratov, 2007. 22 p.

Yurina E. A. (ed.). *Slovar' russkoi pishchevoi metafory. Tom 1: Blyuda i produkty pitaniya* [Dictionary of the Russian food metaphor. Vol. 1: Dishes and food products]. A. V. Borovkova, M. V. Grekova, N. A. Zhivago, E. A. Yurina (comp.); Tomsk: Tomsk Univ. Publ., 2015. 428 p.

Русская речь
Russian Speech

№ 04 | 2020
С. / Pp. 105–110

Книжные новинки

Рецензия на «Словарь языка русской поэзии XX века». Том VIII: Смола — Толщь[1]

Патроева Наталья Викторовна, Петрозаводский государственный университет (Россия, Петрозаводск), nvpatr@list.ru

DOI: 10.31857/S013161170010741-4

АННОТАЦИЯ: Восьмой том «Словаря языка русской поэзии XX века» содержит более 3500 словарных статей. Статьи включают в себя стихотворные строки из источников словаря — произведений десяти выдающихся поэтов Серебряного века: И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой. В статьях примеры из этих авторов хронологически упорядочены; они дают возможность судить и о ритмике окружения заглавного слова, и о «приращениях смысла» в нем самом, и об истории слова в поэтическом языке эпохи. Все строки-контексты сопровождаются цифрами; в условной статье соответственно: Анн909, Ахм912, АБ914, Ес915, Куз916, ОМ918, П921, Хл921, Цв935. В необходимых случаях к заглавным формам статей и контекстам даются пометы и другие комментарии. Словарь демонстрирует разнообразие и выразительность языка поэзии и «художественную память» его слов. Обогащая наш эстетический кругозор, словарь помогает освежить в памяти давно знакомые читателям строки и обдумать их связи с множеством менее известных. Словарь адресован филологам — лингвистам и литературоведам, культурологам, а также широкому кругу любителей русской поэзии.

[1] Словарь языка русской поэзии XX века. Том VIII: Смола — Толщь / Сост.: Л. Л. Шестакова (отв. ред.), А. С. Кулева (ред.), А. В. Гик. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 992 с. — (Studia philologica).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поэтический словарь, лексический уровень художественного текста, авторский словарь, образ, троп
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Патроева Н. В. Рецензия на «Словарь языка русской поэзии XX века. Том VIII: Смола — Толщь» // Русская речь. 2020. № 4. С. 105–110. DOI: 10.31857/S013161170010741-4.

Book News

Review: "Dictionary of the Language of the Twentieth Century Russian Poetry". Volume VIII: Smola — Tolsch

Natalya V. Patroeva, Petrozavodsk State University (Russia, Petrozavodsk), nvpatr@list.ru

ABSTRACT: The eighth volume of the "Dictionary of the Language of the Twentieth Century Russian Poetry" contains over 3,500 entries. The entries include poetic lines from the sources of the Dictionary — the works of ten prominent poets of the Silver Age: I. Annensky, A. Akhmatova, A. Blok, S. Yesenin, M. Kuzmin, O. Mandelstam, V. Mayakovsky, B. Pasternak, V. Khlebnikov, M. Tsvetaeva. The lines are chronologically ordered and make it possible to understand both the rhythm of the surroundings of the head word, and the "increments of meaning" in the word itself as well as the history of the word in the poetic language of the era. All context lines are followed by numbers: Ann909, Ahm912, AB914, Es915, Kuz916, OM918, P921, Chl921, Tsv935. In some cases, headlines and contexts are supplemented with labels and other comments. The dictionary demonstrates diversity and expressiveness of the poetic language and the "artistic memory" of its words. Enriching our aesthetic horizons, the dictionary helps to clarify the meaning of the famous lines and to think about their connection with many less well-known

ones. The dictionary is addressed to philologists — linguists and literary critics, cultural scientists, as well as a wide circle of Russian poetry lovers.
KEYWORDS: poetry dictionary, lexical level of literary text, author's dictionary, image, tropes
FOR CITATION: Patroeva N. V. Review: "Dictionary of the Language of the Twentieth Century Russian Poetry". Volume VIII: Smola — Tolsch. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 4. Pp. 105–110. DOI: 10.31857/S013161170010741-4.

«Словарь языка русской поэзии XX века» — результат масштабного проекта, который на протяжении ряда лет реализуется научными сотрудниками отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва) при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Выход в свет теперь широко известного в России и за ее рубежами лексикографического издания сразу же стал значительным событием культурной жизни начала 2000-х годов. Главной задачей словаря стало создание «сопоставительной эстетики авангарда» [Григорьев 2000: 739], и эту идею выдающегося исследователя модернистской поэтики В. П. Григорьева лексикографический коллектив, возглавляемый ответственным редактором Л. Л. Шестаковой, по-прежнему считает руководством к действию.

Словарь знакомит читателей с ассоциативно-образным потенциалом лексического уровня поэтического текста и системно представляет фонд слов и устойчивых выражений, используемых поэтами Серебряного века, чье творчество явилось вершиной эпохи русского авангарда: И. Анненским, А. Ахматовой, А. Блоком, С. Есениным, М. Кузминым, О. Мандельштамом, В. Маяковским, Б. Пастернаком, В. Хлебниковым, М. Цветаевой. Составители словаря продолжают традиции лингвопоэтического анализа «самовитого» поэтического слова, его экспрессивного потенциала, заложенные В. П. Григорьевым, автором идеи рецензируемого издания: «словарь вводит в сферу науки бесценный материал, обогащая языковую базу для различных исследований, и прежде всего для описания литературного языка XX в., для создания истории языка русской поэзии, для исследования принципов поэтики различных литературных направлений и школ» [Поцепня 2006: 109], как отмечала, приветствуя издание первых

двух томов поэтического словаря, Д. М. Поцепня. Истории бытования слов и их «художественная память», «приращения смысла», новые добавочные «обертоны» (в терминах Б. А. Ларина [Ларин 1974: 34, 100]), традиции словоупотребления и «необычные сочетания» [Винокур 1991: 30] — все это может извлечь пользователь словаря из вокабулы, несмотря на то, что хронологически расположенные цитаты не сопровождаются толкованием контекстуальных значений внутри словарной статьи. Вокабулы демонстрируют жизнь «экспрессем» — слов, ставших фактом, иногда доминантой поэтических систем и стоящих за ними индивидуально-авторских картин мира.

К несомненным достоинствам рецензируемого издания можно отнести не только широкий охват разнообразных в тематическом отношении текстов, но и удачную рубрикацию вокабул, продуманную систему условных обозначений, что позволяет пользоваться словарем самому широкому кругу читателей. Открывающий восьмой том раздел «Как пользоваться словарем» рассказывает о структуре вокабулы, особенностях размещения иллюстраций-контекстов, омонимов, вариантов слова, имен собственных, составных наименований (например, имен числительных). Удобство для пользователей словаря создает обособленное от основной формы прилагательного, наречия или инфинитива размещение степеней сравнения, причастий, деепричастий. Построение статьи четко разграничивает зону значений (сведения энциклопедического или лингвистического характера: грамматические и стилистические пометы, этимологические сведения, краткие толкования — обычно при лексических единицах, отсутствующих в общедоступных словарях, — и др.), зону комментариев (необходимых пояснений к контекстам) и зону шифров.

Материалы статей основной части словаря дают самый широкий простор не только для интерпретации семантики слова, но и для «грамматики поэзии» (морфологических и синтаксических свойств экспрессемы), синтагматики, выявления межтекстуальных связей и ассоциативных перекличек, в которых раскрывает свой функциональный потенциал слово, анализа метро-, ритмо- и рифмообразования. Так, контекст «в сто тысяч солнц закат пылал» демонстрирует расширение в лирике В. Маяковского парадигматических и валентностных возможностей слова-образа *солнце*: лексема получает свойственную терминологическому (физическому) дискурсу форму множественного числа в процессе формирования гиперболы. Вокабулы *сокрыть*, *сокрыться*, *толкнуть* свидетельствуют, напротив, о сужении морфологического ряда глаголов, которые употребляются только в формах прошедшего времени или императива (так что перед создателями словаря, как представляется читателю, иногда вставала проблема грамматического оформления вокабулы).

Словарь дает представление об использовании слова в заглавиях (например, лексема *суд* участвует в таких заглавных номинациях, как «Страшный Суд» (Кузмин) или «Перед судом» (Блок), и пр.).

Объем вокабул — незаменимый помощник в поиске стилевых доминант поэзии русского авангарда на фоне предшествующих и последующих литературных направлений, течений, школ. Так, вполне ожидаемо, что статья к вокабуле *сон* составляет двадцать страниц, а статьи *солнце* и *снег* — по тридцать, эти слова имеют огромные ассоциативно-семантические поля. С другой стороны, единичные контексты подчеркивают идиостилевые экспрессемы, например *судебник* (только у В. Хлебникова), *тапер* (Пастернак), *Танюша* (Есенин), а также выявляют неологию, окказиональное мировосприятие (*снегово*, *снеговеть*, *снежноок* и пр.).

Особый интерес для исследователей представляют материалы словарных статей, посвященных местоимениям, местоименным наречиям (*там*, например, играет важную роль в организации хронотопа лирики Серебряного века и категории «неопределенности», свойство «неоднозначности» [Перцов 2000: 55–82] художественного текста, судя по количеству контекстов, включающих данную вокабулу), а также служебным словам, играющим особую роль в организации лирической коммуникации. Внушает уважение читателю та скрупулезность, с которой составители поэтического словаря отнеслись к подаче и хронологически выверенному размещению контекстов. Многостраничные вокабулы предоставляют исследователям «грамматики поэзии» ценнейший материал, который необходим с точки зрения структурного, семантического и коммуникативного аспектов анализа поэтического текста.

В течение последних десятилетий писательская лексикография превратилась в мощное научное направление, разнообразие современных авторских словарей не может не впечатлять [Шестакова 2011]. В этой веренице новейших изданий «Словарь языка русской поэзии XX века» занимает особую нишу как сводный, убеждающий в безграничных возможностях художественного текста, расширяющий горизонты филологического поиска, впечатляющий объемом проделанной научным коллективом работы. С огромным нетерпением ждем появления завершающих издание томов.

Литература

Винокур Г. О. О языке художественной литературы. М.: Высшая школа, 1991. 448 с.

Григорьев В. П. К поэтике и эстетике авангарда // Григорьев В. П. Будетлянин. М.: Языки славянской культуры, 2000. 737–740 с.

Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Л.: Художественная литература, 1974. 285 с.

Перцов Н. В. О неоднозначности в поэтическом языке // Вопросы языкознания. 2000. № 3. С. 55–82.

Поцепня Д. М. «Словарь языка русской поэзии XX века» и история поэтического языка // Словоупотребление и стиль писателя. Вып. 3: Межвуз. сб. / Под ред. Д. М. Поцепни. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 109–118.

Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.

References

Grigor'ev V. P. [To the poetics and aesthetics of the avant-garde]. Budetlyanin. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2000. pp. 737–740. (In Russ.)

Larin B. A. Estetika slova i yazyk pisatelya [Aesthetics of the word and language of the writer]. Leningrad, Khudozestvennaya Literatura, 1974. 285 p.

Pertsov N. V. [About ambiguity in poetic language]. Voprosy Yazykoznaniya, 2000, no. 3, pp. 55–82 (In Russ.)

Potsepnya D. M. ["Dictionary of the language of Russian poetry of the twentieth century" and the history of poetic language]. Slovoupotreblenie i stil' pisatelya. Vypusk 3: Mezhvuzovskij sbornik [Word usage and style of the writer. Vol. 3: Interuniversity collection] / Ed. D. M. Potsepnya, Sankt-Petersburg, Publishing House of St. Petersburg University, 2006, pp. 109–118. (In Russ.)

Shestakova L. L. Russkaya avtorskaya leksikografiya: Teoriya, istoriya, sovremennost' [Russian author's lexicography: Theory, history, modernity]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2011. 464 p.

Vinokur G. O. O yazyke khudozhestvennoi literatury [On the language of fiction]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1991. 448 p.

Русская речь
Russian Speech

№ 04 | 2020
С. / Pp. 111–123

Наука в лицах

Мой Панов: к 100-летию со дня рождения

Александр Анатольевич Соколянский, Северо-Восточный государственный университет (Россия, Магадан), sokol_2001@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170010742-5

АННОТАЦИЯ: В статье представлены воспоминания о великом лингвисте Михаиле Викторовиче Панове (1920–2001). Личное здесь на первом плане, отсюда в названии слово *мой*. В разговорах М. В. Панов явно избегал некоторых тем, которые обычно касались его не всегда простых отношений с другими людьми. Иногда его оценки, на мой взгляд, были избыточно категоричными, но он не допускал их обсуждения. Приводимые здесь воспоминания могут пригодиться будущим биографам М. В. Панова. Уже сейчас появляются работы, в которых пытаются осмыслить место М. В. Панова в филологическом пространстве второй половины XX в.

Данные заметки также не могут претендовать на полноценный и всесторонний анализ научных воззрений М. В. Панова. Несколько полнее изложены его фонологические взгляды, в других случаях работы только упомянуты и дана их общая характеристика. Надеюсь, что читателя заинтересует личность М. В. Панова, а знакомство с его работами станет естественным продолжением чтения этой статьи.

Такие ученые, как М. В. Панов, принадлежат вечности, поэтому у нас еще есть время осмыслить его научное наследие.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Панов, Виноградов, фонология, фонема, фонетика, диалектология, синтагматика, парадигматика

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Соколянский А. А. Мой Панов: к 100-летию со дня рождения // Русская речь. 2020. № 4. С. 111–123. DOI: 10.31857/S013161170010742-5.

Science and Persons

My Panov: on the Occasion of the 100th Birthday

Alexander A. Sokolyansky, North-Eastern State University (Russia, Magadan),
sokol_2001@mail.ru

ANNOTATION: The article consists of the memories of the brilliant linguist Mikhail Viktorovich Panov (1920–2001). The personal aspect is more important here; hence there is a pronoun "my" in the name of the article. In conversations, M. V. Panov avoided some topics that usually concerned his not always simple relations with other people. Sometimes his assessments, in my opinion, were excessively categorical, but he did not allow their questioning. The recollections given here may be useful to future biographers of M. V. Panov. Now there are works in which they are trying to comprehend the place of M. V. Panov in the philological space of the second half of the 20th century.

These notes also cannot claim to be a complete and comprehensive analysis of the scientific views of M. V. Panov. His phonological views are presented somewhat more thoroughly; in other cases, the works are mentioned briefly, and only their general characteristics are given. I hope that the reader will be interested in the personality of M. V. Panov, and familiarity with his work will be a natural continuation of the reading of this article.

Scientists such as M. V. Panov belong to eternity, so we still have time to study his scientific heritage.

KEYWORDS: Panov, Vinogradov, phonology, phoneme, phonetics, dialectology, syntagmatic, paradigmatics

FOR CITATION: Sokolyansky A. A. My Panov: on the Occasion of the 100th Birthday. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 4. Pp. 111–123. DOI: 10.31857/S013161170010742-5.

Великий русский лингвист Михаил Викторович Панов родился 21 сентября 1920 года в семье московских интеллигентов. Отец был военнослужащим. После революции 1917 года он продолжил службу уже в Красной армии. Будучи верующим человеком, Виктор Васильевич Панов отказался вступать в коммунистическую партию и был вынужден уйти в отставку; после этого он занимался переводом технической литературы. Мама, Вера Алексеевна, была художником. М. В. Панов ее бесконечно любил, но, кажется, к ее картинам относился сдержанно.

Удивительно, но два моих учителя — Михаил Викторович Панов и Владимир Константинович Журавлев — учились в одной московской школе, расположенной где-то за «Детским миром». У них были общие учителя. Спасибо им за таких воспитанников!

По окончании школы М. В. Панову повезло, так как представилась возможность получить высшее образование. Отбор в вузы до определенного времени осуществлялся по классовому признаку: приоритет имели дети рабочих и крестьян. Квота на детей интеллигентов была чрезвычайно мала. После принятия конституции в 1936 г. открылся доступ к высшему образованию и детям из семей интеллигентов. На филологическом факультете надо было сдавать 6 вступительных экзаменов, в том числе и географию. М. В. Панов вспоминал, как один из экзаменаторов, выпучив глаза, закричал, задавая ему вопрос: «Где [д]екан?» Очевидно, вопрошавший предполагал, что абитуриент Миша начнет искать в аудитории *декана*. Однако наименование этой должности было малоизвестно Мише, поэтому он спокойно указал на Деканское плоскогорье на территории Индии. Понятно, что на экзамене по географии стены аудитории были украшены многочисленными картами. Миша Панов стал студентом Московского городского педагогического института (с 1946 г. имени В. П. Потемкина — советского политического деятеля).

Лингвистические взгляды и пристрастия Михаила Викторовича хорошо известны, но людям хочется знать, что думал великий человек о предметах, не входящих в круг его научных интересов. Так получалось, но очень часто мои разговоры с Михаилом Викторовичем от филологии обращались к другим темам. Есть подозрение, что М. В. Панов скромно оценивал мои лингвистические возможности, поэтому мог позволить говорить с молодым человеком из далекого Магадана ни о чем, то есть о политике.

Попытаюсь вспомнить некоторые фрагменты наших бесед. Многие рассказы М. В. Панова, мною слышанные, вошли в различные публикации.

Одна из них была посвящена 80-летию М. В. Панова, другая его памяти [Кузьмина (ред.) 2001, Каленчук, Земская (ред.) 2007], поэтому я их воспроизводить не буду, хотя часть этих рассказов я запомнил в несколько иной редакции.

Очень часто наши беседы были посвящены эпохе Сталина. Я спросил как-то: «Как люди воспринимали судебные процессы 30-х годов?» Его ответ тогда удивил меня: «Саша, мы живем в обществе несообщающихся сосудов. Каждый может сказать только о себе самом. Тогда было опасно делиться своими мыслями, поэтому я не могу сказать, что на самом деле думали окружающие, но многие откровенно радовались этим процессам».

В продолжение темы несообщающихся сосудов был приведен такой пример. В период «ждановщины» (понятно, что уже после войны) Михаил Викторович был дружен с одной семьей. У них уже была взрослая дочь. Почему-то память мне подсказывает, что это была какая-то музыкальная семья, но возможно, что я ошибаюсь. Михаил Викторович довольно откровенно обсуждал с родителями политику в области культуры. Судя по всему, Жданову (а возможно, не только ему) крепко доставалось. Однажды Михаил Викторович приходит к своим знакомым и в присутствии дочери с порога: «А вы слышали, какую очередную глупость сморозил Жданов?» Ответом были испуганные глаза отца и дочери. Дочь: «Михаил Викторович, это вы о ком так, об Андрее Александровиче?» В это время отец делал знаки, чтобы Михаил Викторович прекратил разговор. Позже выяснилось, что дочь ничего не знала о весьма критическом отношении родителей ко многим проявлениям советской власти. Михаил Викторович резюмировал: «Даже со своей взрослой дочерью отец не мог поделиться своими мыслями, вот в каком закрытом обществе мы жили. Несообщающиеся сосуды».

Окончание учебы совпало с началом войны, о которой М. В. Пановым написаны очень глубокие стихи. На мой взгляд, его верлибры представляют собой яркое явление в русской поэзии. О стихах надо писать или много или ничего, поэтому ограничусь указанием на то, что при жизни М. В. Панов издал только один сборник — «Тишина. Снег» (1998), посмертно вышла книга стихов «Олени навстречу» (2001) [Панов 1998; Панов 2001]. Надеюсь, что редакция «Русской речи» найдет возможность опубликовать стихи М. В. Панова на своих страницах.

После войны М. В. Панов работал в школе, где учились только одни девочки. В это время советская власть экспериментировала с раздельным обучением. Вскоре эксперимент отменили.

Из «школьных» воспоминаний приведу только два. Вместе с М. В. Пановым работала заслуженная учительница русского языка. В силу

«заслуженности» на ее уроках часто присутствовали учителя других школ, не оставляло своим вниманием и начальство. Один раз М. В. Панов застает ее в учительской перед одним из открытых уроков, она пьет валерьянку и говорит: «Миша, сейчас иду на урок и буду рассказывать детям, что Блок — поэт кабаков». Свободная мысль в школу не допускалась. Не дай нам Бог дожить до таких времен!

Работая с талантливыми девчушками, М. В. Панов старался сформировать их поэтический вкус и знакомил своих подопечных с творчеством поэтов, которые, как и Блок, не были запрещены, но их изучение в школе не предусматривалось. Со своими ученицами он провел поэтические вечера, посвященные творчеству К. Н. Батюшкова и Е. А. Баратынского. «Добрые люди» сообщили куда следует. В школе появилась руководящая дама от образования, заняла кабинет директора школы, который после выселения из привычного помещения нервно ходил по коридору, не зная, куда приткнуться. Начинающий учитель Панов был приглашен «на ковер». Его попытки объяснить, что Батюшков и Баратынский не относятся к запрещенным поэтам, были решительно пресечены. Оказывается, дама готовилась к разговору. Проявляя недюжинную эрудицию, она сказала, что в школе эти поэты не изучаются, а в учебнике для вузов о них написано очень мало и мелким шрифтом. Уничтожила она М. В. Панова убийственным во всех смыслах вопросом: «А ваши ученики изучили все песни Исаковского?» На таком уровне Михаил Викторович вести полемику не мог. При этом М. В. Панов вполне миролюбиво относился к песням М. В. Исаковского, но он боролся за то, чтобы учитель имел право на свободу эстетического выбора.

Отрицательно относясь к Сталину как к политику и мыслителю, М. В. Панов, тем не менее, обнаруживал в его работах идеи, за которые тиран удостаивался одобрения. Характеризуя работу Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», М. В. Панов хвалил *большого ученого, в языкознании познавшего толк*, за то, что тот сумел возвыситься над делением общественных явлений на базис и надстройку и определил язык как специфическое общественное явление, не относящееся ни к базису, ни к надстройке.

Именно от М. В. Панова я узнал, что до какого-то времени диалектический закон Гегеля «отрицание отрицания» не рассматривался в курсах философии. Михаил Викторович по-детски радовался его «реабилитации».

После защиты кандидатской диссертации в 1952 г. «Заударный вокализм русского литературного языка» М. В. Панов работал в учебном заведении, которое ранее сам и закончил, — в Московском городском педагогическом институте имени В. П. Потемкина. В научных сборниках

этого института он опубликовал несколько очень интересных работ. Его исследования были замечены. В. В. Виноградов пригласил его работать в Институте русского языка. Предложение было принято. В 1958 г. М. В. Панов становится сотрудником Института русского языка (который сегодня носит имя Виктора Владимировича Виноградова). Возглавив в 1963 г. сектор современного русского языка, М. В. Панов создает дружный коллектив, который азартно (хочется употребить именно это слово) начинает изучать состояние русского литературного языка на современном этапе его развития. Коллектив старается зафиксировать именно те изменения, которые происходят в языке здесь и сейчас. В результате появляются монографии и статьи, которые вошли в золотой фонд русистики. До сих пор исследователи пользуются наблюдениями группы М. В. Панова.

Из воспоминаний о том времени. Директору института В. В. Виноградову, в силу занимаемой им должности, приходилось писать много юбилейно-протокольных работ, в основном литературоведческого характера. В беседе с кем-то из сотрудников М. В. Панов иронически отозвался об очередной работе директора института. Было сказано что-то вроде: «Наш-то снова разродился очередным творением». И вновь мир оказался не без «добрых людей». На одного из любимых сотрудников директора института, каким был М. В. Панов, донесли. В. В. Виноградов пригласил к себе «виновного» и без лишних вступлений спросил: «Как Вы относитесь к моим работам по поэтике?» В ответ М. В. Панов вполне искренне дал высокую оценку работам В. В. Виноградова, было сказано, что сам М. В. Панов учился на этих работах и что они уже давно стали классическими. При этом говорящий в тот момент, волнуясь, даже не заметил, что в качестве образцовых называет ранние работы В. В. Виноградова. М. В. Панов был отпущен. Через несколько дней В. В. Виноградов в разговоре с Е. А. Земской, усмехнувшись, сказал: «Панову не нравятся мои последние работы».

— Очевидно, — резюмировал Михаил Викторович, — эти работы и ему не очень нравились.

Никаких последствий неосторожное высказывание М. В. Панова не имело.

В конце этого плодотворного периода М. В. Панов (в 1968 г.) в качестве докторской диссертации защищает свою монографию «Русская фонетика» [Панов 1967][1].

---

[1] В середине XX в. фонологи-москвичи разделились на два лагеря: одни настаивали на том, что фонема в языке только одна, другие исходили из того, что виды фонем в языке должны различаться по их функции.

Дело в том, что фонема — это многофункциональная единица. Она, с одной стороны, может различать смысловые единицы: слова *дам — дом — дым — дум* различаются фонемами /а — о — и — у/.

«Русская фонетика» М. В. Панова притягивала мня всю жизнь: в ней сказано очень многое, но в то же время остается ощущение какой-то научной недоговоренности. Сам Михаил Викторович, очевидно, чувствовал это. В своих поздних лекциях он говорил: «На самом деле у меня теория некрасивая, в смысле том, что она громоздкая. Я жду: придет кто-то, кто сделает какой-то следующий шаг, что-то извлечет из нее, то, что будет плодотворным. Приди, незнакомец! А может, я и сам сделаю шаг, пока я еще не умер» [Панов 2014: 114]. К сожалению, жизнь не предоставила М. В. Панову такой возможности.

Вскоре М. В. Панову пришлось сменить место работы.

Август 1968 года. Крушение многих надежд советской интеллигенции. Войска Варшавского договора входят в Чехословакию. Многие думающие люди протестуют. Восемь человек выходят на Красную площадь с протестом. Двое из них сотрудники Института русского языка, другие — филологи и гуманитарии, хорошо известные в институте. Михаил Викторович никогда не говорил об этих событиях, вошедших в историю как «*демонстрация семерых*» (одного из участников демонстрации удалось вывести из числа осужденных). В литературе этот протест описан относительно хорошо, но о том, что в это время происходило в Институте русского языка, известно мало. Мне удалось собрать отрывочные сведения. Буду благодарен тем, кто меня дополнит и поправит. Многие сотрудники практически открыто высказывались в поддержку своих товарищей, организовавших акцию протеста возле Лобного места. Новый директор института Федот Петрович Филин, сменивший В. В. Виноградова на его посту, был менее всего склонен идти на компромиссы с институтской вольницей. Начались разборки. Насколько мне известно, М. В. Панов не выступал открыто в поддержку манифестантов, но последовательно отстаивал интересы тех, кто подвергался травле в самом институте. Он справедливо полагал, что общественная позиция человека и его научные достижения суть разные вещи. Руководство его позицию не приняло, и в 1971 г. М. В. Панов был вынужден уйти из Института русского языка. Уход сопровождался исключением из партии, в которую М. В. Панов вступил, находясь на фронте.

Люди, которые поддержали его исключение из партии и в той или иной мере участвовали в травле, были вычеркнуты из его жизни. На следующий день после «итогового» партсобрания М. В. Панов работал в Ленинке (так называли тогда для краткости Государственную библиотеку СССР

С другой стороны, фонема отвечает за объединение морфем в одну единицу. Слова *дом — дома — домовой* произносятся как [дом — дама́ — дъмаво́и]. Эти слова содержат одинаковые корневые морфемы, которые звучат по-разному: *дом — дам — дъм*, но мы этих различий не воспринимаем, отождествляя данные морфемы. Это отождествление распространяется и на фонемы. Ряд чередующихся звуков представляет собой одну фонему: /*о*/ = *о́* // *а* // *ъ*.

им. В. И. Ленина, сейчас это — Российская государственная библиотека). Знакомая Михаила Викторовича, выступавшая накануне с осуждением его позиции, проходя мимо, сказала: «Здравствуй, Миша!» М. В. Панов, вскинув голову, ответил вопросом: «Разве мы с Вами знакомы?» Уже много лет спустя после этих событий я, не зная деталей истории, упоминал в разговорах эту женщину. М. В. Панов, не говоря о ней ничего плохого, всегда утверждал, что с нею не знаком. Эта женщина, напротив, упоминая в беседах М. В. Панова, не скрывала своего давнего знакомства (и всегда отзывалась о нем положительно).

К Михаилу Викторовичу Панову как к ученому и человеку приходили по-разному. Бóльшая часть последователей М. В. Панова — это те, кто был очарован его личностью педагога, собеседника, остроумного человека. Необычным путем пришел к нему я. Мой путь к нему был «заочным».

Для меня знакомство с Михаилом Викторовичем началось с того, что меня М. В. Пановым наказали. Правда, наказали не меня одного, а целую студенческую группу, в которой я учился. Всей группой мы не выполнили задания по фонетике. Преподавательница, осерчав, наказала нас тем, что заставила конспектировать раздел, посвященный истории развития фонетики и фонологии из знаменитой «Русской фонетики» (1967) Михаила Викторовича. Радости это не вызвало, но задание есть задание: еще раз сердить строгого преподавателя не хотелось. С интересом прочитав об истории фонетики, я обратился к началу книги. Не помню все мои ощущения, но было впечатление, что книга написана на иностранном языке. Было два пути: первый — объявить дураком себя, второй — считать, что автор как-то очень перемудрил в своей монографии. К счастью, я решительно пошел по первому пути, о чем до сих пор не пришлось жалеть. Для меня стало делом чести понять, что же пишет этот М. В. Панов. Читая его книгу 4–5 часов в день, я едва одолевал по 2–3 страницы. Понятое заносилось в конспект. Я испытывал эстетическое наслаждение от превращения непонятного в понимаемое. Похожее я испытал только при знакомстве с поэзией В. В. Маяковского, когда набор слов превращался в целое, в котором каждый элемент находился на месте, предназначенном только для него.

Наверное, несколько месяцев «Русская фонетика» была основным моим чтением. Столь же внимательно несколько позднее были прочитаны «Основы фонологии» Трубецкого. Эти две книги — «Русская фонетика» М. В. Панова [Панов 1967] и «Основы фонологии» Н. С. Трубецкого [Трубецкой 1960] — стали «вратами моей учености».

Мое личное знакомство с М. В. Пановым состоялось в 1980 г. сразу по окончании вуза. Это был год московской Олимпиады. В то время я занимался диалектологией. Моя выпускная работа была посвящена фонетике

старожильческого говора одного из поселков Магаданской области. Для того чтобы мой диплом отличался от аналогичных работ по сибирской диалектологии, я решил применить теорию М. В. Панова к материалу «моего» говора. Надо сказать, что тогда я не заметил принципиального разрыва между синтагмо- и парадигмо-фонемами, однако такие красивые слова, как *синтагматика* и *парадигматика*, меня заинтересовали. В одну из встреч я спросил М. В. Панова об их различиях. Ответ был удивительно простой, но я его помню до сих пор.

— Все, что хочется записать в строчку, — синтагматика, а то, что хочется записать в столбик, — парадигматика.

Действительно, *рублю дрова* хочется записать в строчку, а *рублю, рубишь, рубит* — в столбик, то есть так:

рублю
рубишь
рубит.

До сих пор я пользуюсь этим незамысловатым приемом.

Диплом был успешно защищен, но я понимал, что мне нужен тот единственный читатель, который вдохновлял меня все то время, пока я писал свою работу. Оказавшись в столице СССР, я стал искать возможности встретиться с М. В. Пановым. Тогда еще не было закона о защите персональных данных. Поэтому мне легко было в справочном бюро получить адрес и телефон Михаила Викторовича.

Звоню. Объясняю, что написал «свою» русскую фонетику, но на диалектном материале. Наверное, это походило на то, как если бы кто-то позвонил Льву Николаевичу Толстому и сказал, что тоже написал «Войну и мир», но на материале чукотско-корякских войн XVIII в. Не знаю, как бы на это отреагировал великий писатель, но великий лингвист ответил, что всегда интересовался диалектологией, но специальных работ в этой области у него нет, поэтому он рекомендует мне обратиться в Институт русского языка, в сектор диалектологии.

Несколько разочарованный, но с надеждой на то, что найду иной повод для знакомства, на следующий день я отправился по адресу Волхонка, 18. Институт встретил меня пустыми коридорами и вахтером, которая объяснила мне, что сегодня «неприсутственный» день. Я вырос в «нормальной» врачебной семье и не догадывался, что есть места, где на работу можно приходить только два раза в неделю. Это не в упрек кому-либо сказано, просто оно так было. Обрадованный, я побежал к ближайшему телефону-автомату (еще тому, за две копейки) и сообщил Михаилу Викторовичу полным радости голосом, что в институте какой-то не такой день, поэтому никого нет. Слово «присутственный» я с первого раза не запомнил. Не знаю, что в тот момент думал Михаил Викторович. Наверное, решил, что

дипломную работу я писал и защищал, не слезая с оленя. С того самого, который потом «навстречу». Врожденная интеллигентность взяла верх, и Михаил Викторович не стал мне советовать дожидаться присутственного дня. Он спросил: есть у меня пропуск в Ленинку? Кажется, было использовано именно слово «пропуск», а не «билет». Пропуска у меня не было. С горечью я почувствовал, что все человечество делится на тех, кто имеет доступ в Ленинку, и на тех, кто лишен этой счастливой возможности. Я был среди «лишенных». Михаил Викторович задумался, потом спросил, знаю ли я, где находится памятник Гоголю. К моему счастью, я это знал. Встреча была назначена под левой рукой (или ногой) великого писателя. Задолго до назначенного срока я был уже возле создателя «Мертвых душ». День был пасмурным, накрапывал дождь. Михаил Викторович появился со стороны «Кропоткинской». На нашу встречу он пришел из Ленинки. Встреча состоялась во второй половине дня.

Позднее от общих знакомых я узнал, что после чешских событий 1968 г. Михаил Викторович никогда не появлялся в Институте русского языка. Отрезал, оторвал ту часть жизни от себя, но, идя на встречу со мной, он должен был находиться совсем рядом от того места, где прошли самые интересные годы его жизни! Что он чувствовал? Неужели дом на пересечении Волхонки и Гоголевского бульвара стал для него настолько чужим, что он спокойно мог проходить рядом с ним?

Вернемся к памятной для меня встрече. Поздоровавшись, Михаил Викторович поинтересовался: нет ли у меня родственников-филологов? Я заверил, что таковых не имеется (впоследствии выяснилось, что я ошибался: мой дядя по отцовской линии — доктор филологических наук, длительное время преподавал зарубежную литературу в Одесском университете, потом переехал в Германию, в город Любек). Договорившись с Михаилом Викторовичем о том, когда я снова позвоню, мы расстались. Он ушел, унося с собой мой диплом. Во время следующей встречи, которая состоялась в теплый солнечный день в Александровском саду, Михаил Викторович дал высокую оценку моей студенческой работе. Значительно более высокую, чем она того заслуживала. Вероятно, определенную роль сыграло то, что я был из далекого Магадана.

Михаил Викторович пригласил меня в гости. Так я оказался в знаменитой квартире на Открытом шоссе. Встречи наши продолжались. Наиболее интенсивными они были в период моего обучения в московской аспирантуре в 1983–86 гг. Позднее, приезжая в Москву из Магадана, я обязательно появлялся на Открытом шоссе. Хотя у меня установились очень добрые отношения со всеми, кто был в эти годы около Михаила Викторовича, наши встречи, как правило, происходили один на один. В последние годы, видя, что Михаил Викторович чувствует себя неважно, я сначала

звонил Елене Васильевне Красильниковой и спрашивал у нее разрешения на встречу, последняя из которых состоялась менее чем за месяц до его смерти.

В разговорах между нами часто всплывала тема евразийства. Пожалуй, она возникла даже раньше того, как я узнал что-либо об этом учении. Как-то Михаил Викторович заметил, что Н. С. Трубецкой идеальным типом языка считал агглютинативный, но сам владел только флективными языками. Следовательно, его выводы основывались не на личном опыте, а были исключительно продуктом «теоретизирования». Потом, когда я стал проявлять интерес к евразийским идеям (в первую очередь в изложении того же Н. С. Трубецкого), выяснилось, что М. В. Панов — принципиальный противник этой концепции. Он говорил, что чувствует себя европейцем и не ощущает в себе никаких азиатских черт. Тем не менее некоторые публицистические работы Н. С. Трубецкого явно были близки М. В. Панову.

Именно М. В. Панов обратил мое внимание на «спецхрановские» работы Н. С. Трубецкого. Для молодежи к слову «спецхран» сегодня требуется пояснение. В библиотеки СССР поступали книги, изданные за рубежом и по каким-то причинам (обычно политическим) неугодные советской власти. Сложилась традиция создавать в крупных библиотеках специальные хранилища для изданий подобного рода. Чтобы попасть в такое хранилище, надо было заручиться особой бумагой, которая являлась свидетельством твоей благонадежности. От М. В. Панова я впервые услышал в пересказе работу Н. С. Трубецкого «Вавилонская башня и смешение языков» [Трубецкой 1995]. Чрезвычайно близкой М. В. Панову была мысль, что вавилонское столпотворение — это не только наказание, но и указание на то, что человеческая культура не должна быть однородной. При этом М В. Панов любил цитировать чье-то высказывание: «Океаны соединяют материки, которые они разъединяют». В отношении языков эта мысль звучала так: языки объединяют народы, которые они разъединяют. Позволим читателю самому поразмышлять об этих высказываниях и оценить их глубину.

В одну из первых встреч Михаил Викторович рассказал об открытии, которое очень его интересовало: «Саша! Вы знаете, что растения, оказывается, могут чувствовать. К цветку присоединили провода, с помощью которых фиксировали состояние растения. После этого появлялся человек, который рвал у цветка листья, поджигал его, лил на него кислоту. Приборы фиксировали страдание растения. После этого появлялся другой человек, который ухаживал за цветком. Приборы показывали, как растение успокаивается. Потом, когда к растению вновь подходил “мучитель”, приборы показывали, что оно боится. Появление “доброго” человека

приводило к тому, что растение давало положительные сигналы». То, что растения могут чувствовать, было очень важным для мироощущения М. В. Панова. К этой теме он возвращался неоднократно. Этому же посвящено одно из его стихотворений. Кажется, что он был явным поклонником К. Э. Циолковского, считавшего, что вся природа — живая. Понятно, что о К. Э. Циолковском как своеобразном русском философе я тоже узнал от М. В. Панова.

В начале 80-х гг. М. В. Панов работал над «Словарем юного филолога» [Энциклопедический словарь 1984]. В нем были широко представлены биографии многих лингвистов. М. В. Панов очень высоко ценил их и считал великими представителями русской культуры. Одна из редакторов упрекала его: «Вы о них пишете так, как будто они и впрямь какие-то великие. Знала я многих из них: ничего особого в них не было». Эта дама за внешней непрезентабельностью известных ей лингвистов не смогла увидеть их научного величия. М. В. Панов был непреклонен: они великие. Такими они и запечатлены в словаре. Когда я начал писать эту статью, то первоначально назвал М. В. Панова выдающимся лингвистом. Потом подумал, вспомнил этот эпизод и написал: *великий*. Я в этом убежден.

У М. В. Панова было какое-то особое отношение с временами года. Более всего он любил весну. От него, а не от М. М. Пришвина я услышал об этапах наступления весны. Сначала — весна света (это когда день перестает быть таким коротким, что не успеваешь его заметить), потом — весна воды (в это время снег начинает обильно таять, но еще нет ощущения тепла, так как температура на нуле), наконец — весна тепла (это уже преддверие лета, когда всё начинает цвести). После того, как Михаил Викторович рассказал мне об этом, я живу по его весеннему календарю. Правда, мне, обитающему в далеком и климатически неуютном Магадане, почти не приходится наблюдать весны тепла, и я каждый раз страдаю от того, что приходится жить не по ритмам Михаила Викторовича. В Магадане туманная поздняя весна неохотно переваливается в такое же туманное лето.

К зиме М. В. Панов испытывал личную неприязнь. Как-то он сказал мне: «Хорошо умереть поздней осенью: зима пришла, а меня нет. Спрятался». Господь услышал его: М. В. Панов ушел из жизни 3 ноября 2001 года. В Москве было очень холодно, дул пронзительный ветер, с неба срывался мелкий снег.

Один из последних разговоров:

— Саша, а вы умеете пользоваться компьютером?

— Да, конечно.

— А я нет. XXI век — это уже не мой век.

Литература

Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М.: МГУ, 1956. 240 с.
Каленчук М. Л., *Земская Е. А.* (ред.). Жизнь языка: памяти Михаила Викторовича Панова. Отв. ред. М. Л. Каленчук, Е. А. Земская. М.: Языки славянских культур, 2007. 485 с.
Кузьмина С. М. (ред.). Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М. В. Панова / Сост. Л. А. Капанадзе. Отв. ред. С. М. Кузьмина. М.: Языки славянской культуры, 2001. 480 с.
Панов М. В. Лингвистика и преподавание русского языка в школе. М.: Фонд Развития фундаментальных лингвистических исследований, 2014. 272 с.
Панов М. В. Олени навстречу. М.: Carte Blanche, 1998. 190 с.
Панов М. В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. 438 с.
Панов М. В. Тишина. Снег. М.: Carte Blanche, 1998. 127 с.
Трубецкой Н. С. Вавилонская башня и смешение языков // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 327–338.
Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Иностранная литература, 1960. 372 с.
Энциклопедический словарь юного филолога. М.: Педагогика, 1984. 351 с.

References

Avanesov R. I. *Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Phonetics of the modern Russian literary language]. Moscow, MGU Publ., 1956. 240 p.
Enciklopedicheskii slovar' yunogo filologa [Encyclopedic dictionary of the young philologist]. Moscow, Pedagogika Publ.,1984. 351 p.
Kalenchuk M. L., Zemskaya E. A. (eds.). [Language life: in memory of Mikhail Viktorovich Panov] *Zhizn' yazyka: pamyati Mihaila Viktorovicha Panova*. Moscow, Yazyki Slavyanskih Kul'tur Publ., 2007. 485 p.
Kuzmina S. M. (ed.). [Language life: Collection of articles dedicated to the 80th anniversary of M. V. Panov] *Zhizn' yazyka: Sb. st. k 80-letiyu M. V. Panova*. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2001. 480 p.
Panov M. V. *Lingvistika i prepodavanie russkogo yazyka v shkole* [Linguistics and the teaching of the Russian language in schools]. Moscow, Fond Razvitiya Fundamental'nyh Lingvisticheskih Issledovanii, 2014. 272 p.
Panov M. V. *Oleni navstrechu* [Deer towards]. Moscow, Carte Blanche Publ., 1998. 190 p.
Panov M. V. *Russkaya fonetika* [Russian phonetics]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1967. 438 p.
Panov M. V. *Tishina. Sneg* [Silence. Snow]. Moscow, Carte Blanche Publ., 1998. 127 p.
Trubeckoi N. S. *Vavilonskaya bashnya i smeshenie yazykov* [Tower of Babel and mixing languages]. Trubeckoi N. S. *Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [History. Culture. Language]. Moscow, Progress Publ., 1995, pp. 327–338. (In Russ.)
Trubeckoi N. S. *Osnovy fonologii* [Principles of phonology]. Moscow, Inostrannaya Literatura Publ., 1960. 372 p.

Русская речь
Russian Speech

№ 04 | 2020
С. / Pp. 124–127

Наука в лицах

Памяти Галины Александровны Золотовой (1924–2020)

Science and Persons

In Memory of Galina A. Zolotova (1924–2020)

Ушла из жизни Галина Александровна Золотова, крупнейший русист XX — начала XXI в., ученый с мировым именем, смелый исследователь, человек высокой книжной культуры, независимого творческого мышления и редкой душевной щедрости. Жизнь Галины Александровны в полной мере вместила все скорби, выпавшие на долю людей того поколения.

Галина Александровна Золотова (Ремейко) родилась 4 августа 1924 года в г. Житомире. Служебные обязанности отца требовали частых переездов, поэтому семья жила на Украине, в Сибири, в Курске, Воронеже, Москве. Московским адресом семьи Ремейко стал знаменитый, печально известный Дом на набережной. С 1932 г. по 1937 г. Галина Александровна училась в школе № 19 на Софийской набережной, но не смогла ее закончить. Родители были репрессированы: отец, Александр Георгиевич Ремейко (Тихомиров), расстрелян, мать, София Михайловна, сослана в Норильлаг. Аттестат об окончании средней школы Галина Александровна получила

уже во время Великой Отечественной войны в Ростове-на-Дону, где она с сестрой Ангарой и братом Олегом жила в семье их тети Анны Михайловны. В том же году Галина Александровна была зачислена на историко-филологический факультет Ростовского университета. Но война прервала учебу: немецкие войска оккупировали Ростов-на-Дону. Галина Александровна была эвакуирована в Ташкент, где работала токарем на военном заводе № 702 (пятьдесят лет спустя была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне»). Летом 1943 г. Галина Александровна возвратилась в освобожденный Ростов-на-Дону. В 1944 г. смогла отвезти младших сестру и брата в Норильск, к матери, которая к тому времени была досрочно освобождена и работала педиатром в норильской больнице. Галина Александровна вернулась в Ростов-на-Дону и с февраля 1945 г. продолжила учебу в Ростовском университете.

В сентябре 1945 г. Галина Александровна перевелась на филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. Здесь Галина Александровна слушала лекции В. В. Виноградова и была постоянной участницей его научных семинаров, что предопределило ее судьбу в науке. Под руководством В. В. Виноградова Галина Александровна написала дипломную работу о прозе Н. М. Карамзина, после аспирантуры Института языкознания АН СССР (1950–1953 гг.) под его же руководством написала и защитила в 1954 г. кандидатскую диссертацию «Глагольные словосочетания и их типы в современном русском литературном языке (на материале сочинений А. М. Горького)». В последующие годы, уже будучи самостоятельным ученым, Галина Александровна всегда считала В. В. Виноградова своим главным учителем, а его работы образцом, к которому нужно стремиться.

В 1961 г. Галина Александровна пришла работать в Институт русского языка АН СССР (позже — ИРЯ РАН), который на долгие 42 года стал ее вторым домом. Все эти годы Галина Александровна сохраняла преданность принципам и идеям своего учителя. За время работы в стенах института Галина Александровна прошла путь от младшего до главного научного сотрудника, защитила докторскую диссертацию «Очерк функционального синтаксиса русского языка» (1971), создала собственное направление в русской грамматической науке — концепцию коммуникативной грамматики. Эта теория соединяет лучшие традиции русистики и новаторские идеи лингвистики XX в. и отвечает на многие трудные вопросы русской грамматики. Вот некоторые из них. Что такое русское односоставное

предложение? Бывают ли подлежащие не в именительном падеже? Может ли быть сказуемое без глагола? Как связана система частей речи с типами русских предложений? Зачем нужны морфологические категории имен и глагола? Чем объясняется отсутствие тех или иных форм у определенных разрядов слов? Какую роль играет категория вида в организации текста? Как связан выбор синтаксической конструкции с функциональным стилем, жанром и образом автора?

В центре внимания теории коммуникативной грамматики текст. Анализ текста способствует более содержательному и системному изучению единиц языка всех уровней, превращает грамматику классифицирующую в грамматику объяснительную, которая, в свою очередь, становится базой для филологического анализа художественного текста.

Научные идеи Галины Александровны представлены в более чем 200 статьях и в двух монографиях — «Очерк функционального синтаксиса русского языка» (1973), «Коммуникативные аспекты русского синтаксиса» (1982); в «Синтаксическом словаре (репертуар элементарных единиц русского синтаксиса)» (1988). В 1998 г. вышла в свет коллективная монография «Коммуникативная грамматика русского языка», в которой Галина Александровна с ее соавторами (Н. К. Онипенко и М. Ю. Сидоровой) представили целостную концепцию и продемонстрировали ее объяснительные возможности. В 2003 г. за книгу «Коммуникативная грамматика русского языка» Галина Александровна и ее соавторы были удостоены Шахматовской премии.

Авторитет Галины Александровны и созданной ею концепции признан мировым лингвистическим сообществом. Галина Александровна Золотова была избрана почетным членом научных обществ Чехии, Болгарии и Франции, читала лекции по приглашению 40 зарубежных университетов, в 2000 г. Стокгольмский университет присвоил ей звание Почетного доктора (honoris causa).

За вклад в российскую лингвистическую науку в 2002 г. Указом Президента РФ Галине Александровне присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Доктор филологических наук, профессор Г. А. Золотова совмещала научную деятельность в Институте русского языка с преподаванием на филологическом факультете МГУ. Более 35 лет Галина Александровна

работала на кафедре русского языка. Основные положения концепции коммуникативной грамматики вошли в программу одного из обязательных университетских курсов — «Грамматика и текст». Под руководством Галины Александровны было написано 22 кандидатские диссертации и три докторские. Научные идеи Галины Александровны пришли и в школу, стали научной основой программы русского языка для старших классов и школьного учебника «Русский язык: От системы к тексту» (2002).

За долгую и плодотворную жизнь в науке Галина Александровна сумела сделать многое: написать теоретическую грамматику, словарь и учебники, воспитать учеников-единомышленников и создать научную школу.

Прожита жизнь, и прожита так, что остается добрая память о светлом и сильном человеке, мудром и щедром учителе, смелом и ярком ученом, бескорыстно любившем науку и русский язык.

Вечная память и низкий поклон…

Н. К. Онипенко, В. Е. Чумирина

Русская речь

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Зав. редакцией *О. В. Антонова*
Редакторы *А. В. Занадворова, М. А. Пузина*
Корректор *В. Л. Цумарева*
Верстка *С. В. Родионовой*

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»,
тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rus-rech@mail.ru

Подписано к печати 17.08.2020 г.
Формат 60×88 $^{1}/_{16}$
Уч.-изд. л. 10,4
Тираж 270 экз.
Зак. 18/4а
Цена свободная

УЧРЕДИТЕЛИ:
Российская академия наук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

ИЗДАТЕЛЬ:
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-040-19
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

ГАУГН-ПРЕСС

осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия

Ключевые направления:

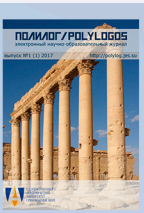
- **формирование учебно-методических комплексов**
- **внедрение мировых стандартов научной периодики и коммуникации**
- **популяризация науки**

Принципы деятельности:

- **сетевое взаимодействие ведущих научных центров**
- **модульный характер актуализации гуманитарного знания**
- **интеграция науки и образования**

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА



По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

press.gaugn.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% - кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

- История
- Философия
- Политология
- Социология
- Международные отношения
- Зарубежное регионоведение
- Востоковедение и африканистика
- Психология
- Культурология
- Археология
- Менеджмент
- Юриспруденция
- Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

E-mail: info@gaugn.ru

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

vk.com/gaugn

gaugn.ru

Лицензия 90Л01 № 0009385 регистр. № 2323 от 9 августа 2016 г.
Свидетельство о государственной аккредитации № 3207 от 24 июля 2019 г.